

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Реиндустриализация экономики: начнем с импортозамещения? * Программное заявление. О Международном конгрессе «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» * Обновление экономической системы: большие проекты как ключ к выходу из стагфляционной ловушки * Стратегии модернизации российской экономической системы * Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России * Стенограмма научного семинара ИНИР «Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики» *

№3 (41)

2014

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ № 3 (41) 2014

Периодическое научное издание

Учреждено в 1915 г.
Возобновлено в 2004 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия Российской Федерации (*Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 10. 11. 2004 г. ПИ № ФС77-18838*).

Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
«Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (*Решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля 2012 года № 8/13*).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;

А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;

Е. А. Малинин, генеральный директор ООО «Санкт-Петербургское агентство новостей» («СПАН»), член Союза журналистов Санкт-Петербурга.

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН.

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое возрождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка И. Г. Бондарев

Адрес редакции:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 22.10.2014 г.
Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 2000 экз. Заказ 568.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, д. 12

© Экономическое возрождение России, 2014

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, председатель научно-редакционного совета;

А.А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;

С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;

В. М. Геци, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Украины;

Р. М. Георгиев, д-р экон. наук, профессор (Болгария);

Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;

И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;

А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;

В.Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;

В. С. Кравцов, д-р экон. наук (Украина);

И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;

А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;

Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);

В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;

Ю. П. Панибратов, д-р экон. наук, профессор, академик РААСН;

Н. Я. Петраков, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;

Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;

В. Реген, д-р экон. наук, профессор, иностранный член РААСН (Германия);

З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Азербайджана

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V.V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific editorial board;

A.A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;

S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;

V. M. Geets, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Ukraine;

R. M. Georgiev, Doctor of Economics, Professor (Bulgaria);

R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;

I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;

A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;

V.L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;

V. S. Kravtsov, Doctor of Economics (Ukraine);

I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;

A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);

V.V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

Yu. P. Panibratov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences;

N.Ya. Petrakov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;

V. Regen, Doctor of Economics, Professor, foreign member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Germany);

Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Azerbaijan

CONTENTS

Foreword from the editor-in-chief

<i>Bodrunov S.D.</i> Reindustrialization of economy: begin with import substitution?.....	5
---	---

On the way to revival

<i>Bodrunov S.D.</i> About international congress “Revival of production, science, and education in Russia: challenges and solutions” (22–23 November 2014).....	8
<i>Grinberg R.S.</i> Economic system renovation: enterprises as the key to withdrawal from the stagflation trap (the polemic notes on the back of the release of 3 papers for the reindustrialization problems).	11
<i>Voeikov M.I.</i> Strategies of Russian economic system modernization.	16
<i>Kulikov V.M.</i> Parameters of research and formation of the national economic system in Russia.....	24
Transcript of NIDI scientific seminar “Reindustrialization as the main direction of Russian economy modernization” (St. Petersburg, June 27, 2014 r.).....	32
<i>Mysin M.N.</i> The prospects of regional development of public-private partnership in Russia.....	52
<i>Balashov A.I., Trigolos O. V.</i> The analysis of the elements of state industrial policy for strategic development of biotechnology industry in Russia.	57
<i>Kamenskih M.A.</i> Research of Russian competitiveness within the framework global economy.....	66
<i>Kostromina S. N., Gurieva S. D., Samuilova I. A., Konfisahor A. G.</i> Social-psychological paradoxes of economic development the russian’s region.....	71
<i>Anokhina M. E.</i> Economic growth industrial complex: theory and practice. The article reveals the essential characteristic economic growth of industry.....	90

Business economics and innovation economics

<i>Korneychuk B. V.</i> Democratization as the Basis of Economic Modernization.....	105
<i>Yugova I. V.</i> Institutional conditions of competitive environment market housing investments.....	111
<i>Mamedova N.A.</i> Social control in public procurement. Article aims to study the approaches to the organization and direction of one of the forms of social control in Russia — public control of public procurement.....	116
<i>Shlenov N.A.</i> Problems of development of regional management of construction enterprises.....	124
<i>Minaev N.N. , Filushina K. E. , Kolihaeva J. A., Dobrynina O. I.</i> Developing priority guidelines and working indicators of housing and utility complex regions.	130
<i>Polushkina I.N., Loginova T.P.</i> Production and nonproduction sphere: analysis of the experience of developed countries and prospects neoindustrialization in Russia.....	138
<i>Balakina G.F. , Popod’ko G.I.</i> Special economic zones as a measure of the depressed regions development.....	146

Abstracts	151
------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора

<i>Бодрунов С.Д.</i> Реиндустриализация экономики: начнем с импортозамещения?.....	5
--	---

По пути к возрождению

<i>Бодрунов С.Д.</i> О международном конгрессе «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» (22—23 ноября 2014 г.).....	8
<i>Гринберг Р.С.</i> Обновление экономической системы: большие проекты как ключ к выходу из стагфляционной ловушки (полемические заметки в связи с публикацией трех статей по проблемам реиндустриализации).....	11
<i>Воейков М.И.</i> Стратегии модернизации российской экономической системы.....	16
<i>Кульков В.М.</i> Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России.....	24
Стенограмма научного семинара ИНИР «Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики» (Санкт-Петербург, 27 июня 2014 г.).....	32
<i>Мысин М.Н.</i> Перспективы регионального развития государственно-частного партнерства в России.....	52
<i>Балашов А.И., Триголос О.В.</i> Анализ элементов государственной политики в сфере стратегического развития биотехнологической отрасли России.....	57
<i>Каменских М.А.</i> Исследование конкурентоспособности России в рамках глобальной экономики. Рассмотрены аспекты глобальной конкурентоспособности России в условиях продолжающегося спада мировой экономики.....	66
<i>Костромина С.Н., Гуриева С.Д., Самуйлова И.А., Конфисахор А.Г.</i> Социально-психологические парадоксы экономического развития региона России.....	71
<i>Ситнова И.А., Ишназаров Д.У., Салихова З.М.</i> Сущность и структура институциональной среды экономики современной России: возможность перехода на интеллектуальное развитие.....	83
<i>Анохина М.Е.</i> Экономический рост отраслевых комплексов: теория и практика.....	90

Экономика предпринимательства и инновации

<i>Корнейчук Б.В.</i> Демократизация как основа экономической модернизации.....	105
<i>Югова И.В.</i> Институциональные условия развития конкурентной среды на рынке жилищных инвестиций.....	111
<i>Мамедова Н.А.</i> Общественный контроль в сфере государственных закупок.....	116
<i>Шленов Н.А.</i> Проблемы развития регионального управления строительными предприятиями.....	124
<i>Минаев Н.Н., Филюшина К.Э., Колыхаева Ю.А., Добрынина О.И.</i> Разработка приоритетных направлений и индикаторов развития жилищно-коммунального комплекса регионов.....	130
<i>Полушкина И.Н., Логинова Т.П.</i> Производственная и непроизводственная сферы: анализ опыта развитых стран и перспективы неоиндустриализации в России.....	138
<i>Балакина Г.Ф., Поподько Г.И.</i> Целевые экономические зоны как инструмент развития депрессивных регионов.....	146

Рефераты	151
-----------------------	-----

Новая геополитическая и экономическая ситуация, сложившаяся в России весной-летом 2014 г., актуализировало задачу обновления российской экономической системы. Сформировавшаяся в последнее десятилетие модель экономических отношений и институтов оказалось способной в лучшем случае (при благоприятной международной конъюнктуре) обеспечить экстенсивный рост, а в худшем может привести к мультиплицированию мирового экономического кризиса и длительной экономической стагнации.

О необходимости обновления экономических отношений, институтов и политики с целью обеспечения приоритетного развития отечественного высокотехнологичного производства, науки, образования и культуру давно пишут и говорят ученые многих университетов и академических центров России, эксперты и лидеры реального сектора экономики. Программа такого обновления была сформулирована на Первом и Втором Московских экономических форумах, прошедших в марте 2013 и 2014 годов в МГУ им. Ломоносова.

Важным этапом в этом направлении должны стать Международная научная конференция **«Экономическая система современной России: пути и цели развития»** (Москва, 19 ноября 2014 г.; организаторы — кафедра политической экономии экономического факультета МГУ, отмечающая в этом году свое 210-летие, Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте и др.) и Международный конгресс **«Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения»** (Москва, 22–23 ноября 2014 г.; организатор — Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, соорганизаторы — Общественная сеть «Конгресс работников образования, науки, культуры и техники (КРОН) и Общероссийское общественное движение «Образование для всех»). Информационными партнерами мероприятий выступают журналы «Экономическое возрождение России», «Проблемы современной экономики» и др.

Для активизации дискуссии по проблемам обновления российской экономической системы, перехода к политике реиндустриализации журналы «Экономическое возрождение России» и «Проблемы современной экономики» публикуют статьи по заявленным темам и приглашают заинтересованных авторов, а также редакции других журналов к участию в дискуссии. Напоминаем, что импульсом к началу дискуссии стали статьи С. Д. Бодрунова «Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства» и В. Т. Рязанова «Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты», опубликованные в журнале «Экономическое возрождение России» (2014, № 2) и статьи А. И. Колганова и А. В. Бузгалина «Реиндустриализация как ностальгия?», опубликованные в журнале «Социс» (2014, № 1, 3).

Журналы «Экономическое возрождение России» (2014, № 3) и «Проблемы современной экономики» (2014, № 3) предлагают серию новых публикаций известных ученых по данной проблеме.

Редакция журнала
«Экономическое возрождение России»

С.Д. Бодрунов¹

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: НАЧНЕМ С ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ?

Двадцатилетний период реализации либерально-монетарной модели привел к развалу производства, снижению устойчивости экономики, повышению уровня нашей зависимости от иностранных капиталов, технологий, продукции, потребительских товаров. В частности, производство продукции в базовых отраслях отечественной промышленности сократилось в разы, при этом доля импорта в станкостроении и легкой промышленности сегодня превышает 90 %, в тяжелом машиностроении, радиоэлектронике, медицинском оборудовании — 80 % и т. д. Массовый потребитель давно забыл о широком ассортименте российской одежды и продуктов.

В то же время сегодня, как и в конце 1990-х, в период кризиса и резкой девальвации рубля, Россия сталкивается с потенциальным дефицитом валюты у субъектов хозяйственной деятельности и резким удорожанием импорта. В 1998 г. объем импорта в Россию сократился на 20 %, в 1999 г. — еще почти на 30 %, зато рост ВВП и промышленного производства в 1999 г. примерно на четверть был обеспечен за счет увеличения выпуска российской продукции, заместившей импортную. Сегодня падение мировых цен на энергоносители сопровождается санкциями, что объективно усиливает необходимость импортозамещения.

Традиционно под импортозамещением понимается снижение доли импортируемой продукции на внутреннем рынке. При этом речь не идет о тотальном импортозамещении: во-первых, мы это не потянем экономически, технологически и организационно; во-вторых, это и не нужно! Об этом еще в 2009 г. говорил В. В. Путин, отмечая, что «... не стоит считать импортозамещение самоцелью». Живя в глобальном мире, мы не можем отказаться от преимуществ глобальной кооперации, вступить на путь экономической самоизоляции. Но при этом мы не должны мультиплицировать риски в сферах экономической и оборонной безопасности, доступности передовых технологий, продовольственной и товарной зависимости. В этом смысле импортозамещение — это минимизация не импорта как такового, а именно этих рисков. Сегодня задача импортозамещающей политики состоит в формировании системы стимулов для поддержки национального производства импортозамещающей продукции, конкурентоспособной не только на внутреннем, но и на внешних рынках.

Недавно министр экономического развития А. В. Улюкаев, выступая в Государственной Думе, отметил, что, разрабатывая программу импортозамещения, мы должны двигаться в трех направлениях: диверсификации импорта, диверсификации экспорта и создания новых производственных мощностей. Наверное, следует добавить — такой модернизации производственных мощностей, которая позволит осуществить диверсификацию и активное наращивание экспорта российской продукции. При этом на первое место мы бы поставили *воссоздание российской промышленности на новой технологической основе*, т. е. реиндустриализацию российской экономики.

О необходимости реиндустриализации (или новой индустриализации) экономисты-государственники говорят уже давно. К сожалению, только в последние месяцы в связи с возникшими вызовами в России на всех уровнях началось реальное осознание недопустимости политики

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор.

деиндустриализации, которая на протяжении многих лет вела к технической деградации, разрушению устойчивости российской экономики, снижению человеческого потенциала и экономической безопасности страны. Под реиндустриализацией можно понимать переход к новой модели экономического роста за счет повышения эффективности использования ресурсов для производства конкурентоспособной инновационной продукции (преимущественно с использованием отечественных наукоемких технологий) через развитие и модернизацию производственной и технологической базы национальной промышленности.

Политика реиндустриализации в этом смысле прямо ориентирована на обеспечение заявленной руководством страны стратегии импортозамещения. На самом деле можно говорить о проведении импортозамещающей и экспортоориентированной реиндустриализации. Заметим, что наиболее эффективной политика импортозамещения была в Бразилии, Южной Корее и Мексике, где она изначально ориентирована не столько на ограничение импорта, сколько на стимулирование экспорта. При этом национальные производители должны были обеспечить конкурентоспособность импортозамещающей продукции.

В связи с этим возникает извечный российский вопрос — что делать? Правительство сосредоточено в основном на задаче быстрого замещения импортной продукции в тех направлениях, которые в ближайшее время могут стать критически важными для экономики «первого плана»: потребительского сектора, здравоохранения, обеспечения важных социальных задач. Далее в повестке дня — решение задач стратегических отраслей, в первую очередь речь идет о стратегических ресурсах и оборонной безопасности. Не менее важным является сохранение единого коммуникационного пространства: телекоммуникаций, связи, сетей передачи данных, в том числе в финансовой сфере, и т. д. В федеральном бюджете на 2015–2017 гг. на эти цели выделяется более 35 млрд рублей. Минпромторг готовит программу импортозамещения, предусматривающую не только выделение дополнительных средств, но и некоторые меры административно-организационного характера, в частности, с использованием тарифно-таможенного регулирования, федеральной контрактной системы и налогового регулирования. Определенные надежды возлагаются на создаваемый по инициативе Минпромторга Фонд поддержки промышленности, куда в ближайшие три года на эти цели направят 18 млрд рублей. Эти меры должны обеспечить ежегодный прирост производства российских товаров и оборудования на 30 млрд рублей начиная с 2015 г.

Эти планы заслуживают всемерной поддержки. При этом важно избежать таких негативных явлений, как раздача денег по принципу «всем сестрам по серьгам», размытость приоритетов, отсутствие четких критериев в вопросах объемов, сроков и оценки результатов прилагаемых усилий.

Подчеркнем, что для проведения эффективной импортозамещающей политики недостаточно уже обнародованных мер, необходимо восстановление структуры отечественной промышленности. Предусмотренные меры должны быть направлены не только и не столько на решение сиюминутных задач импортозамещения, сколько на воссоздание базовых производственных ниш, замещение которых иностранными производителями произошло в годы деиндустриализации и привело к сегодняшним проблемам. Возьмем, например, станкостроение — основу технологической независимости, без которого невозможны тяжелая промышленность, энергетическое машиностроение и другие базовые, стратегические отрасли. Сегодня мы производим в 25 раз меньше различных станков, чем в 1991 г. При этом потребность в них, несмотря на спад объемов промышленного производства, очень острая и удовлетворяется сегодня почти полностью за счет импорта. Важны сегодня и другие базовые производственные страты: микроэлектроника — компонентная база современной промышленности, передовое нефтегазовое оборудование — по горизонтальному бурению, гидроразрыву и др. И здесь одними финансовыми вливаниями, несмотря на их принципиальную важность, не обойтись. Безусловно необходимы

мощная государственная поддержка, концентрированные усилия государства в определении приоритетов и, соответственно, ключевых проектов, а также в принятии организационных решений, носящих пролонгированный характер и нацеленных на решение заявленных задач. И, наконец, реальная защита частного предпринимателя, поскольку во всем мире современные отрасли создаются, как правило, частным бизнесом, и импортозамещение возможно только при опоре на частный бизнес.

Представляется, что должна быть усилена протекционистская политика по отношению к собственным производителям: стимулирование технологического прогресса, создание стимулов для инвестирования в модернизацию производственных мощностей и технологий, разумное поэтапное ограничение импорта промышленной продукции. Необходимы изменения «финансового пространства» жизни производственных компаний («длинное» и «дешевое» кредитование, изменение механизмов предоставления государственной помощи и др.). Следует настаивать на изменении административной практики в отношении промышленности и предпринимательства в целом: на декриминализации законодательства в сфере предпринимательской деятельности, ограничении «серого» импорта, законодательном закреплении правового статуса современных промышленных структур (индустриальных парков, промышленных кластеров и т. п.).

Раньше, когда говорили о необходимости реиндустриализации, часто возникал вопрос — с чего начинать? Сегодня в силу сложившихся обстоятельств такого вопроса нет. Начав с импортозамещения — поэтапного, «послойного», углубляющегося, мы можем осуществить настоящую реиндустриализацию страны. При этом становятся понятными не только глобальные цели и задачи реиндустриализации, но также ее приоритеты и механизмы реализации.

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

С. Д. Бодрунов¹

О МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ «ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ» (22–23 ноября 2014 г.)

Программное заявление

Международный конгресс «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» посвящен проблемам возрождения отечественного высокотехнологичного производства, науки, образования и культуры.

Краткое Программное заявление отвечает на три вопроса:

1. Почему выбрана именно эта тема и почему Конгресс проводится именно этой осенью, без традиционного для таких мероприятий полутора-двухлетнего лага между их инициированием и проведением?
2. Кто организовал Конгресс и кто примет участие в его работе?
3. Что организатор и инициаторы Конгресса хотят сказать «стране и миру» и на какие результаты рассчитывают?

Итак, **тема Конгресса** — не случайна.

Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (ИНИР, Санкт-Петербург), наши коллеги из Академии наук, МГУ и других учебно-научных центров, специалисты сферы материального производства уже более 10 лет говорят и пишут о *необходимости реиндустриализации России*. В ряде своих выступлений предыдущих лет я предложил под реиндустриализацией понимать проведение *экономической политики*, представляющей собой набор мероприятий по *восстановлению роли и места промышленности в экономике страны* в качестве ее базовой компоненты на основе *нового, передового технологического уклада* путем решения комплекса взаимосвязанных экономических, организационных и иных задач в рамках *модернизации России*, которую ИНИР выдвинул в качестве *доминанты* нашей экономической доктрины будущего периода. Сходную позицию обозначили многие специалисты упомянутых выше структур.

И Президент России, и руководство парламента, и многие члены правительства неоднократно (особенно в последние годы) делали важные заявления в поддержку этой позиции. Однако на деле (в силу многих причин) продолжалась практика 2000-х годов.

В последние месяцы в связи с устойчивым трендом на снижение цен на углеводороды, санкциями, введенными Западом, и нашим ответом на них в России на всех уровнях началось *реальное осознание недопустимости* продолжения *деиндустриализации*, которая на протяжении многих лет вела к технической деградации, нарушению устойчивости российской экономики, снижению челове-

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, сопредседатель Конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения», (Москва, 22-23 ноября 2014), д-р экон. наук, профессор.

ческого потенциала и экономической безопасности нашей страны. Поэтому мы решили не откладывать проведение Конгресса.

Нас радует, что это — не единственный Конгресс, посвященный сформулированным выше проблемам. В марте 2013 г. ИНИР совместно с Институтом экономики РАН представил базовый доклад по проблеме реиндустриализации российской экономики на Научно-экспертном совете при Председателе Совета Федерации; по докладу были приняты соответствующие рекомендации. В декабре 2013 г. по моему докладу Вольным экономическим обществом России были проведены Абалкинские чтения в Доме экономиста. Также в 2013 г. и весной этого года прошли Первый и Второй московские экономические форумы, на которых эти проблемы стали основными в ряду обсуждаемых тем. Наконец, широкий круг специалистов России уже дважды собирался на встречи по проблемам возрождения производства, науки и образования в Санкт-Петербурге. Недавно ИНИР организовал обсуждение этих идей в Совете Федерации и Государственной Думе. Эти вопросы вошли в перечень приоритетных научных интересов Института экономики, Института народно-хозяйственного прогнозирования и ряда других научных учреждений РАН, МГУ, СПбГУ, СПбГЭУ и др.

Что касается поиска путей оптимального технического и экономического развития, в этой сфере у нашей страны давние традиции. Россия помнит реформы С. Ю. Витте, имя которого с гордостью носит наш институт; трагедии и достижения сталинской индустриализации; научно-технические и образовательные прорывы 1960-х гг., сопровождавшиеся проблемами «экономики дефицита»...

Нам давно пора извлечь уроки из этих процессов и главное — понять, что экономическая политика в духе рыночного фундаментализма, начатая в 1990-х гг., должна быть остановлена.

Стране необходимы:

- *высокотехнологичное материальное производство;*
- *наука и образование мирового уровня;*
- *культура, которой будут гордиться россияне и к которой будут тянуться граждане других стран.*

В центре этой стратегии стоит задача *реиндустриализации* российской экономики. В нашей стране есть специалисты, имеющие представление о том, какой должна быть «дорожная карта», ведущая в этом направлении. *Инициаторами* проведения Конгресса стали Институт экономики РАН (директор — член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг), Общественное движение «Образование для всех» (председатель — 1-й заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы РФ О. Н. Смолин), Конгресс работников науки, образования и техники (сопредседатель КРОН — А. В. Бузгалин).

Организатором Конгресса является коллектив ученых и специалистов ИНИР имени С. Ю. Витте.

Участники Конгресса — ведущие ученые и эксперты Академии наук, крупнейших университетов страны, аналитики, депутаты Государственной Думы, бизнесмены, лидеры гражданского общества.

Кратко о том, что мы предлагаем. Основные *приоритеты* — обозначены, *цели* — ясны. Необходимо выбрать *средства* и обеспечить их должными *ресурсами*. И здесь есть как *принципиальное единство* многих ученых, экспертов, практиков, так и поле для дискуссий.

Объединившиеся для подготовки Конгресса специалисты согласны в том, что России необходимы:

- *активная промышленная политика*, нацеленная на *приоритетное* развитие *ключевых* сфер *высокотехнологичного* материального *производства* и *научно-образовательного прогресса;*
- *соответствующая экономическая среда* (доступность ресурсов, снижение административных барьеров и чиновничьего давления, «налоговые каникулы», льготное долгосрочное кредитование, повышение уровня защищенности инвестиций и активов и т. д.) для отечественных производителей;
- *соответствующее социальное сопровождение* экономических и неэкономических мер, обеспечивающее снижение неравенства; общедоступность здравоохранения, образования и подлинной

культуры; особенно стоит подчеркнуть недопустимость развала академической науки и пренебрежительного отношения к научно-техническим кадрам.

Именно эти *императивы* заложены в рассматриваемые Конгрессом проекты документов: в заявление Конгресса, резолюцию о промышленной политике, концепцию закона о науке и др.

Р. С. Гринберг¹

**ОБНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: БОЛЬШИЕ ПРОЕКТЫ
КАК КЛЮЧ К ВЫХОДУ ИЗ СТАГФЛЯЦИОННОЙ ЛОВУШКИ
(ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ В СВЯЗИ С ПУБЛИКАЦИЕЙ ТРЕХ СТАТЕЙ
ПО ПРОБЛЕМАМ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ)**

Разворачивающаяся в журналах «Экономическое возрождение России», «Социологические исследования» и «Проблемы современной экономики» дискуссия о путях возрождения отечественной индустрии как основного звена реального сектора и основы будущего прогресса науки, образования и культуры как нельзя более актуальна. Особенно позитивным является акцент на необходимости существенных изменений всей экономической системы России, а не только тех или иных параметров экономической политики. Участники этой дискуссии, прежде всего ее инициаторы С. Д. Бодрунов, а также А. И. Колганов и А. В. Бузгалин², вполне обоснованно восприняли тезис, с которым автор этих строк давно выступает на самых представительных форумах, в том числе на Московском экономическом форуме 2013 и 2014 гг. Речь идет о необходимости адекватного «диагноза» сложившейся ситуации и выводах, которые мы можем сделать относительно необходимых реформ в экономической сфере.

1. Российская экономика вползает в stagflationную ловушку

В кругах экономистов-теоретиков идет дискуссия о возможных путях выхода из stagflationных ловушек вообще и российской — в частности. В последнее время эта тема стала предметом дебатов в правительстве Российской Федерации, которое ищет ответ на новые экономические вызовы. Между Минэкономразвития и Минфином идет бурный публичный диспут, в центре которого — судьба бюджетного правила. Но, чтобы искать способы выхода из того положения, в котором оказалась российская экономика, сначала следует разобраться в том, что это за положение.

Минфин «не исключает спада (я бы сказал жестче — нового кризиса — Р. Г.) во втором и третьем квартале 2014 года»; Минэкономразвития настаивает на том, что экономический рост, затухая, еще теплится; МВФ утверждает, что российская экономика уже в рецессии.

Удивительно, но ни одна из сторон не говорит о рисках начинающейся *stagflation*, хотя первый зампред Банка России Ксения Юдаева еще в январе 2014 г. предупреждала об угрозе stagflation, а аналитики известного банка HSBC в марте четко сформулировали: «Российская экономика в stagflation».

Речь идет не об академическом споре о терминах, а об оценке настоящего или ближайшего будущего нашей экономики. На наш взгляд, именно эта оценка должна стать отправной точкой при принятии решения о приоритетах экономической политики.

Правительство stagflation или не видит, или не хочет стать гонцом, приносящим дурную весть. «Дурная весть» в данном случае состоит в том, что stagflation — это не просто

¹ Руслан Семенович Гринберг, чл. - корр. РАН, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

² См.: Бодрунов, С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. 2014. №2(40). С. 5–16; Бузгалин, А. В., Колганов А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социс. 2014. №1. С. 80–94; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Polemicheskie zametki o celyevykh akcentakh альтернативной социально-экономической стратегии // Социс. 2014. №3. С. 120–130.

арифметическое сложение стагнации и инфляции. Сочетание этих процессов порождает новое качество: возникает ситуация, в которой напрямую не работают ни традиционные монетаристские, ни кейнсианские рецепты.

Что касается российской экономической системы, то ее специфика, прежде всего незавершенность трансформационных процессов, справедливо акцентируемая С. Д. Бодруновым³, порождает особые черты и противоречия стагфляции. В наших условиях — это отражение не столько универсального феномена, сколько (намеренно повторяю) специфики отечественной экономики, страдающей от нехватки собственных изделий и чрезмерно зависящей от импорта товаров и услуг, а следовательно, от динамики курса рубля, входящего, судя по всему, в девальвационный тренд. А это означает, что выход из, так сказать, доморощенной стагфляции с помощью стандартных монетаристских рецептов в принципе невозможен.

Ключом к решению кажущихся прежде всего финансовыми проблем стагфляции в России должен стать рост производства в реальном секторе.

2. В поисках выхода

Борьба со стагфляцией имеет длительную историю. Наиболее драматичной она была в 70-е гг. прошлого века, послужив одной из причин частичного свертывания социал-демократической экономической политики и роста идей (и действий) правых неолибералов. Классический выход из стагфляции кажется очевидным: сначала сбить инфляцию и только потом рассчитывать на возобновление роста. Формально российское правительство выстраивает экономическую политику именно так. Приоритеты: «таргетирование инфляции» со стороны ЦБ, нормативное закрепление бюджетного правила, замораживание тарифов естественных монополий на 2014 г. — все это меры, близкие по своим корням к теоретическим рецептам данного направления. Но есть обоснованные сомнения в том, что правительству удастся победить инфляцию. Перечисленные приоритеты выбраны не вчера, однако инфляция нарастает, а не снижается.

Во-первых, цены толкает вверх обесценение рубля, но рубль будет обесцениваться и дальше вслед за спадом экономики, который ускорился в значительной мере из-за отсутствия внятной экономической политики.

Во-вторых, для победы над инфляцией в российских условиях, как уже отмечалось, одних монетарных или бюджетных ограничений недостаточно. Растет потребность в перестройке всей структуры экономики, которая, как теперь особенно очевидно, невозможна без последовательной промышленной политики, субъектом которой может быть только государство, как бы к нему ни относиться. Тем более сложившаяся геополитическая обстановка актуализирует скорее рост активности российского государства, чем следование либеральным экономическим рецептам.

Так что же делать? — Правительство настаивает на продолжении прежнего курса бюджетной и кредитно-денежной политики, о чем было заявлено на Петербургском международном экономическом форуме. Но чтобы выйти из тупика, необходим свежий взгляд на проблему, который подскажет возможные коррекции тех или иных финансовых действий правительства, поможет начать проведение внятной экономической политики (о необходимости последней сегодня активно размышляет российская власть) и более масштабные изменения. О том, какими они могут быть,

³ «Переход от одной системы к другой всегда сопряжен с серьезными проблемами. Сформировавшиеся экономические отношения не соответствовали сложившимся материальным, экономическим и социокультурным предпосылкам. Реакция экономики на неопределенность, более того, на искажение экономических сигналов, была адекватной: сжатие спроса и, соответственно, падение производства, сужение горизонта экономических решений, отказ от долгосрочных инвестиций и высокорисковых проектов при одновременном росте слоя населения с низкими доходами. Экономическая система, продуцирующая растущее неравенство доходов, создает для себя ловушку неэффективности, поскольку подрывает главный источник развития современной экономики.» (Экономическое возрождение России. 2014. №2(40). С. 7)

говорилось на Московском экономическом форуме в 2013 и 2014 гг.⁴ Об этом пишут и авторы упомянутых в начале нашего текста статей⁵. Но здесь есть и ловушки, которые могут быть едва ли не опаснее stagflationных — это некоторые романтические устремления «опережать, не догоняя» и искать иные (отказавшись от проверенных мировым опытом) решения «стратегии опережающего развития», предлагаемые А. И. Колгановым и А. В. Бузгалиным. Споры нет: авторы, известные ученые МГУ, уже более 20 лет разрабатывают эту стратегическую модель, и она серьезно обоснована с теоретико-экономической (я бы даже сказал — политэкономической) точки зрения⁶. Но если смотреть на вопрос практически, то окажется, что воплощение в жизнь этой стратегии возможно только при условии начала движения к посткапиталистическому обществу, т.е. по пути качественных изменений социально-экономической системы России. Пойдет ли существующая власть по этому пути? — Уверен, все понимают, что это риторический вопрос.

В этом контексте гораздо более обоснованной выглядит позиция С. Д. Бодрунова, автора не только теоретических, но и практически ориентированных исследований, проводившихся совместно ИЭ РАН и Институтом нового индустриального развития (ИНИР)⁷. Показав наличие трех разнородных подсистем российской экономики, что является новым интересным взглядом на ее структуру, С. Д. Бодрунов справедливо акцентирует внимание на необходимости развития не столько посреднического и сырьевого, сколько высокотехнологичного сектора отечественной экономики, называя это курсом реиндустриализации⁸. Следует подчеркнуть, что данный автор выступает с тезисом о необходимости возрождения отечественной индустрии (прежде всего высокотехнологичного производства) с 2005 г., о чем он пишет в своей книге⁹.

Заметим, что сходные положения Л. И. Абалкин, автор этих строк и наши коллеги по Академии наук выдвигали еще в начале 1990-х гг. В настоящее время этот тезис получил широкую поддержку. Исследования в этом направлении давно и успешно ведутся в возглавляемом автором этой статьи Институте экономики РАН. О необходимости развития отечественного несырьевого сектора как основы возрождения российской экономики много пишет сопредседатель Московского экономического форума К. А. Бабкин¹⁰, об этом говорят в своих статьях С. С. Губанов¹¹ и его коллеги по жур-

⁴ См. материалы Московского экономического форума 2013, 2014 гг.: «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума / под ред. Р. С. Гринберга, К. А. Бабкина, А. В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2014. 752 с.; Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегия будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / под ред. А. В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с. Официальный сайт Московского экономического форума (МЭФ) — <http://me-forum.ru>.

⁵ Так, например, в работе С. Д. Бодрунова содержится раздел: Состояние и перспективы развития российской экономической системы (Экономическое возрождение России. 2014. №2(40). С. 9–14), ст. А. В. Бузгалина и А. И. Колганова включает раздел, посвященный природе российской экономической системы (Социс. 2014. №1. С. 81–85), а также практические вопросы разработки стратегии опережающего развития (Социс. 2014. №3. С. 124–129).

⁶ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Экономика для человека. М., 1992; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Человеческий потенциал модернизации России (Стратегия опережающего развития – 2006). М.: ЛЕНАНД, 2006.. 436 с.; Бузгалин А. В. Россия: в поисках приоритетов развития // Развитие и экономика. 2012. №3.

⁷ За время совместной деятельности с участием сотрудников ИНИР был разработан ряд практических документов (официальный сайт ИНИР — <http://inir.ru>).

⁸ «Суть подхода заключается в том, что парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации — восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты на основе нового технологического уклада путем решения комплекса экономических, организационных и иных задач.» (Экономическое возрождение России. 2014. №2(40). С. 8).

⁹ Бодрунов С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С. Д. Бодрунов; ИНИР. СПб., 2013. 680 с.

¹⁰ Текст доклада на МЭФ 2013: Разумная промышленная политика необходима и возможна («Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума. 2013. С. 18–31).

¹¹ См., например: Губанов С. С. К политике неоиндустриализации России // Экономист. 2009. № 9.

налу «Экономист», многие ученые Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета (в частности, В. Т. Рязанов¹²) и других научных центров.

Сам по себе последний вывод, в отличие от первого, не является чем-то новым, но дополнительное обоснование справедливого вывода, особенно в условиях острой теоретической и практической дискуссии, — важный шаг. И я рад, что еще один руководитель научного центра говорит вслед за нами: «Карфаген должен быть разрушен» — мы должны уйти от политики рыночного фундаментализма.

Так что же нам предстоит сделать?

В конце марта я участвовал в заседании нового дискуссионного экономического клуба «Диалоги», организаторы (главной площадкой клуба является проект Dialogi.su) собрали экономистов, представляющих совершенно разные школы и направления, которые, дискутируя, ищут и предлагают свои решения.

Начнем с того, что, поставив в центр реальное производство и выдвигая задачу улучшения делового климата, мы должны критически осмыслить российский опыт. Нам не привыкать к тому, что цены растут и когда экономика растет, и когда она стоит, и когда падает.

В 1990-е гг., когда экономика рушилась, инфляция била рекорды, но и в 2009 г. кризис в нашей стране сопровождался ростом цен. Однако переход к росту ВВП удалось осуществить и в 1999 г. после оглушительного дефолта августа 1998 г., и в 2010-х гг. За счет чего? — Нового спроса со стороны внутреннего (это особенно характерно для 1999 г.) и внешнего рынков.

Сейчас ситуация хуже: вместо внешнего спроса — введение торгово-экономических санкций. Следовательно, новый спрос должно предъявить государство — больше некому. Вопрос — какой именно?

Выбор принципиально важен. Замыкаться на проблемах исключительно внутреннего рынка — значит, увеличивать свое отставание. Надо находить такие варианты, когда одновременно развивается внутренний рынок и появляются новые возможности для экспорта.

Расширение экспорта — это показатель эффективности выбранного маршрута. Может показаться, что задача не имеет решения, но это не так. И здесь я бы предложил обратиться к подвергшейся выше жесткой критике модели А. И. Колганова и А. В. Бузгалина: авторы, акцентируя необходимость приоритетного развития образования, науки и культуры¹³, выглядят, как я уже сказал, романтиками. Но в каком-то смысле они правы: экспорт образовательных услуг и научных идей, а также культурной продукции в современных условиях может быть важным фактором не только роста экономических показателей, но и повышения престижа страны.

Возможный вариант — увеличение экспорта военной продукции, предлагаемое С. Д. Бодруновым¹⁴.

Еще более перспективной выглядит реализация старой идеи помощника президента РФ по экономическим вопросам Андрея Белоусова, которую он выдвигал еще в качестве не призванного на госслужбу эксперта: развивать транзитные возможности России между производящей Азией и потребляющими Европой и США, строить надежный и скоростной транспортный

¹² Рязанов В. Т. От рентной экономики к новой индустриализации России // Экономист. 2011. № 8. С. 3–17.

¹³ «А третье — это постиндустриальные в самом строгом смысле слова сферы, основанные на приоритетном развитии общедоступной творческой деятельности и являющиеся главным приоритетом современной экономики, ибо именно здесь (в образовании, науке, искусстве, рекреации общества и природы) создается и реализуется главная производительная сила экономики XXI века — креативный потенциал человека.» (Социс. 2014. №1. С. 88).

¹⁴ «Возрождение ВПК началось в последние годы, о чем говорит рост государственных вложений в его развитие. Эта тенденция отвечает основным цивилизационным кодам России, предполагающим приоритет целого — державы, но при активной поддержке тех инициатив предпринимателей, которые отвечают задачам возрождения страны. Мы настаиваем на том, что экономическая система должна обеспечивать развитие такого материального производства, которое гарантирует экономическую, военную и иную безопасность государства.» (Экономическое возрождение России. 2014. №2(40). С. 14).

коридор. Он не только оживит российские регионы, далекие от центра, но и диверсифицирует экспортный потенциал России.

3. Большие проекты возможны и необходимы

Чем выбор в пользу развития прежде всего железнодорожного транспорта, который позволит улучшить сообщение между Европой с Азией, а также с США, эффективнее выбора в пользу, например, приоритетного развития строительства среднемагистральных самолетов?

Самолетостроение потянет за собой целую цепочку производств и будет способствовать развитию мобильности населения. Это несомненный плюс. Но, во-первых, такая мобильность следует за развитием экономики. Экономика же за рамками собственно самолетостроения и сопутствующих производств дополнительного стимула не получит. Во-вторых, по крайней мере на первом этапе возрастет импорт, а не экспорт.

Впрочем, автор отнюдь не является противником развития отечественного авиастроения. Речь идет о другом: о необходимости развития еще одного большого проекта. Им может стать проект создания железнодорожного коридора. Здесь тоже есть своя цепочка сопутствующих производств и позитивное влияние на мобильность граждан. Но первое отличие — в масштабе. Прокладка магистралей — а транспортный коридор должен включать в себя не только железную дорогу, но и прокладку линий электропередач, современных видов связи, газообеспечение — вдохнет новую жизнь во многие отдаленные российские регионы.

Такой подход гораздо эффективнее развития отдельных, не связанных между собой региональных проектов. Потому что коридор развития восполняет один из главных отечественных дефицитов — дефицит целеполагания в экономической политике. В нем есть цель, есть стратегия, есть ее комплексная реализация, неотъемлемая часть которой — развитие регионов. Становым хребтом такого развития, повторим, и станет изначально транспортный коридор.

Принципиально и то, что проект с самого начала в значительной мере ориентируется на экспорт транспортных услуг, на расширение ниши России в международном разделении труда, на новые валютные доходы. Да и иностранные инвесторы проявляют к нему неподдельный интерес несмотря на охлаждение отношений между Западом и Россией. Подобный «пояс развития» создается в Китае в виде «экономической полосы Великого шелкового пути». Китайский проект тоже ориентируется на развитие железнодорожного сообщения между Европой и Азией.

Важно, чтобы российский коридор развития, который потенциально эффективнее, открывая новые маршруты не только напрямую между Европой, Китаем и Юго-Восточной Азией, но и с северо-западным побережьем США, не опоздал и не конкурировал с китайским проектом, а, решая задачи, стоящие перед нашей экономикой, стал важной частью укрепления равноправного партнерства России с Китаем.

Финансово-экономический анализ российского проекта указывает на целесообразность его финансирования как за счет федерального бюджета, средств регионов, так и с привлечением частных инвесторов (на основе концессии сроком на 50 лет). Так или иначе, здесь открывается широкий простор для государственно-частного партнерства.

Общая стоимость проекта, включая строительство железной дороги и полный комплекс обеспечивающей инфраструктуры, будет беспрецедентной по масштабам постсоветской экономики. Но, во-первых, расходы потенциальных инвесторов в своей существенной части станут доходами для отечественной индустрии и бюджета (через налоговые поступления); во-вторых, они могут и должны быть распределены между участниками международного пула инвесторов проекта, став одной из точек приложения для избыточных объемов глобального финансового капитала; в-третьих, проект имеет приемлемые перспективы окупаемости не только в долгосрочном, но и в среднесрочном горизонте планирования.

Словом, санкции не навсегда, а география, по крайней мере физическая, неизменна и пока на нашей стороне. Но время не ждет. Пора действовать!

М. И. Воейков¹

СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Россия переходит к стабильному развитию в условиях рыночной экономики, погружается в стихию рыночных товарно-денежных отношений и неизбежно сталкивается с фундаментальной проблемой. Должна ли Россия продолжать спокойное и спонтанное развитие, плыть по волнам рыночной стихии, надеясь, что кривая рыночного саморазвития выведет туда, куда надо? Или же российский корабль экономики, погрузившись в пучину рынка, должен иметь четкий курс и твердо его держаться, подчиняясь жесткой государственной руке «капитана»?

Проблема довольно существенная. С одной стороны, если Россия будет спокойно и эволюционно развиваться в лоне стихийной рыночной экономики, то есть ли у нее шанс стать вровень с самыми экономически развитыми странами, занять достойное место на мировом рынке, где все уже давно захвачено и поделено? С другой стороны, если Россия мобилизуется и осуществит резкий поворот в своей экономической политике, отодвинет рыночные ценности на второй или третий план, то сможет ли она сохраниться как демократическое и стабильное государство, предоставляющее всем достаточные стимулы для развития и обогащения? Перед страной стоят две реальные альтернативы экономической политики — эволюционная и мобилизационная. Действительно переход страны на инновационный путь развития возможен сам собой как спокойное эволюционное развитие или же для этого требуется мобилизация всех живых сил на «структурный поворот»? В конце 20-х гг. прошлого века была выбрана мобилизационная стратегия (альтернатива), которая осуществлялась почти весь советский период. При такой стратегии существенное, если не решающее, значение приобретает сектор материального производства, прежде всего машиностроение. Этот вопрос основательно проработан С. Д. Бодруновым [1]. Однако остаются вопросы принципиального характера.

Нужен ли поворот в социально-экономической стратегии?

Многие экономисты, справедливо констатируя, что с 1999 г. в России начался определенный устойчивый рост экономики, в то же время указывают на однобокость, формальность этого роста, на отсутствие признаков глубинных, качественных изменений. Все дело свелось, так сказать, к «росту без развития». Академик Д. С. Львов признавал: «Стоит только перевести разговор из институциональной плоскости в плоскость содержательного анализа, как тут же обнаруживается, что нынешняя экономика России по многим важным для развития страны направлениям уступает дореформенным аналогам: по темпам экономического роста, качеству отраслевой структуры, эффективности используемого производственного аппарата, уровню заработной платы и дифференциации доходов населения, эффективности и качеству государственного управления, уровню социально-политической стабильности, масштабам криминализации и коррупции в экономике и во всей общественной жизни» [2]. Так что позитивная динамика некоторых макроэкономических показателей последнего времени не вселяет оптимизма в отечественных экономистов. Этот момент отмечается и в самых последних публикациях, в частности, в статьях С. Д. Бодрунова [1], а также А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [3].

¹ Михаил Илларионович Воейков, зав. сектором Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

Итак, как же развиваться дальше? Сохраняя нынешние темпы экономического роста, просто наращивать объемы экспортных производств без глубинной трансформации структуры народного хозяйства или выбрать иной сценарий развития? Этот вопрос достаточно четко поставил директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг: «В таких условиях возможна реализация двух экономических сценариев. Первый — продолжение сложившихся трендов качественного застоя («рост без развития») с перспективой дальнейшей утраты национальной конкурентоспособности. Второй — государство берет на себя функции субъекта целенаправленной и динамичной структурной модернизации...» [4]. После некоторого анализа Р. С. Гринберг решительно голосует за второй сценарий, где «... эффективная структурная и промышленная политика» выступают основной компонентой экономического возрождения.

Думается, действительно, без резкого «структурного поворота» страна не сможет перейти на инновационный путь развития. Рассмотрим теперь вопросы сути инновационного развития в сложившейся ситуации.

Что такое инновационное развитие?

Инновационный тип развития сегодня — это, как представляется, не только создание новой техники и технологии и даже не только поиск новых приемов управления. Хотя, конечно, все это важно и непременно должно включаться в понятие инновационного типа экономического развития. Однако современное понимание инновационного типа должно также включать в качестве важнейшей своей части развитие человека, человеческого потенциала на базе высокоразвитых сфер науки, культуры, образования. Таким образом, широкая трактовка развития инновационного типа включает социальные и гуманитарные аспекты человеческой деятельности, сохранение («сбережение») и воспроизводство самого человека как основного, конституирующего элемента этого типа развития.

Прежде всего, если в понимание инновационного развития включается развитие человеческого потенциала, это превращает данный тип развития в особую социальную ценность. Затем, если общество и государство ставят своей целью переход к инновационному развитию, значит, такой переход не есть следствие высокой экономической эффективности, по крайней мере для России. Высокая экономическая эффективность может (и должна) быть достигнута в результате инновационного развития, но в стране среднего экономического развития сама по себе не возникает. Следствие не есть причина. Поэтому и нужна специальная инновационная политика государства, которую, с одной стороны, можно рассматривать как особую социальную ценность, с другой — как часть промышленной политики. Точнее говоря, инновационная политика находится между социальной и промышленной политиками, в известной мере объединяя некоторые элементы той и другой.

Теперь посмотрим, насколько рыночная модель развития, которая (специально это подчеркнем) объективно неизбежна на определенной стадии развития любого общества, может способствовать реализации *современного* понимания инновационного типа развития, осуществлению «структурного поворота» социально-экономической стратегии к такому типу развития.

Рынок и рыночная модель

Говоря о рынке и рыночной модели, мы не имеем в виду отказ от рыночной экономики вообще, ибо от объективной неизбежности отказаться невозможно. В данном случае речь идет о теоретическом аспекте вопроса: может ли рыночная модель сама по себе «повести» модернизацию экономики и общества в сторону инновационного пути развития, осуществить инновационную модернизацию? Сегодня немало экономистов, готовых положительно ответить на этот вопрос. Так, в докладе со странным названием «Коалиции для будущего: стратегии развития России в 2008–2016 гг.», подготовленном под руководством Л. М. Григорьева, прямо

указывается: «Модернизация российской экономики возможна, как показывает мировой опыт, только на основе широкого развития частного предпринимательства... Последовательное укрепление конкурентной политики, более эффективная защита конкуренции и создание условий для конкуренции на неконкурентных в настоящий момент рынках, поиск баланса инструментов конкурентной и промышленной политики на основе широкого применения современных методов оценок регулирующего воздействия — вот характеристики данного варианта» [5]. Заметим, что на основе «частного предпринимательства» модернизация проходила только в странах первого эшелона капитализма. Страны второго и третьего эшелонов экономического развития (СССР, Китай, Южная Корея, Тайвань, некоторые государства Латинской Америки) проводили модернизацию на основе государственного регулирования экономики или государственно-частного партнерства. Но рынок и частное предпринимательство при этом нигде, конечно, не отбрасывались. Другой вопрос — что было основным, ведущим началом.

Рыночный механизм есть великолепный калькулятор экономической эффективности. Это, пожалуй, единственная его ценность. Проблема заключается в том, чтобы этот калькулятор работал исправно, без искажений. Рынок дает эффективность, но убивает социальность. В этой связи встает вопрос о границах рынка, о его явной недостаточности и даже вредности для развития современного общества и перехода его на следующую стадию. Даже такой апостол либерализма, как Милтон Фридман, признавал, что есть проблемы, которые «... вообще нельзя решить при помощи рынка (или можно, но такой ценой, что использование политических каналов окажется предпочтительнее» [6]. Социальность и социальные цели безразличны рынку, не воспринимаются им. То есть, другие социальные ценности не должны вводиться в этот калькулятор, и не следует ожидать, что рынок будет давать еще что-то сверх экономической эффективности. Другие ценности привносятся в социально-экономическую сферу через сознательно вырабатываемую и сознательно проводимую государственную политику, а не через рынок. Политика заменяет рынок, вытесняет его. Рыночный механизм самодействия может функционировать без всякой политики и с точки зрения экономической эффективности приведет к высоким результатам без всякого государственного вмешательства. Для него не нужна никакой политики, даже экономической. Отсюда стремление либеральных экономистов ограничить или максимально снизить экономическую роль государства — «минимизировать государство». Государственная экономическая политика в любом вопросе ограничивает рыночное самодействие, сужает рынок. Тем более это относится к социальной политике, которая в своем пределе стремится к уничтожению рынка или, по крайней мере, к сильному его ограничению.

Так, например, Россия уже более 20 лет развивается в лоне рыночной экономики. Вопрос же о переходе на инновационный путь развития возник сравнительно недавно. Это значит, что рыночная экономика в российских условиях так и не смогла привести к инновационному прорыву. Более того, как показывают статистические данные и анализ многих ученых, произошел даже откат от уровня инновационного развития советского периода. Потребовалась постановка вопроса о специальной государственной политике в этом отношении. Но поставить вопрос — мало. Надо наполнить его содержанием. И главное в этом вопросе, думается, социальная составляющая.

Итак, следует понимать, что многие ценности находятся за пределами рынка. Если рынок есть объективная необходимость и реальность, то нельзя же всерьез полагать, что люди могут по своему желанию запретить или отменить эту объективную реальность. Мы можем мешать рыночному механизму или не мешать, можем регулировать его внешние параметры при условии понимания и знания издержек этого регулирования. Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок предопределяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эф-

фективности, он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи раз. Вот одно из высказываний такого рода: «Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [7].

Более того, по мере увеличения богатства, развития экономики возрастают объем и значение всевозможных социальных ценностей и снижается роль экономического аспекта, что ведет к усилению жесткости регулирования рыночного механизма. Возрастает значение человеческой деятельности, в центре которой находится не экономическая эффективность, а социальные (культурные, научные, образовательные, гуманитарные и т. д.) цели развития, именно то, что вкладывается в современное понимание инновационного развития. Значит, возрастает роль планирования развития — сознательного, осмысленного регулирования социально-экономического процесса. Поэтому нельзя признать уместной иронию по поводу понятия *планово-рыночная экономика*. На наш взгляд, это очень емкая формула, к ней еще придется вернуться серьезным ученым и политикам. Развитие плановых начал рынок ограничивает, сужает.

В этой связи интересно рассмотреть вопрос о замене западной либеральной экономической теории (мейнстрима), которая, по мнению многих экономистов, сегодня находится в кризисе, новой теорией, скажем, теорией «суженного рынка». Именно такой рынок был характерен для экономик советского типа, и советская экономическая наука в целом отражала потребности такого рынка. При развитии теории «суженного рынка» придется обратиться ко многим достижениям советской экономической науки. А они были. Назовем лишь достижения в области плановой и балансовой работы, за которую два выдающихся ученых, принадлежащих к отечественной научной школе, получили Нобелевские премии по экономике: В. Леонтьев (1973 г.) и Л. В. Канторович (1975 г.). Сегодня, когда самые развитые западные страны переходят к «обществу знаний», обширные сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, наука, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием инновационного труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Так, профессор МГУ А. В. Бугалин, определяя общую закономерность, писал: «Мера развития рыночных механизмов организации и мотивации деятельности постепенно «убывает» по мере продвижения от репродуктивного труда к творческому» [8]. И в этом случае либеральная экономическая теория (мейнстрим), которая не в состоянии объяснить эти новые процессы, должна заменяться новой теорией, способной объяснить и обосновать переход российской экономики на инновационный путь развития.

Есть ли у России сырьевое будущее?

Здесь возникает трудный, но интересный теоретический вопрос. Как же так, если рыночная, либеральная экономика по определению более эффективна, чем социальное рыночное хозяйство, то почему же российская экономика, которая активно дрейфует в сторону либеральной рыночной модели, не становится все эффективней? Например, по расчетам специалистов, эффективность инвестиций в основной капитал за последние десять лет медленно, но верно снижается. При этом либеральные экономисты-теоретики постоянно утверждают, что либеральная экономика всегда и везде более эффективна, чем, например, социальное государство. Это верно, но не все так просто. Некоторые авторы полагают, что данное положение весьма сомнительно и, если все хорошо подсчитать, то выйдет, что социальная модель экономики будет даже более эффективной. То есть, трудящийся класс в рыночной экономике будет жить хорошо. Тут есть проблема. По степени экономической эффективности сравнивать либеральную и социальную

модели экономики нет смысла. С точки зрения чистой экономической эффективности либеральная рыночная экономика всегда и везде будет лучше, эффективность производства в ней всегда выше. Речь о другом.

Дело в том, что последовательное развитие рынка, конкуренции приводит к монополизму, ограничению экономической демократии и свертыванию конкуренции. Благодаря демократии, рыночной свободе выдвигаются наиболее эффективные, сильные производители, которые стремятся монополизировать рынок, подавить всех конкурентов, и если страна со многими неконкурентными видами производства сравнительно недавно открылась мировому рынку, где уже давно господствуют сильнее производители, то такие виды производства в этой стране просто закроются.

В сегодняшних российских условиях весьма эффективен только один сектор национальной экономики — сырьевой. Он демонстрирует высокую эффективность и конкурентоспособность на мировом рынке, т. е. либеральная экономическая модель сделала российскую экономику эффективной только в одном узком секторе. Все остальное владельцам этого сектора просто не нужно. Поэтому с их точки зрения надо закрывать бесполезные заводы, университеты, школы и больницы. И население в таком количестве тоже не нужно. В экономической литературе убедительно показано, что межотраслевая дифференциация зарплаты идет таким образом, что «приоритетными стали добывающие отрасли» и некоторые услуги, создающие их инфраструктуру. А такие важнейшие отрасли по воспроизводству трудового и человеческого потенциала, как легкая и пищевая промышленность, образование, здравоохранение, культура, по уровню зарплаты занятых «попали в разряд аутсайдеров». То же самое происходит и с основным индустриальным ядром экономики — машиностроением. Эти отрасли как неэффективные с точки зрения рыночной экономики просто сворачиваются.

Когда речь идет о выживаемости страны и населения, эффективность одного сегмента экономики не может являться определяющим для страны. Следовательно, рынок *по определению* не обеспечивает общенациональную экономическую эффективность. Здесь сказывается один из «провалов» рынка. Поэтому правительство должно решать социальные и инновационные проблемы всего населения за счет высокой эффективности одного сектора экономики. Как образно и точно сказал крупнейший отечественный экономист академик Д. С. Львов, надо «вернуть ренту народу». Конечно, при этом снизится общеэкономическая эффективность экономики, но сохранится человеческий потенциал, а значит — вся страна.

Более того, согласно научно обоснованной позиции ряда экономистов, эффективность одного сектора российской экономики (сырьевого) в конечном счете приведет к расщеплению страны, по сути — к ее ликвидации. «Сырьевой сценарий, — пишет профессор Д. Е. Сорокин, — это не сценарий одного из вариантов будущего России, а сценарий прекращения существования России в качестве субъекта глобальных политико-экономических отношений и превращения ее территории в объект этих отношений. Именно поэтому у России как государства сырьевого будущего нет» [9].

Необходима активная инновационная политика государства, а современное российское государство вообще чуждо политике. Нет политики занятости, нет политики доходов. Но для перехода на инновационный путь развития нужна специальная государственная политика.

Государственная политика

Значит, нужен кто-то, кто будет ограничивать монополизацию рынка, сохранять демократию, нацеливать экономическое развитие на инновационный путь — развивать науку, технический прогресс, образование. Нужно государство с его антимонопольным регулированием и большими финансовыми и материальными ресурсами для развития. Сами по себе люди в условиях рыночного общества умней и образованней не становятся. И тут возникает парадокс: чтобы страна

могла достойно конкурировать на мировом рынке, государство у себя дома должно ограничить свободное рыночное саморегулирование.

За период горбачевской перестройки и последующих трансформаций о государстве и его роли в экономике написано много бестолковых и уничижительных текстов. Самые лучшие (из сноровистых) публицисты и ученые соревновались в стремлении оплевать свое собственное государство, развалить его или хотя бы принизить. Вспомним конец 1980-х. В исходной точке критика в адрес советского государства была в определенной мере оправдана, ибо тогдашнее государство было чрезмерным, не оставляло никакой возможности для проявления гражданской и экономической инициативы, тотально опекая общество в целом и каждого его члена в отдельности.

В этой связи справедлив и оправдан был начавшийся в конце 1980-х гг. процесс разгосударствления многих сторон общественной жизни, прежде всего жизни экономической. Однако дело кончилось низведением государства до положения «ночного сторожа», но, видимо, в силу российских традиций, плохо оплачиваемого, плохо вооруженного и, главное, бестолково инструктируемого. В современном мире такое отношение к государству представляется самоубийственным. Россия должна отказаться от уничижительного отношения к государству по двум серьезным основаниям.

Первое — это геополитические особенности и традиции России. Совершенно справедливо пишет С. Д. Бодрунов, что для понимания экономической системы необходим анализ не только материально-технических предпосылок, но и цивилизационной специфики страны — социально-культурной среды, в которой она формируется (идеологических, социально-психологических, политических, этнокультурных особенностей и др.) [1, с. 5]. С древнейших времен Россия формировалась как все более укрепляющееся государственное образование, втягивающее в свою орбиту территории, народы, традиции, менталитеты, религии. Раздробленность на отдельные княжества (графства или герцогства), типичная для развития Европы, в России довольно быстро была преодолена, и постепенно шло создание сильного централизованного государства. Иначе, видимо, Россия не сохранилась бы как великая держава. Соответственно все или почти все существенные начинания, реформы, изменения осуществлялись по инициативе верховной власти, из одного центра. Даже развитие промышленности, начиная с реформ Петра I, шло по инициативе государства, в форме государственной промышленности.

Второе — современный опыт развитых западных стран. Еще Людвиг Эрхард в 1955 г. замечал, что «современное и сознающее свою ответственность государство просто не может себе позволить еще раз вернуться к роли «ночного сторожа» [10]. В настоящее время во всех экономически развитых странах возрастает доля государства в распределении валового национального продукта. Так, по имеющимся данным, в Швеции, Норвегии, Нидерландах уровень государственных расходов составляет более 50 % ВВП при среднеевропейском уровне в 40...45 %. В России этот показатель с 1992 г. составляет примерно 30 % и является самым низким в мире. В таких условиях не может сохраниться достаточно сильное государство для проведения серьезной и успешной модернизации инновационного типа.

Инновационная модернизация экономического развития должна базироваться на трех принципах (или элементах): народнохозяйственном планировании, рыночном саморегулировании и политической демократии (гражданском обществе). Именно должное сочетание этих трех элементов и дает в комплексе оптимальное направление. Отметим, что такое сочетание этих трех принципов не было свойственно известным нам типам экономик. Так, советский тип экономического порядка предусматривал систему жесткого народнохозяйственного планирования с очень небольшой (минимальной) долей рыночного саморегулирования (в части распределения товаров народного потребления и натурализации бесфондового обмена средствами производства) и полным отсутствием политической демократии. Экономически развитые страны Западной

Европы, наоборот, имеют достаточно эффективное рыночное саморегулирование и действенную политическую демократию, но очень слабо используют народнохозяйственное планирование. Исключение составляют экстремальные периоды, когда государственное регулирование экономики весьма близко подходило к экономическому порядку народнохозяйственного планирования.

Россия сегодня также находится в экстремальной ситуации и уже поэтому считаем оправданным использование здесь и сейчас народнохозяйственного планирования. Кроме того, планирование в России имеет давние традиции и в силу особенностей российской территории и индустрии является наилучшей формой государственного регулирования экономики. Отказ от народнохозяйственного планирования привел к расчленению экономики, разрушению экономических связей, развалу народнохозяйственного комплекса. Например, совершенно ясно, что неконтролируемый рост железнодорожных тарифов, не увязанный с общими пропорциями народного хозяйства, ведет к тому, что Дальневосточные регионы России будут экономически примыкать не к Центральной России, а к другим странам (Китаю, Корее, Японии). Отсутствие народнохозяйственного планирования приводит к серьезным перекосам в соотношении многих взаимосвязанных элементов экономики.

Плановые методы представляют собой хороший канал для проведения политики, исходящей не из чисто экономической эффективности, а учитывающей социальные и этические ценности. Именно плановые методы могут служить наилучшим инструментом перевода экономики на инновационный путь развития. Часто политики и исследователи рассматривают социальные и инновационные цели не как результат сознательного регулирования рынка, а вставляют их в рыночный механизм с помощью плановых методов, отчего происходит очередная путаница. Достижение инновационных целей должно осуществляться государством не благодаря рыночному развитию, а вопреки рынку, после рынка, за рынком. Рынок может быть подключен лишь на конечной стадии инновационного процесса для нахождения наиболее эффективного, приемлемого варианта использования инновационного продукта.

Речь не идет о восстановлении директивного народнохозяйственного планирования, которое предусматривало планирование из одного центра производства каждой гайки. Кстати, такого сверхжесткого планирования практически у нас и не было (может быть, исключая годы войны и отдельные периоды). Уже в последние годы существования СССР (примерно с 1988 г.) советское народнохозяйственное планирование было намного более мягким и гибким (вспомним, например, госзаказ). Восстановление народнохозяйственного планирования может и должно осуществляться в различных формах: как прямое директивное планирование на первых порах экономической стабилизации и по строго ограниченному кругу товаров (возможно, в виде госзаказа), как индикативное планирование по широкой массовой номенклатуре, планирование в виде программ (особенно для отдельных отраслей и территорий). Вспомним, что в СССР в середине 1920-х гг. была разработана теория и практика индикативного планирования в виде «контрольных цифр Госплана». Эта уникальная работа была осуществлена под руководством В. Г. Громана в сотрудничестве с целой группой выдающихся российских экономистов. Возможны и другие виды народнохозяйственного планирования.

Главное — не сводить все народнохозяйственное планирование к какому-то одному виду. Понятно, что сегодня нельзя восстанавливать директивное планирование во всем его объеме. Но многие экономисты уповают на всеобщность индикативного планирования. Однако не следует отказываться в необходимых случаях от программно-целевого, векторного, а также директивного планирования. Словом, без серьезного отношения к восстановлению народнохозяйственного планирования с обновленными формами и методами добиться перевода народного хозяйства страны на инновационный путь развития невозможно.

В современном мире мы можем наблюдать диалектический процесс симбиоза рынка и планирования. Когда рынок отстывает или не справляется, освободившиеся ниши (например,

в военном производстве, космических программах, природоохранных мероприятиях и т. д.) заполняют определенные формы планирования. Но в производстве, ориентированном на массового потребителя, полностью господствует рынок, планирование здесь может выполнять только косвенную роль. Так или иначе, но планирование и рынок в современном мире совмещаются, хотя и не без проблем.

* * *

Итак, чтобы ликвидировать отставание, нужен резкий рывок вперед, «структурный поворот». Поворот в сторону развития всей интеллектуальной сферы (науки, образования, культуры), которая составляет базис инновационного типа развития. Но сказать, что нужен рывок или поворот в социально-экономической стратегии — мало. Необходимо разработать теорию такого структурного поворота. Надо понять, за счет чего будет происходить поворот, каковы его последствия, продолжительность, этапы, основные элементы и многое другое. В конце 1920-х гг. такой поворот в России был осуществлен, в результате удалось создать мощную индустриальную державу. Но теории такого модернизационного поворота тогда создано не было, и издержки его оказались чрезмерными. Прочитируем тогдашнего заместителя главы Администрации Президента РФ В. Ю. Суркова: «У нас задача по масштабам такая же, извиняюсь за отсылку к большевикам, как была перед ними: они создавали новый тип экономики в России, и нам это нужно тоже. Не хотел бы только, чтобы мы это делали теми же способами, что и они» [11]. Но пока теории такого «структурного поворота» к инновационной модернизации, как и тогда, нет.

Список литературы

1. *Бодрунов, С. Д.* Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2014. — № 2 (40).
2. *Львов, Д. С.* Россия: рамки реальности и контуры будущего / Д. С. Львов // Журнал экономической теории. — 2007. — № 1. — С. 5.
3. *Бузгалин, А. В.* Реиндустриализация как ностальгия? Полемиические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социологические исследования. — 2014. — № 3.
4. *Гринберг, Р.* Есть ли несырьевое будущее у России? / Р. Гринберг // Вестник Института экономики РАН. — 2008. — № 1. — С. 17.
5. Россия в 2008–2016 годах: сценарии экономического развития. — М.: Научная книга, 2007.
6. *Фридман, М.* Капитализм и свобода / М. Фридман. — М., 2006.
7. *Поланьи, К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. — СПб.: Алатейя, 2002.
8. *Бузгалин, А.* Глобальный капитал / А. Бузгалин, А. Колганов. — М., 2004.
9. *Сорокин, Д.* Есть ли у России сырьевое будущее? / Д. Сорокин // Вестник Института экономики РАН. — 2008. — № 1. — С. 83.
10. *Эрхард, Л.* Благосостояние для всех / Л. Эрхард. — М., 1991.
11. Демократия для России — Россия для демократии. — М.: ИФ РАН, 2008.

В. М. Кульков¹

ПАРАМЕТРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ²

Несмотря на все усилия на протяжении почти 25 лет по рыночному реформированию экономики, в России так и не создана целостная, эффективная экономическая система, учитывающая специфику страны и реализующая стратегические цели национального развития. Попытка по-новому оценить сложившуюся ситуацию, обосновать важные черты экономической системы России и наметить направления движения страны к высокотехнологичному материальному производству — хороший повод подискутировать по крайне важной и актуальной проблеме. Начнем с теоретико-методологических аспектов исследования.

Теоретико-методологические параметры исследования национальной экономической системы

Функционирование российской экономической системы, адекватной национальным условиям; формирование прогрессивной структуры экономики страны; выработка перспективных целевых установок и эффективной экономической политики невозможны без использования *системного подхода*. Указание на его важность в исследовании российской экономики [1] позволяет задействовать фундаментальные теоретико-методологические принципы анализа.

Прежде всего следует иметь в виду, что экономическая система применительно к экономике конкретной страны (в нашем случае — России) выступает как *национальная экономическая система* (НЭС). Она представляет собой систему экономических отношений, отражающую воздействие экономических и неэкономических, внутренних и внешних факторов на экономику страны; обеспечивающую ее устойчивое функционирование и развитие, поддержание жизнедеятельности и расширенного воспроизводства на национальной территории и реализующую стоящие перед страной долгосрочные цели развития. Ее объективными предпосылками выступают уровень развития и характер национальных производительных сил; специфические «неэкономические» факторы (природно-климатический, географический, геополитический, социокультурный и др.); жизненно необходимые (а поэтому объективные) цели национального развития (для России — это суверенность экономики, модернизация производства, «сбережение народа», сохранение территориальной целостности и единого экономического пространства страны и т. п.). Данная зависимость может быть сформулирована как закон соответствия экономических отношений в стране уровню и характеру национальных производительных сил, специфическим факторам и целям развития.

Представленная таким образом НЭС не может быть абсолютно идентичной универсальным, стандартным экономическим системам (типам экономики), известным из теории. Ее отличительными чертами являются:

¹ Виктор Михайлович Кульков, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, д-р экон. профессор, наук, e-mail: viqma@migmail.ru

² Статья написана как реакция на статью д-ра экон. наук, профессора С. Д. Бодрунова. «Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства» (Экономическое возрождение России. 2014. №2(40)).

- опосредованность спецификой страны;
- интегральность и многогранность — НЭС может включать в себя элементы разных универсальных систем, которые предстают в ней как отдельные срезы единой системы или как подсистемы;

- учет особой роли цивилизационного фактора — НЭС в определенной степени есть проекция локальной цивилизации на экономику;

- смешанный характер экономики, обусловленный не только мировыми тенденциями, но и разнообразием условий в стране, определяющим национальные коэффициенты смещения [2]. Кроме того, для национальной экономики значимы и самоценны все реально существующие в стране экономические элементы и формы, какими бы периферийными, несущественными или неприемлемыми они ни казались с позиции «прогрессивной» универсальной системы (в частности, натурально-хозяйственный уклад, доиндустриальные элементы, всякого рода «эксплоярные» формы хозяйства и т. п.);

- многоуровневый характер — основными уровнями НЭС выступают национальный социально-экономический строй, национальные институты, национальные макро- и микроэкономические функциональные связи, а теоретической основой отражения названных уровней — соответственно политэкономика, институционализм, макро- и микроэкономическая теория, для которых на базе этой структуры возникают благоприятные условия научного синтеза, дающего возможность совместно поработать на благо национальной экономики.

Таким образом, НЭС шире, полнее и сложнее стандартной (универсальной) экономической системы, к которой (а чаще всего — только к ее части, именуемой мейнстримом) сводится сегодня преподавание экономической теории.

В этой связи важно обозначить различие между НЭС и «национальной экономической моделью». Последняя выступает как страновая разновидность какой-либо стандартной системы (в наиболее распространенной форме — это национальная модель рыночной экономики), а понятие НЭС акцентирует системный характер национальной экономики и отражает сложную (смешанную) природу национального хозяйства (что в данном случае более важно). Различие между этими двумя понятиями вовсе не сугубо академическое, как может показаться. За ними стоят разные интерпретации структуры национальной экономики и путей ее развития. В самом деле, что означает «российская модель рыночной экономики»? — Очевидно, что структуру экономики образуют рыночные отношения, а ее развитие состоит в формировании рыночной системы с некоторыми поправками на специфику страны (согласитесь, очень знакомое представление — вспомним наших «рыночных реформаторов» начала 1990-х гг.). А что стоит за НЭС? — А то, что структуру национальной экономики образуют не только рыночные отношения, но и отношения, характерные для других (нерыночных) систем (секторов, укладов), а ее развитие выражается в формировании смешанной экономической системы, наиболее полно учитывающей своеобразие страны и адекватно отражающей национальные задачи и интересы.

Представленная в статье [1] экономическая система России находится в русле такого понимания НЭС. Она выстроена на основе выделения трех подсистем, которые комплексно отражают исторические стадии формирования российского хозяйства и уровни его развития. Это традиционно-консервативная подсистема, либерально-рыночная и подсистема будущей новой смешанной российской экономики, в центре которой — социальная ориентация и регулирование развития на базе высокотехнологичного производства. В каждой из указанных подсистем выделяются три уровня: технологические уклады, социально-экономические отношения вместе с институтами, а также цивилизационная (социокультурная, ценностная) составляющая. Получается своего рода «смешанность в квадрате». Это может показаться нагромождением разнородных элементов, однако, на самом деле — это адекватное отражение национальной экономической

реальности во всей ее сложности, которая не укладывается в конструкции ни чистой универсальной рыночной системы, ни национальной модели рыночной экономики.

Обратим внимание на некоторые методологические аспекты такой структуризации. Во-первых, важное значение имеет взаимосвязь производительных сил и экономических отношений, которая в политэкономии приобрела форму объективного экономического закона. В период советской «перестройки» и последующих рыночных преобразований в России изменения осуществлялись субъективно, без учета указанной взаимосвязи. Считалось, что переход к рыночным отношениям сам по себе задействует механизм развития. Особняком стояла развивавшаяся в то время Ю. В. Яременко концепция многоуровневой экономики, подчеркивавшая разную степень совместимости рынка и различных уровней (укладов), исторически сформировавшихся в отечественной экономике [3]. Данный подход сохраняет свое значение в условиях наметившейся модернизации российской экономики, а представленная в статье [1] позиция идет в целом в этом русле, «расширяя и углубляя его». Единство производительных сил и экономических отношений предстает здесь как соответствие последних разным технологическим укладам в экономике страны. Однако здесь возникает ряд проблем, в частности: степень «чистоты», деформаций и спецификаций трех указанных групп экономических отношений; характер и границы их функционирования в рамках как отдельных подсистем, так и единой системы; влияние специфических национальных факторов и целей и определение степени этого влияния; формы реализации противоречий между разными типами экономических отношений и взаимодействующих с ними технологических укладов и т. п.

Во-вторых, соглашаясь с важной ролью цивилизационного (ценностного) фактора и его включением во все подсистемы НЭС, стоит указать и на значимое (причем устойчивое и долгосрочное) воздействие на экономику России других, «неэкономических» национальных факторов. К ним относятся: природно-климатический (суровые условия, большое разнообразие зон, ведущее к более высокой ресурсоемкости производства, сильной дифференциации регионов); географический (огромные расстояния, континентальность территории, что обуславливает высокие транспортные издержки, вызывает опасность дезинтеграции страны, разрыва единого экономического пространства) и геополитический фактор (самые протяженные границы в мире, уязвимость территории, что ведет к высоким затратам на охрану границ и оборону, вызывает особое отношение к проблемам безопасности). Влияние оказывают также стратегические, жизненно важные цели национального развития, перечисленные выше. Они могут вступать в противоречие с универсальными целями или выступать как их ограничения, однако не могут быть отвергнуты в силу их особого значения для судеб страны. Весь этот набор факторов и целей говорит о необходимости регулируемого и социально-ориентированного развития России. Что касается цивилизационного фактора, то его разнесение по подсистемам является довольно спорным. В рамках русской цивилизации исторически сложилась определенная, достаточно целостная система ценностей, которая может позитивно проявить себя в разных подсистемах экономики. Главным представляется акцент на ценностях, содержащих сильное инновационное начало, что позволяет соединить «почву» и «проект». К ним можно отнести (среди прочих) широкое социо-духовно-экономическое восприятие явлений, приоритет духовного над материальным, особую творческую «жилку», «космизм» и т. п. При создании необходимых условий они способны доказать свою результативность в рамках экономики высокотехнологичного инновационного производства.

В целом, вопрос включения в экономическую систему «неэкономических» элементов заслуживает особого внимания. Адепты традиционных версий научных парадигм (как неоклассической, так и марксистской) неохотно включают в структуру экономики неэкономические элементы, борясь за чистоту предмета экономической теории. В результате теория оказывается оторванной от реальности, от специфики национальной экономики. Анализ последней требует

междисциплинарного подхода и не укладывается в узкоэкономические (тем более — узкорыночные) координаты. Национально ориентированный подход в экономической теории реализуется только в широком цивилизационном пространстве. В соответствии с этим перечисленные выше «неэкономические» факторы и цели становятся в экономической системе эндогенными, а не экзогенными; позитивными, а не нормативными. Экономисты должны шире использовать в своем анализе ту методологию, которая уже стала привычной для других наук. Стоит вспомнить попытки слома междисциплинарных перегородок и выхода во «внешнее измерение» теоретиков постструктурализма (Ж. Делез, Ж. Деррида и др.), расширенное «поле социальной материи» в рамках экзистенциальной диалектики Ж.-П. Сартра, «диалектику троичности», которую разрабатывали российские мыслители (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев и др.) на базе православия. Общая их логика является стремлением преодолеть узость дуализма, расширить пространство анализа, отразить более сложную, многоаспектную картину мира. Применительно к экономическому анализу троичность может выражаться в присутствии в экономической системе «неэкономического» полюса, принимающего разные формы, включая прежде всего цивилизационную. В результате смешанная экономика размещается в трехмерной системе координат.

В-третьих, при наличии разных укладов (уровней) в структуре экономики должны быть «красные нити» («скрепы»), интегрирующие их в качестве подсистем в рамках единой НЭС. В последнее время немало говорят (в том числе на самом высоком уровне) о восстановлении «непрерывности и целостности исторической ткани». А что объединяет исторически разнородные экономики одной страны, разные уклады (сектора) текущей экономики, рассматриваемые в упомянутой статье [1]? — В этом ряду можно назвать и духовные (цивилизационные) «скрепы», и реальное влияние высокотехнологичного сектора на другие сектора (уклады) экономики, их подтягивание, включение в свою орбиту. Но все же более фундаментальным является отыскание «национальных экономических законов» (назовем их так). В этом плане отметим поиск В. Т. Рязановым «уникального в экономике», определяемого как такая «предельная форма особенного», которое «в другой системе, как правило, не приживается» [4]. Это то, что свойственно именно данной стране и в силу этого универсальным не является (понятно, что речь здесь идет о странах с особыми, уникальными условиями, к которым относится Россия). К этому классу в нашей стране можно отнести ряд социальных традиций, прежде всего необходимость более активного участия государства в экономической и социальной жизни России независимо от исторически господствующего типа отношений. Роль государства в экономике России нельзя объяснить обычными провалами рынка или вывести из кейнсианской или марксистской теории — она продуцируется уникальными условиями страны. Такого рода законы можно, на наш взгляд, квалифицировать как экономические «скрепы». Они способны скреплять и разные социально-экономические уклады.

В-четвертых, встает вопрос о правомочности термина «экономическая система» в отношении российских реалий. Одно дело — прогрессивная, адекватная стране система, имеющая твердый фундамент, позитивный вектор движения и упорядоченные подсистемы. Но можно ли назвать системой ту несовершенную, диспропорциональную экономику, которая сложилась в России в результате бессистемных и неадекватных преобразований 1990-х гг.? Кто-то скажет: конечно, наша экономика несовершенна, но после рыночных трансформаций все более или менее «утрацилось»: эта экономика не рассыпается, связи внутри нее сформировались, взаимодействие экономических агентов осуществляется, а мир еще 10 лет назад признал Россию «страной с рыночной экономикой» и т. п. Но можно возразить: подлинная экономическая система должна обладать механизмом расширенного воспроизводства, соответствовать прогрессивным направлениям общемирового процесса, реализовывать задачи национального развития, опережать по основным параметрам предыдущую историческую систему, обладать потенциалом развития. Этого в России пока не произошло. По нашему мнению, такое состояние, при котором

некая целостная, определенным образом структурированная экономическая совокупность фиксируется только по форме, скорее, подходит под характеристику «квазисистемы». И для ухода от такой неконструктивной экономики в ней действительно «должны произойти *системные изменения*» [1]. Иначе говоря, необходимо строительство новой системы.

Российская экономическая система: контуры и приоритеты

Исходя из объективных предпосылок (национальных факторов, целей и зависимостей) можно сформулировать важные *черты идеальной российской экономической системы* в их наиболее общем виде:

- суверенная крупномасштабная экономика, обладающая высокой самодостаточностью (технологической, научно-технической, природно-ресурсной, энергетической, финансовой и т. п.) и способная обеспечить расширенное национальное воспроизводство и реализацию национальных интересов, используя возможности глобализации;
- более весомая роль государства и государственного регулирования (включая стратегическое управление и планирование), чем в «стандартных» рыночных экономиках;
- многообразие форм собственности, включая важную роль государственной собственности, особенно в стратегически важных сферах;
- высокая степень социальной ориентации экономики и социальной консолидации;
- активное использование в экономической жизни таких качеств, как склонность к творческой деятельности, приоритет моральных мотивов, высокая национальная ответственность, с учетом исторически сложившейся системы ценностей и активизация их инновационного потенциала;
- инновационная, диверсифицированная экономика с растущим влиянием высокотехнологического сектора в сфере материального производства;
- креативная, «знаниемая» экономика с развитой сферой формирования и реализации человеческого потенциала во всех его проявлениях;
- нацеленность финансовой сферы на реализацию задач национального воспроизводства и развития страны;
- экономика, степень открытости которой сочетается с обеспечением национальных интересов, включая интересы отечественных товаропроизводителей.

Российская экономическая система в этом качестве будет представлять собой тип смешанной экономики, органично соединяющей национальную идентичность с общемировыми процессами и универсальными характеристиками. Понятно, что соприкосновение с суровой российской действительностью неизбежно приводит к выводу о глубоком расхождении идеальных и реальных характеристик российской системы.

Конечно, здесь сформулированы общие черты национальной системы России, которые должны быть конкретизированы и детализированы. В статье [1] предлагается интересная, обстоятельная и перспективная версия такого решения, выраженная в выделении и анализе разных подсистем и уровней национальной экономики. Но при этом не надо забывать о характеристиках, определяющих общее пространство приложения сил и указывающих общие векторы движения.

Необходимо указать еще на одну важную особенность России — *мобилизационность экономики*, которая особенно ярко проявляется в кризисные периоды истории. В узком смысле слова под ней надо понимать способность быстрой мобилизации и концентрации ресурсов для решения острых задач, возникших перед страной и национальной экономикой. В широком смысле она охватывает такие характеристики, как суверенность, самодостаточность, конкурентоспособность ряда ключевых отраслей, целостность расширенного воспроизводства, высокий уровень государственной координации, независимая и масштабная финансовая система, учет требований национальной безопасности (как общей, так и экономической), социальная консолидация, вы-

сокая степень национальной ответственности граждан и т. п. Формируя НЭС страны, определяя ее контуры и структуру (независимо от функциональных различий предлагаемых проектов), следует исходить из мобилизационного императива. С. Ю. Глазьев, отмечая в острый период конца июля 2014 г., что «... в случае интеллектуальной, экономической и военной мобилизации у России есть шансы не проиграть в конфликтах 2015–2018 гг.», наметил ряд мобилизационных направлений технологического, бюджетно-налогового, денежно-кредитного, институционального, социального и внешнеэкономического характера, способных укрепить Россию и ее экономику. В этом ряду и «ключевая роль государства в формировании конкурентоспособных структур высокотехнологической промышленности» [5].

Еще одна черта НЭС — акцент на сфере *материального производства*. В этой связи обратим внимание на содержащийся в статье С. Д. Бодрунова вывод «... относительно сохранения определяющей роли базовых отраслей материального производства» и приоритетности «отношений, складывающихся в материальном производстве» [1].

Вопрос о роли материального производства в экономике имеет давнюю политэкономическую историю. Это выразилось в сопоставлении материального производства (преимущественно промышленности) вначале с торговлей (сферой обмена), затем — с непроеизводственной сферой и, наконец, — с постиндустриальной сферой («экономикой услуг, знаний и инноваций» и т. п.). Это сложный теоретический вопрос, требующий отдельного анализа. Пока же обратим внимание на последнее звено в цепочке сопоставлений. В последние полвека происходило то, что можно было бы назвать «постиндустриальным империализмом»: все научно-технические достижения — космические технологии, атомная энергетика, информационные технологии и т. д., а также вся сфера формирования «человеческого капитала» и сервисная экономика в ее разнообразных проявлениях — объявлялись постиндустриальными. Попутно насаждались взгляды об исторической ущербности индустриальной экономики. Это было явным преувеличением, поскольку в основе указанных и многих других новых достижений лежали преимущественно изменения в индустриальном базисе или сопряженные с ними, а за *постиндустриализм* выдавалось то, что можно было бы считать качественно новым этапом индустриального общества. Это, скорее, *постстарый индустриализм*.

Современная экономика (с точки зрения ее фундамента, а не процентов в ВВП и других формальных показателей) остается преимущественно индустриальной. В ней продолжают играть свою роль индустриальные инновации, а инновации, часто называемые «постиндустриальными», при внимательном рассмотрении оказываются «постстарыми индустриальными» и в любом случае (даже при согласии с их постиндустриальной трактовкой) предполагают индустриальное сопровождение или прямо опираются на индустриальный базис. Индустриализм обладает огромным потенциалом и показывает свою способность к внутренним изменениям и выходу на новый уровень. Не случайна постановка вопроса о «третьей индустриальной революции», которая связывается (в частности, германскими исследователями) с тем, что «... ресурсосберегающим, экологически чистым и экоэффективным технологиям уготована ныне ведущая роль в индустрии, причем этот переход затрагивает не только узкоспециализированный сектор, а означает модернизацию индустрии в целом» [6]. Не стоит забывать, что современные развитые экономики по-прежнему именуются преимущественно индустриальными. Кроме того, для развитых стран значимы и более конкретные индустриальные проблемы и задачи, часто порождаемые неадекватными доходами и деформированной мотивацией в других сферах. Так, в ЕС озабочены снижением конкурентоспособности и связывают это в том числе со слабой привлекательностью технических профессий в наукоемкой промышленности (прежде всего в авиационной, космической и оборонной отраслях), в частности, с тем, что 30 % всех инженеров с высшим образованием поступают на работу в банки или консалтинговые компании [7]. Отметим, что доля промышленности в ряде развитых стран в последние годы начинает расти

из-за возвращения на их территорию производств, вынесенных ранее в слаборазвитые страны. И этот возврат в значительной степени связан с роботизацией рабочих мест, что давно считалось новым качеством индустриальной технологической базы.

Вернемся к сфере НЭС. Особая, важная роль материального производства в российской экономике обусловлена различными причинами. Выделим две из них.

Первая причина относится к корневым основам экономики России. На Западе исторически формировалось индивидуалистичное потребительское общество, которому более адекватна обменно-полезностная неоклассическая парадигма, утвердившаяся в западной экономической теории. В России же исторически складывалось коллективистское «производственное сообщество»: под воздействием специфических национальных условий, факторов, целей на первый план здесь объективно выходят задачи формирования материально-технической базы суверенного развития и общественной консолидации на основе трудовой морали и ей должна соответствовать производственная, социально-трудовая парадигма.

Вторая причина носит конкретно-исторический характер. В данный период Россия крайне нуждается в усилении индустриального базиса.

Во-первых, необходима *реиндустриализация* экономики (как реакция на масштабную необдуманную деиндустриализацию при переходе к рынку), в частности, восстановление связей технологически сопряженных производств, разрушенных в результате приватизации. Во-вторых, нужна *неоиндустриализация* (журнал «Экономист» инициировал очень содержательную дискуссию по этой проблеме). В самом общем виде ее можно определить как выход на уровень современных технологических требований, «превращение раздробленного ныне народного хозяйства в консолидированную экономику, качественно однородную с экономикой передовых индустриальных стран мира» [8]. С. Ю. Глазьев называет такое движение «стратегией динамического намерстывания» [5]. Это возможно как за счет заимствования современных технологий за рубежом и их дальнейшего совершенствования, так и путем технологического импортозамещения. С учетом возможного расширения санкций относительно России и объективно высоких требований к национальной безопасности последний вариант предпочтительнее. Так, по данным Минпромторга РФ, доля импорта в ряде стратегических отраслей России превышает 80 %; в станкостроении — более 90 %; в тяжелом машиностроении — до 80 %; в легкой промышленности — до 90 %; в радиоэлектронике — до 90 %; в фармацевтике и медицинской промышленности — до 80 %³. Другой аспект связан с реализацией стратегии динамического намерстывания: для лесопереработки и нефтехимии возможное увеличение выхода готовой продукции с единицы используемого сырья составляет десятикратную величину, для металлургии и химической промышленности — пятикратную, для агропромышленного комплекса — трехкратную [5]. В-третьих, Россия в ряде научно-технических областей сохраняет потенциал *опережающего развития* и может реализовать стратегию лидерства. По оценкам специалистов, перспективными выглядят возможности прорыва России в шестой технологический уклад, формирование которого начинается в мире.

В предложенных сопоставлениях мы рассмотрели роль и место неоиндустриализации в узком смысле. В широком смысле неоиндустриализация объединяет все перечисленные процессы: реиндустриализацию, собственно неоиндустриализацию (в двух перечисленных выше формах) и опережающее развитие. Следовательно, долгосрочная экономическая политика в России должна сочетать стратегии восстановления, динамического намерстывания и опережающего развития. При этом она должна быть дифференцирована относительно существующих разнородных секторов (подсистем) национальной экономической системы.

³ <http://www.lenta.ru/news/2014/07/10/import>

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2014. — № 2 (40).
2. Кульков, В. М. В координатах смешанной экономики / В. М. Кульков. — М.: Бук, 1994.
3. Яременко, Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики / Ю. В. Яременко. — М.: Наука, 1997.
4. Рязанов, В. Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике / В. Т. Рязанов. — СПб.: Издат. дом СПб. гос. ун-та, 2009.
5. Глазьев, С. Ю. Как победить в войне / С. Ю. Глазьев // Режим доступа: <http://www.worldcrisis.ru>
6. Jenike, M. Dritte industrielle Revolution / M. Jenike, K. Jakob // Internationale Politilk. — 2008. — № 5. — S. 38–39.
7. Gallu, L. Die Ingenieure kommen zurück / L. Gallu // Internationale Politilk. — 2009. — № 3.
8. Губанов, С. С. Системный выбор России и уровень жизни / С. С. Губанов // Экономист. — 2011. — № 11. — С. 12.

**СТЕНОГРАММА НАУЧНОГО СЕМИНАРА ИНИР
«РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК БАЗОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ»**

27 июня 2014 г.

Начало: 10.00.

Модератор заседания — директор Института нового индустриального развития, д. э. н., проф. Бодрунов Сергей Дмитриевич.

С. Д. Бодрунов: Хочу поприветствовать уважаемых гостей, которые сегодня пришли на очередной научный семинар Института нового индустриального развития — со своими сообщениями, своими мыслями по поводу происходящего в промышленности и в экономике страны, с идеями о том, куда нам дальше двигаться.

Сегодня с докладом будет выступать Руслан Семенович Гринберг, директор Института экономики Академии наук, член-корреспондент Академии наук, доктор экономических наук, профессор. Он расскажет о мегапроектах и «страстях» вокруг них в рамках новой индустриализации России. Здесь присутствуют также руководитель Комитета по экономической политике и стратегическому планированию Правительства Санкт-Петербурга Анатолий Иванович Котов, председатель Комитета по промышленной политике и инновациям Петербурга Максим Семенович Мейксин. Думаю, вы знаете и наших уважаемых коллег, руководителей подразделений институтов, научных и учебных учреждений Петербурга: Александра Евсеевича Карлика, проректора по научной работе СПбГЭУ, Виктора Тимофеевича Рязанова, заведующего кафедрой экономической теории СПбГУ, Сергея Валентиновича Кузнецова, директора Института проблем региональной экономики Российской Академии наук, доктора экономических наук. У нас сегодня в гостях и представители Москвы: профессор экономического факультета Московского университета, руководитель Центра при Московском госуниверситете Александр Владимирович Бугалин и главный научный сотрудник Российского института культурологии, доктор наук Людмила Алексеевна Булавка-Бугалина.

Прошло больше года с того момента, когда мы Русланом Семеновичем представили в Совете Федерации серьезный научный доклад от двух наших институтов по проблеме реиндустриализации экономики. По итогам доклада было принято много различных решений. Одно из направлений — об интеграции производства, науки и образования — мы обсудили на днях на «круглом столе» в Государственной Думе, в соответствующем Комитете, другая тема — безработица и связанные с ней проблемы — была рассмотрена вчера в Совете Федерации в рамках исполнения доклада. В этом мероприятии участвовал заместитель министра промышленности Глеб Сергеевич Никитин, наш земляк, несколько лет назад возглавлявший один из комитетов в Петербурге. Он занимается в Москве сейчас теми же вопросами, которыми занимались в свое время и мы в Санкт-Петербурге. Доложу, что в нашем городе был принят первый в России региональный закон о промышленной политике, еще в 2009 году. Хорошо это было или плохо? С сегодняшних позиций, на мой взгляд, многое нужно было в нем прописывать более жестко. Но все же важно, что мы — впервые! — сформулировали некоторые требования для городских властей, для исполнительных органов в сфере промышленной политики, в соответствии с этим законом был создан Промышленный совет, и — впервые, опять же! — мы начали говорить о промышленной политике на уровне закона. Промышленным советом была разработана и принята

Концепция развития промышленности Санкт-Петербурга до 2020 года. Потом были региональные решения такого типа в других регионах и, наконец, недавно объявлено, что федеральный закон о промышленной политике согласован в правительстве и в ближайшее время будет внесен на голосование в Думу и в Совет Федерации.

Мы можем и в кулуарах, и публично обсуждать, что и как усовершенствовать в некоторых позициях закона, но то, что правительство начало заниматься промышленной политикой, — это важный тренд. Надеюсь, и наш семинар что-то добавит к пониманию происходящего в этом деле и осмыслению перспектив развития. Ну а теперь, уважаемые коллеги, я хочу предоставить слово Руслану Семеновичу Гринбергу.

Р. С. Гринберг: Я очень благодарен Сергею Дмитриевичу: он не только ученый, исследователь, но и практикующий предприниматель. У нас много людей, которые практически все могут объяснить, но немногие знают, что реально происходит. Сергей Дмитриевич — человек, который участвует в формировании рыночной экономики. Когда меня спрашивают, в чем основная причина стагнации российской экономики, я обычно говорю, что кончились государственные инвестиции на мегапроекты, а сейчас — пересменка, как в пионерском лагере. Частные инвесторы молчат, государственные потенциальные инвестиции никуда не идут, потому что никто не знает, надо ли тратить деньги или не надо. Риски в обоих случаях сумасшедшие. Первое поколение легальных русских предпринимателей стало чувствовать себя уже старичками. Они накопили денег, заработали, купили дома, некоторые — даже дворцы, а некоторые — и острова. Хотят закона и порядка на своей Родине, но не получают, и это очень серьезная тема. Нет драйва, нет энтузиазма. Однако все это никак не касается Бодрунова. Он как будто считает, что это нормально, надо жить в существующих обстоятельствах и работать, и писать, и говорить. Сегодня в «правлящем доме» — большая растерянность. Знаете — три знаменитых вопроса русской интеллигенции: кто виноват? что делать? где мои очки? Вот и сейчас: что делать? Есть консенсус по поводу причин. И в администрации, и в правительстве согласны с тем, что это — наши внутренние причины, нашей стагнации и, возможно, рецессии. Есть также консенсус по поводу того, с чем это связано. Даже приверженцы праволиберальной философии вынуждены признать, что сам по себе рост очень резко замедлился именно в связи с прекращением финансирования государственных проектов. И это, конечно, очень важно, потому что раньше был консенсус по поводу зависимости между ценами на нефть и ростом ВВП, который на $\frac{3}{4}$ обеспечивался ростом цен на нефть. Сейчас она на высоком уровне, но насколько долго (некоторые специалисты считают, что обострение геополитики и военного конфликта в Ираке приведет к росту цен)? Это все конъюнктурные явления, но самое главное — непонятно, что должно делать государство. Вы знаете, что есть две научные школы. Представители одной из них говорят, что у нас нет никакого выхода, кроме дальнейшего улучшения инвестиционного климата, снижения налоговой нагрузки в перспективе и т. д. В общем, надежда на то, что «пронутся» силы саморегулирования и откуда-то появятся потенциально эффективные частные инвесторы, хотя все указывает на очень вялое развитие, а показатели инвестиций — вообще отрицательные. Считается также, что надо заботиться о денежной стабильности, привлечении иностранных инвестиций... Вспомним — все это говорится последние четверть века. В одной работе, за которую авторы получили высокие правительственные награды, говорится о промышленной политике (и это уже не ругательные слова), о стратегическом планировании и каком-то целеполагании. При этом подчеркивается, что во взаимодействии частного бизнеса и государства на первом месте должен быть частный бизнес. И это нашло свое отражение даже в лексике — ЧГП. Тут какие-то особые отношения возникают с государством, потому что ведь в классическом варианте государство инициирует проекты и делает их привлекательными для частного сектора, который подключается к их реализации. Возьмем, например, Сочи. Создали симпатичный, абсолютно европейский, очень комфортный город. Даже люди там изменились.

Вывод: чтобы невидимая рука рынка проснулась и действовала благотворно, нужна видимая рука государства.

Так какие цели мы должны ставить?

На мой взгляд, необходимо заниматься мегапроектами, крупными проектами на транспорте, в промышленности (железнодорожный коридор Европа — Азия) и др. Правительство тоже склоняется к мегапроектам. Это связано и с геополитической обстановкой, и с определенным изоляционизмом, в который мы попадаем. Никто не знает — краткосрочное это явление или долгосрочное. Мы до конца не можем просчитать ни качественное, ни количественное влияние санкций, которые на мой взгляд, будут только ужесточаться. В этой ситуации протекционизм в экономической политике становится респектабельным. Конечно, все боятся повторения 1930-х гг., когда каждая страна стремилась продавать и ничего не покупать, и это парализовало мировую торговлю. В рамках «двадцатки» все это ощущают, но «своя рубашка ближе к телу», и сейчас уже определенный протекционизм допускается даже в нарушение правил ВТО. Я обычно ругаю правительство, но сейчас оно вроде бы склоняется к тому, что альтернативы этим самым мегапроектам нет, несмотря на все риски, несмотря на то, что не все деньги будут потрачены так, как надо. Я думаю, что буквально в ближайшие месяцы не только решается вопрос об этих самых мегапроектах, но и готовятся соответствующие законы.

С. Д. Бодрунов: Спасибо большое, Руслан Семенович. Те идеи, которые вы сегодня изложили, мы как специалисты часто встречаем в научных изданиях, в общественной политической литературе, в газетах — «Ведомостях», «РБК» и др. Понятно, что необходим приоритет государственного участия в тех проектах, которые должны двигать нашу экономику вперед.

В связи с этим я хотел бы сказать, что Санкт-Петербург — промышленный город, продвинутый в плане разработки стратегических решений в сфере развития экономики и формирования соответствующей законодательной базы. Он — один из лидеров «интеллектуального штурма» правительства, предложений в министерства и ведомства и реальных дел. В связи с этим на нашем семинаре сегодня два блока вопросов. Один блок связан с реиндустриализацией: речь пойдет о конкретных вещах, которые решаются в стране (может быть, и в рамках общетеоретических положений) и рассматриваются специалистами. Второй блок вопросов вопрос касается реализации предлагаемых проектов на практике в крупных регионах.

Мы, конечно, взяли свой родной Санкт-Петербург. В связи с этим я хотел бы предоставить слово нашим коллегам. Председатель комитета по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга — Анатолий Иванович Котов.

А. И. Котов: Несколько месяцев назад мы направили в Минрегионразвития, отвечавшее за проект Федерального закона о государственном стратегическом планировании, ряд вопросов, которые необходимо было бы учесть, по нашему мнению. Поэтому я соглашусь с тем, что представленный проект не решит всех проблем, связанных с планированием в регионе. Вместе с тем он определяет отношения участников, осуществляющих на территории деятельность по ее преобразованию, особенно на долгосрочную перспективу. Определение стратегий и развития и механизмов их реализации — главное содержание готовящегося законопроекта. Одним из таких механизмов является план мероприятий по достижению стратегических целей социально-экономического развития.

По сути, этот документ не что иное, как экономическая политика исполнительных органов государственной власти, представляющая собой совокупность синхронизированных действий исполнительных органов власти по достижению, сохранению или поддержанию чего-то (например стратегических целей социально-экономического развития). Таково достаточно общее определение, которое можно взять за основу.

Я попытаюсь обозначить основные направления экономической политики, которая должна быть как у правительства страны, так и у правительства региона. Несколько дней назад на встрече

с Алексеем Леонидовичем Кудриным я задал ему вопрос: «А нужна нам экономическая политика в качестве единого документа?». Он сказал: «Да, сегодня экономическая политика в форме понятного документа очень важна, особенно для бизнеса». В этой связи наше решение о принятии документа, определяющего нашу экономическую политику по реализации Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года, не только правильное, но и необходимое, поскольку актуальность его определяется сегодня и теми вызовами, которые стоят перед экономикой России.

Несколько слов о принятой недавно Правительством Санкт-Петербурга стратегии. Стратегия — это, прежде всего, стратегические цели, определенные на основании ряда принципов.

К основным принципам относятся: приоритет национальных интересов, признание в условиях современных вызовов особой роли человека и знаний в социально-экономическом развитии, устойчивое развитие Петербурга на основе соблюдения баланса социально-экономических интересов. Мы исходим из того, что устойчивое развитие обеспечивается достижением совокупности целей. Да, возможно некоторое распыление ресурсов, но за счет синергии мы добиваемся более высокого результата.

Для оценки уровня достижения поставленных целей обязательно применение индикаторов, в основу которых были заложены прогнозы социально-экономического развития. Сегодня мы можем прогнозировать макроэкономические, а также некоторые другие показатели и использовать их для оценки. В стратегии закладываются максимально высокие цели и формируется алгоритм их достижения. При выборе основных приоритетов и целей необходим учет ресурсных возможностей. Валовой региональный продукт, который мы, предположим, должны иметь в 2030 г. — он чего-то стоит. Он стоит энергетических, финансовых и бюджетных ресурсов. Понятно, что за счет бюджета все не реализовать, но у нас есть инвестиции. И наконец, важнейший принцип — обеспечение эффективности функционирования государственных институтов и институтов гражданского общества. Государственные институты являются важным инструментом экономической политики. А взаимодействие с институтами гражданского общества — это непереносимое условие, которое реализуется через диалог с профессиональными сообществами и подписание соглашений с организациями, разделяющими наши принципы и готовыми участвовать в реализации стратегии. Такой документ мы будем подписывать примерно с двумя десятками профессиональных организаций. Перечисленные принципы являются для нас фундаментальными, понятными и реализуемыми.

Важнейшее условие реализации Стратегии — ее включение в систему документов государственного планирования, обеспечивающее определение основных направлений деятельности органов власти по достижению заявленных показателей, Проект документа о государственной системе планирования Санкт-Петербурга уже подготовлен.

В системе государственного планирования Санкт-Петербурга предусмотрена Программа социально-экономического развития Санкт-Петербурга на среднесрочный период. Этот документ представляется на рассмотрение Законодательному собранию. Данный документ вместе с государственными программами социально-экономического развития позволяет перейти от долгосрочного планирования (от 15-летнего периода Стратегии) к среднесрочному и от него — непосредственно к бюджету. С 2015 года Санкт-Петербург практически откажется от 110 несистематизированных и нефинансируемых в полной мере программ, с тем, чтобы перейти на программно-целевой метод планирования через 17 указанных выше программ (число программ соответствует числу стратегических целей принятых Стратегией).

Экономическая политика, по нашему мнению, должна включать три принципиальных направления: экономическое, институциональное и административное. Есть методы экономического, институционального и административного регулирования. Я во главу угла ставлю методы экономического управления, или экономического характера, призванные обеспечить

коммерческую заинтересованность субъектов предпринимательской и хозяйственной деятельности — получение ими соответствующей прибыли. Принимаемые меры в этом случае должны быть направлены на развитие рыночных механизмов ценообразования, снижение издержек, обеспечение доступа к финансовым ресурсам.

Дальше нужно просто анализировать: насколько и на что может влиять регион. Возьмем систему развития рыночных отношений и рыночного ценообразования. Можем мы на нее влиять? В чем-то — да, хотя и очень ограниченно, потому что сегодня система ценообразования зависит от спроса/предложения. Когда мы соотносим это с издержками, которые растут, то ответ становится очевидным. У нас сегодня маржа, которую должен зарабатывать предприниматель, резко сжимается за счет роста зарплаты, тарифов, за счет издержек, связанных с транспортно-логистическим обеспечением, безопасности бухгалтерского, налогового учета, а некоторые еще ведут учет по международным стандартам. Все это мешает развитию. Но влиять мы здесь в определенной степени можем, прежде всего, через развитие конкуренции, через ст. 44 ФЗ о государственных закупках, где у нас 15 % закупок организовываться для субъектов малого предпринимательства и некоммерческих организаций.

Развитие рынка финансовых услуг — это важное условие для обеспечения субъектов предпринимательской деятельности финансовыми ресурсами для экономического развития. Однако Вы прекрасно понимаете, что возможности региона здесь крайне ограничены. Максимум, что мы можем, — это субсидировать в определенной части кредитные ставки.

Некоторые возможности имеются у региона для формирования более рациональной системы налогового регулирования. Сегодня здесь явный крен в сторону фискальной, а не стимулирующей составляющей. При этом позиция органов федеральной власти — пока ничего особо не менять, не трогать. Но потребность в изменениях есть уже сегодня, потому что, например, производя трактор здесь, мы окажемся в минусе, а в Канаде — получим прибыль. Это — расчеты.

Это — три основных момента. Ситуацию с учетной ставкой, инфляцией, стоимостью кредитов я даже не комментирую. Здесь возможности нашего влияния минимальны, при том, что доступность ресурсов — это очень важный аспект. Не хватает длинных денег, значит — не хватает средств для движения вперед. У нас есть один инструмент — это субсидирование процентных ставок. Очень важно грамотно, в оптимальном режиме работать по проектам, особенно по совместным проектам, с Федерацией. Здесь важно объединить усилия. Это все меры экономического характера.

К мерам институционального характера относятся: обеспечение условий для долгосрочной стабильности и сбалансированности бюджета посредством реализации долговременной стратегии.

Первое — финансы. Сегодня у нас — только три источника финансирования: доходы бюджета, инвестиции и дефицит, когда мы привлекаем какие-то деньги. Сегодня мы имеем в ВРП 11 % дефицита.

Второе — повышение инвестиционной привлекательности. У нас есть достаточно четкая программа реализации лучших российских практик (их примерно 15).

Третье — развитие системы долгосрочного планирования реализации целей социально-экономического развития. Я считаю, что без планирования в условиях развития предпринимательства вообще невозможно жить. А мы — не планируем! Например, планирование развития системы образования, должно строиться на 10...15 лет, а не от трехлетнего этапа бюджета. Это связано с демографическим аспектом, с размещением производительных сил, с расселением людей — это очень важный момент, поэтому мы вводим определенную систему планирования.

Четвертое — уровень профессиональной подготовки кадров для обеспечения эффективного функционирования рынка труда. Прежде всего, если сегодня мы определим приоритетные направления экономики через 10...15 лет, то кого мы будем готовить в университетах? Как мы

сформулируем профессиональные, а потом и образовательные стандарты? Здесь — пробел, и надо работать.

Пятое — создание и развитие технологической инфраструктуры, инженерно-коммунальной, транспортной и производственной.

Шестое — развитие системы государственной поддержки экономики.

Седьмое — повышение эффективности взаимодействия с государственными институтами развития. Их у нас много, но взаимодействуем мы с ними не очень эффективно (я говорю о Петербурге). Да, мы очень плотно работаем с Внешэкономбанком, пытаемся наладить связи с другими институтами, но такая работа должна быть активизирована.

И, наконец, восьмое — о мерах административного характера. Прежде всего, речь сегодня идет о регулирующих нормативно-правовых актах, которые в той или иной степени запрещают или ограничивают действия предпринимателей, допустим, при получении разрешения на строительство. Таких проблем достаточно много, и они должны решаться в рамках национальной предпринимательской инициативы. В Санкт-Петербурге разработан конкретный набор мероприятий, думаю, что с этим «злом» мы достигнем заметного результата уже в следующем году. Главное — сделать более открытой систему получения всех разрешений, в том числе и на присоединение к инженерно-коммунальной инфраструктуре.

С. Д. Бодрунов: Спасибо большое, Анатолий Иванович. Слово предоставляется председателю комитета по промышленной политике и инновациям Петербурга Максиму Семеновичу Мейксину.

М. С. Мейксин: У нас сегодня только один возможный путь развития — это инновационная экономика. Мы не можем конкурировать со странами Юго-Восточной Азии в производстве, тиражировании дешевой и серийной многомиллионной продукции. Важно грамотно использовать те компетенции, которые у нас есть — это и есть инновационный путь развития. К сожалению, системные ошибки привели к снижению активности и кризисным явлениям. Сегодня воздействие издержек на экономику очень чувствительно.

Комитет по промышленной политике с первых дней своей организации занял не очень популярную, жесткую позицию, нацеленную на сохранение промышленного потенциала, за что нас постоянно критикуют.

Мы четко заявили, что менять виды использования промышленных предприятий, а промышленные площадки отдавать под жилую или другую застройку — нецелесообразно. Конечно, когда градостроительные ошибки уже совершены и промышленная площадка окружена со всех сторон жильем, то у нее нет перспектив для развития, и остается только завершить начатый процесс. Но статистика показывает, что при переводе предприятий из центра города на окраину, в лучшем случае туда доезжало 10 %, остальные просто прекращали свое существование, а на этом месте вырастали жилые кварталы. Мы уже имеем массу проблем в тех районах, где была сосредоточена промышленность, как, например, в Шушарах. 300 автобусов в день привозят туда людей и 300 автобусов их вывозят — это очень серьезный трафик. Я всегда привожу один и тот же пример: в конце 1980-х — начале 1990-х я студентом совершенно спокойно в 8 часов входил в метро, приезжал в центр города в университет и шел на занятия. И вот недавно я попытался попасть в метро в это же время — я 15 минут стоял, чтобы войти в павильон станции. А что изменилось? Тогда в городе было 5 миллионов жителей и сейчас по статистике 5 миллионов, но машин у нас тогда было в 10 раз меньше. Изменились транзитные потоки. Мы, разрушив прежнюю логику, совершенно бездумно организовали маятниковую миграцию, которая ни к чему хорошему не приводит. Поэтому мы настаиваем на сохранении промышленного потенциала города и на разумном формировании промышленных и жилых зон.

Наши коллеги, например, из Испании и Великобритании, такие эксперименты провели. И Барселона, и Лондон, которые полностью отказывались от промышленности в пользу «эко-

номики офисов», сейчас восстанавливают промышленные территории в городе. Нам их не надо воссоздавать, у нас 13 % городских территории являются промышленными. Безусловно, в центре города может оказаться экологически неблагоприятное предприятие. Так давайте переведем его на окраину, а на этом месте сохраним площадку и разместим другой вид производства. А мы берем инженерно-подготовленную площадку под предприятие и строим на ней жилье, для которого не нужно столько электричества, столько коммуникаций, инженерии, таких мощных очистных сооружений. А дальше мы за бюджетные средства строим заново инженерную инфраструктуру для новых предприятий в чистом поле.

Вдумайтесь: это наш бюджет, наши городские деньги, которые могли бы пойти на другие проекты. Поэтому считаем, что крайне важно сохранить эти промышленные площадки и развивать на них современные чистые экологические производства, обеспечивая локальную занятость населения.

Теперь, что касается промышленной политики и формирования промышленности как локомотива городской экономики. За последние полтора года пришло осознание того, что промышленность — это основа экономики нашего города. Благодаря усилиям членов Промышленного совета, нашей общественности и научных кругов тема промышленности реально зазвучала — это серьезное достижение последнего времени. На наш город сейчас приходится 6 % отгруженной промышленной продукции по РФ в целом, а доля Санкт-Петербурга в общем оборонном заказе страны составляет более 10 %.

Назову восемь позиций, которые мы считаем крайне важным для решения задач промышленной политики Петербурга: технологическое развитие, стимулирование инновационной активности, создание инновационной инфраструктуры, кадровое обеспечение современной промышленности, энергоэффективность, поддержка и продвижение существующих предприятий на внутреннем и внешнем рынках, развитие интеграции промышленности с наукой.

Петербург — это первый субъект Федерации, который принял свой закон о промышленной политике. Сегодня в городе порядка 60 крупных промзон. В этом году работает комплексная программа «Наука. Промышленность. Инновации». С 2015 года это будет новая государственная программа, в которой будут учтены самые востребованные элементы, которые были в комплексной программе. Доработана Концепция развития промышленности до 2020 года. Предусмотрено 8 основных мероприятий по поддержке промышленности, в том числе: повышение энергоэффективности, субсидии по уплате лизинговых платежей, взаимодействие с федеральными институтами развития и субсидии, связанные с компенсацией затрат на подготовку заявки на софинансирование, участие в международных выставках и ярмарках, проведение НИОКР с привлечением отечественных вузов и научных организаций. Сформировано 6 основных направлений развития, в число которых входят энергомашиностроение, IT и фармацевтика.

Крайне важной является реализация кадровой политики для предприятий города, в связи с чем предприятиям оказывается поддержка по возмещению затрат на подготовку и переподготовку кадров. Создаются учебные центры при предприятиях — в частности, учебный центр при заводе имени Климova уже успешно работает. Реализуются совместные проекты с Политехническим университетом и другими вузами.

Подводя итог, хочу отметить, что у нас сейчас есть все шансы для того, чтобы отечественное производство занимало достойное место на мировом рынке. Мы должны этим воспользоваться.

С. Д. Бодрунов: Значит, можно говорить о серьезных подвижках в реализации промышленной политики. Городской администрацией и общественностью проделана большая работа. Много работал Промышленный совет, создавалась Концепция развития промышленности Санкт-Петербурга, городские программы. В частности, созданием Концепции и мне, и ИНИРУ пришлось заниматься непосредственно.

А сейчас, коллеги, я хотел бы предоставить слово Александру Евсеевичу Карлику, который был руководителем одной из групп по созданию Концепции развития промышленности и занимался формированием всех последующих документов.

А. Е. Карлик: В работе по формированию промышленной политики, доработке Концепции промышленного развития Санкт-Петербурга и той части Стратегии экономического и социального развития города («Стратегии 2030»), которая посвящена промышленности, принимала участие большая группа ученых, практиков, большой вклад внес Комитет по промышленной политике.

Я хочу сказать о той проблеме, которой мы в настоящее время занимаемся. Мы везде пишем, что Петербург является структурообразующим центром СЗФО, но субъекты, входящие в СЗФО, неравноценны: это и промышленные регионы, прежде всего Санкт-Петербурга, и регионы, которые были промышленными, но перестали ими быть, скажем, Псковская и Новгородская области; это — и регионы, которые являются чисто добывающими, например Коми, и т. д. Развитие Санкт-Петербурга, в том числе промышленное, непосредственно зависит от того, как будут развиваться регионы Северо-Запада.

В последние годы в промышленных центрах (именно центрах обрабатывающей промышленности) рост практически сведен к нулю.

Ну а теперь — смотрите: проект закона о промышленной политике появился в 1998 г. Как сказал господин Котов, федеральный закон только сейчас, видимо, будет принят, но до этого более 50 субъектов Федерации вслед за Санкт-Петербургом приняли свои законы о промышленности, промышленной политике, т. е. каждый регион делал промышленную политику «под себя», учитывая более или менее интересы макрорегионов, политику государства и т. д. Поэтому, видимо, с выходом нового закона придется приводить в порядок промышленную политику отдельных регионов, и обязательно должна появиться промышленная политика федеральных округов.

Государственная промышленная политика в неявном виде существует, а вот промышленной политики федеральных округов и регионов, не являющихся административными образованиями, нет. Я не хочу говорить о муниципалитетах, поскольку, если муниципалитет Екатеринбурга может иметь свою собственную промышленную политику, то муниципальные образования в рамках Санкт-Петербурга — не могут.

Так что же у нас с промышленностью?

Уже многие десятилетия мы твердим, что у нас сырьевая экономика, и это — нехорошо. Все с этим соглашались, но практически никто ничего не делает. И как же мы используем это сырье? Примерно 50 % российской нефти идет на экспорт, 30 % газа тоже экспортируется. За счет более или менее стабильных цен на нефть и газ в госбюджет поступают значительные средства. Пока ситуация не меняется. Но что нас ждет впереди? Да, мы заключили прекрасный договор с Китаем, который, на мой взгляд, сыграл скорее политическую роль, чем экономическую. Мы пошли на определенные уступки Китаю (хотя и не кардинальные). Тем не менее, европейский вектор экспорта не вечен. Это признают и «Газпром», и ряд других газодобывающих и газопоставляющих организаций. По всем документам, которые принимает Евросоюз, прогнозируется снижение потребления газа к 2020 г. на 25 %. Деньги вкладываются в альтернативную энергетику (хотя к ней я отношусь скептически) и в другие потенциальные энергоносители — например, в водородное топливо. Сейчас оно на вес золота, но если эксперименты, проводимые на Западе, окажутся успешными в промышленном отношении, то все наши газодобывающие скважины можно будет закрывать. Поэтому нам необходимо максимально эффективно использовать то, что мы добываем. Иначе — извините, есть такое выражение «с миру по нитке — коту под хвост». Поставка сырых материалов — это самый неэффективный путь их использования.

Наши потери от экспорта энергоносителей: добавленной стоимости нет, отсюда — потери бюджетов различных уровней; система научных исследований в нефтегазовом комплексе не развивается. А зачем ее развивать, если мы можем поставлять на экспорт сырую нефть и газ?

Далее, нефтеперерабатывающие заводы, газохимические предприятия — это высокотехнологичные производства, т. е., поставляя сырую нефть и не развивая нефтегазопереработку, мы лишаем себя большого количества высокотехнологичных мест — которых, как вы помните, требует президент — в России должно быть 25 миллионов.

Кроме того, раз мы поставляем газ и нефть в необработанном виде, не строим нефтеперерабатывающие предприятия — значит, нам не нужны квалифицированные кадры в этой сфере и т. д. Все это косвенно влияет на нашу экономику. Вот парадокс: экспорт автомобильного бензина в России в последний год составляет примерно 6% — из-за того что у нас нет мощностей. В России всего 14 крупных нефтеперерабатывающих заводов, один из них в СЗФО. Как только 2–3 завода в год выходят на плановый ремонт, начинаются перебои с бензином. И встает проблема: что же нам нужно?

Существует две группы регионов. Первая группа — северные арктические, где сосредоточены практически все виды сырья: нефть, газ и т. д. Условия функционирования здесь — экстремальные природно-климатические, труднодоступность территорий, очаговый характер расселения. Высокая стоимость и низкая конкурентоспособность продукции и т. д. Вторая группа регионов — это так называемые промышленные. Так называемые, потому что из промышленных остался один Санкт-Петербург. А в Новгородской, Псковской, Вологодской и Ленинградской областях, которые были центрами обрабатывающей промышленности — практически все это исчезло. Все остальное — это последствия: исчезла промышленность — уменьшилось население регионов (практически — на 25...30%). Потеря рабочей силы — трудоспособного населения — ведет к снижению объемов промышленного производства и, соответственно, возможностей социального обеспечения населения. Цепочка выстраивается достаточно нехорошая.

Вопрос: как поднять уровень жизни и повысить промышленную значимость этих регионов? Мы провели переговоры с «Газпромом», «Роснефтью», руководством Новгородской и Псковской областей, и они согласились с тем, что одним из инструментов развития бывших промышленных областей может стать строительство в них нефтеперерабатывающих предприятий. Сознывая, что рынок Западной Европы может «сломаться», наши монополисты думают о перенаправлении потоков нефти и газа из арктической области вглубь России, и СЗФО может стать тем регионом, где это можно попробовать. Что это даст? Во-первых, нужна подготовка высококвалифицированных кадров, поскольку современные нефтеперерабатывающие предприятия — это высокотехнологичные производства. Это — увеличение доходной части бюджета бывших промышленных регионов, рост уровня оплаты труда в регионе (даже если это только часть Псковского региона). Развитие производства связано с привлечением рабочей силы на предприятия, а это — рост населения, это семьи и пр. Это — развитие предприятий сервиса, сельского хозяйства, которое было достаточно развитым в этих регионах, и т. д. Посмотрим, какое это имеет отношение к промышленной политике, проводимой в Петербурге. Если строится завод — значит, строятся трубопроводы, производятся трубы, должны быть газоперекачивающие и нефтеперекачивающие агрегаты. То есть — развивается промышленность города. Возникает мультипликативный эффект: производство труб, газоперекачивающих агрегатов и другого оборудования для нефтепереработки позволит увеличить объем промышленного производства примерно на 12...14%. А это уже очень много.

Р. С. Гринберг: При вступлении в ВТО были допущены ошибки, но я не соглашусь с тем, что увеличение количества тракторов в Америке и его уменьшение у нас связано исключительно со снижением таможенных тарифов. На самом деле нам надо быть в ВТО, и надо спокойно нарушать правила, как это делают они. Вспомним историю с «Боингом» и «Аэробусом», когда они друг друга обвиняли во всех смертных грехах, только чтобы пакистанцы купили именно их самолеты.

А. Е. Карлик: Руслан Семенович, я согласен с Вами в том, что к правилам ВТО надо относиться спокойно и спокойно их нарушать, если это выгодно. И в ВТО оставаться необходимо — хотя бы потому, что мы хоть что-то сможем там защищать. Не знаю, насколько это будет продуктивно, но оставаться и участвовать во всем этом «безобразии» надо, не забывая никогда о своих интересах.

С. Д. Бодрунов: Следующее слово нашему уважаемому коллеге Сергею Валентиновичу Кузнецову, доктору экономических наук, директору Института проблем региональной экономики Академии наук.

С. В. Кузнецов: Политические факторы осложнили экономическое развитие как в Европе, так и в России. Интеграционные процессы в Евросоюзе наталкиваются на целый комплекс проблем, усиливается неравномерность социально-экономического развития внутри ЕС, а также социальное неравенство внутри большинства стран-членов. Еврокризис уже разделил эти страны на победителей и проигравших, причем и те, и другие де-юре являются членами ЕС. Что касается перспектив развития ЕС, они представляются достаточно скромными в сравнении, например, с Китаем. По прогнозам, к 2030 г. доля ЕС в мировой экономике будет составлять 15,5 % (в 2007 г. — 20,8 %).

Задачи реиндустриализации России можно решать различными способами, в том числе, как здесь отмечалось, используя политику изоляционизма. Однако эта идея азиатских стран для нас вряд ли приемлема. Внешнеэкономические связи позволяют приобрести современные технологии и оборудование, необходимые для решения поставленных задач.

Для иллюстрации взаимодействия с ЕС я хотел бы привести некоторые данные по Северо-Западу.

Российский Северо-Запад является ключевым пунктом в программах и проектах ЕС: это «Северное измерение», постоянное партнерство и Концепция «Новый Север».

Во всех субъектах РФ, входящих в СЗФО, за исключением Петербурга, за последние 10 лет снизилась доля обрабатывающей промышленности. Высокий удельный вес в общей структуре ВРП большинства субъектов СЗФО занимает сфера услуг. В структуре ВРП растет доля лишь двух видов экономической деятельности: транспорт и связь, строительный сектор, а в отдельных субъектах — еще и добыча полезных ископаемых. Отметим еще одну важную тенденцию — рост удельного веса ВРП Петербурга в общем ВВП страны.

После распада Советского Союза коренным образом изменились функции макрорегиона и его роль в общероссийском развитии. Налицо переориентация части экономических связей регионов страны на внешнеэкономические, что стало дополнительным фактором снижения объемов межрегиональной торговли. Особое место занимают энергоресурсы: СЗФО является инфраструктурным коридором, обеспечивающим связь единой энергетической системы РФ с энергетическими системами стран Балтии, Финляндии, Норвегии, Польши, Белоруссии.

Любопытная картина: общая стоимость 10 крупнейших инвестиционных проектов Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Калининградской, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Псковской областей примерно равна стоимости 10 инвестиционных проектов Ленобласти. Ленинградская область является, по сути, геоэкономическим полигоном России, причем из 10 проектов — 5 связаны с транспортом.

Таким образом, крупнейшие проекты во всех субъектах СЗФО непосредственно связаны с транспортно-транзитной инфраструктурой или с экспортными отраслями. Реализация таких проектов в рассматриваемом виде будет способствовать нарастанию территориальных диспропорций.

Для Республики Карелия и Псковской области, несмотря на их приграничное положение, более благоприятными представляются перспективы развития арктических проектов.

Если совсем кратко, то Север-Запад можно характеризовать как макрорегион развития, макрорегион — внешнеэкономический оператор. К чему это может привести — говорил предыдущий докладчик, с которым я, в принципе, согласен. Спасибо.

С. Д. Бодрунов: Эти наработки Вы передавали господину Котову и господину Мейксину, поскольку вы участвуете в этой работе? Хотелось бы видеть в наших городских программах, концепциях вот такие, более проработанные материалы.

С. В. Кузнецов: Я вхожу в Экономический совет при Губернаторе. Это площадка, где можно обсуждать проблемы, но нашему институту достаточно сложно конкурировать на питерской площадке, где есть серьезные игроки. Мы пытаемся с ними взаимодействовать, и некоторые результаты уже есть.

Мы разработали программы по инвестиционной политике, для полпредства, а на 2009–2010 гг. Анатолий Иванович и Максим Семенович пользуются работами наших коллег из Экономического университета, Леонтьевского центра, попадают к ним и наши работы.

С. Д. Бодрунов: Следующее слово Виктору Тимофеевичу Рязанову, заведующему кафедрой экономической теории СПбГУ.

В. Т. Рязанов: В сегодняшних выступлениях мы неоднократно слышали о необходимости импортозамещения. Высокие риски, связанные с обострением ситуации на Украине, подчеркивают важность этой проблемы.

Приведем один характерный пример. Примерно 250 украинских предприятий выполняют российский оборонный заказ, а совсем недавно новое руководство Украины приняло решение, запрещающее выполнять эти работы. К сожалению, существующие риски и угрозы, скорее всего, сохранятся, если не усилятся. Отметим, что политика импортозамещения является стандартной реакцией на кризисные процессы. Например, в США выполняется программа «покупай американское», во Франции — «поддержи отечественного производителя». И это понятно: острая конкурентная борьба побуждает к такого рода действиям.

Теперь — кратко об опыте использования импортозамещения в российской практике. Вспомним, что в августе 1998 г. именно благодаря импортозамещению был остановлен острейший кризис, и экономика в очень короткие сроки (за три квартала), промышленное производство восстановили свой потенциал и вышли в фазу экономического роста, который продолжался вплоть до 2008 г. Причем в конце 1998 г. не только зарубежные, но и отечественные аналитики и разного рода центры прогнозировали ухудшение ситуации в 1999 г. Однако пришедшее левоцентристское правительство сумело переломить эту негативную тенденцию.

Напомним, что так называемые неолиберальные реформы привели к тому, что отечественное производство фактически было вытеснено с внутреннего рынка. Конечно, итоги политики, проводимой с 1998 г., не столь однозначны. Однако в некоторых случаях восстановительный процесс был завершен достаточно успешно благодаря восстановлению некоторых сегментов нашей обрабатывающей промышленности. Это, прежде всего — пищевая отрасль и машиностроение. И хотя не удалось выйти на уровень советской экономики, но все же произошли существенные положительные изменения. Подчеркнем две главные особенности политики импортозамещения после августовского дефолта. Первая — это было импортозамещение на некапиталоемкой основе, поскольку 2/3 промышленного потенциала простаивали, и речь шла только о восстановлении спроса и возвращении на рынок. Вторая — импортозамещение происходило при снижении потребительского спроса. В 1999 г. реальные доходы упали примерно на 10%, розничный товарооборот — на 9%, тем не менее, задача была частично решена.

Считается, что основным фактором была почти 4-кратная девальвация курса рубля. На самом деле потребовались и различные макроэкономические изменения, которые и запускают программы импортозамещения. И если бы предпринимаемые усилия были более активно поддержаны инвестиционной и промышленной политикой, мы бы достигли лучших результатов.

Отмечу, что в 1999 г. промышленное производство увеличилось на 11 % — это самый высокий рост за всю постсоветскую историю. При этом рост машиностроения составил 19 %!

К сожалению, с 2001 г. тенденция импортозамещения стала затухать, она не была поддержана ростом инвестиционного спроса. Поскольку инвестиции не пошли в экономику, постепенно произошла переориентация, и мы получили экономику не столько экспортно-ориентированную, сколько импортоориентированную.

Рассмотрим роль основных факторов в обеспечении прироста ВВП в текущих и постоянных ценах. Очень часто приводят цифры в текущих ценах, которые показывают одну картину, а при переходе к неизменным ценам, когда убирается фактор роста цен, картина совершенно меняется. Так, оказывается, что чистый экспорт на самом деле (в постоянных ценах) имел отрицательное значение. То есть с точки зрения обеспечения экономического роста у нас была модель не чисто экспортно-ориентированная — можно сказать, что экспорт угнетал производство, а не способствовал его расширению. Уже в 2007 г. у нас появилось отрицательное значение чистого экспорта в постоянных ценах, и мы вступили в фазу импортоориентированного производства. Далее — по поводу изменения факторов емкости рынка, его пополнения. В текущих ценах, казалось бы, все неплохо: более $\frac{3}{4}$ прироста емкости внутреннего рынка обеспечивалось за счет внутреннего производства. Но на самом деле — это «рост» за счет фактора цен. Фактически (в постоянных ценах) ситуация совсем иная: лишь примерно чуть больше трети — реальный прирост внутреннего производства и почти $\frac{2}{3}$ — прирост импорта. Замечу, что 1999 г. по 2001 г. доля импорта в постоянных ценах была 22 %, а в итоге в этот, нынешний докризисный период она превратилась в 63,5 %. Вот эта смена модели экономического роста с ориентацией на импорт и привела к достаточно плачевным результатам.

Перейдем к последнему этапу посткризисного периода. Значение чистого экспорта было отрицательным, а механизм «импортовывтеснения» был запущен в полной мере. Рост ВВП с 2010 по 2013 г. фактически покрывался за счет импорта, поэтому обрабатывающие производства до сих пор не вышли на докризисный уровень.

И — последнее, как можно оценить потенциал импортозамещения. Проанализируем структуру импорта по двум важным позициям: потребительские и инвестиционные товары. В потребительских товарах наши ресурсы составляют 5–6 триллионов рублей из 12 триллионов. По инвестиционным ресурсам (а только на замещение физически устаревшего оборудования необходимо 15–17 триллиона рублей) масштаб импортозамещения — 4–5 трлн рублей. Таким образом, ресурс для импортозамещения можно оценить в 10–11 триллионов рублей — это рост ВВП примерно на 20 % и фактически восстановление экономического потенциала, с которым мы входили в неолиберальные реформы!

Теперь — что касается реализации курса на импортозамещение. Конечно, напрямую повторить рассмотренный выше вариант практически невозможно. Сегодня мы выходим на модель капиталоемкого замещения. Часто утверждают, что у нас нет резервных мощностей, хотя на самом деле они есть. По оценке Минэкономразвития, в обрабатывающей промышленности в целом загруженность оборудования — 65 %. Конечно, это устаревшее оборудование, вот почему речь идет о капиталоемком импортозамещении. Второй момент — изменение отношения к валютному курсу. Идея занижения курса в целях стимулирования экспорта на самом деле разрушает не только программу импортозамещения, но и всю программу новой индустриализации. Сегодня для осуществления импортозамещения и новой индустриализации на первом этапе нужно закупать современное оборудование. Для этого необходимы не столько заниженный курс рубля, сколько экономическое стимулирование наших обрабатывающих компаний. Считаю, что сегодня импортозамещение — это неотъемлемое звено курса на новую индустриализацию, которая без него невозможна (во всяком случае — в начальной фазе). Спасибо за внимание.

Р. С. Гринберг: Виктор Тимофеевич, я даже помню, как они все испугались, что их «на плаху» поведут, а потом Чубайс сказал: это же мы сделали девальвацию, и из-за этого начался экономический рост. Это было очень забавно. Я — к тому, что установка не очень сильно менялась: как была установка на потребителя с самого начала реформ в 1991 г., так и продолжалась. Ваши данные очень красноречивы. Я к тому, что, когда вы делаете упор на импортозамещение — ну, наверное, тотально это нельзя делать? Здесь тоже нужны приоритеты, надо понять, где замещать, а где не замещать. Если это будет тотальное импортозамещение, то надо просто закрывать рынок, вернее, рынки. Ну если вы совсем отказываетесь от конкуренции с импортом, то у вас ведь вообще нет никаких шансов на цивилизованное развитие экономики, или я не прав?

В. Т. Рязанов: Вы очень много сказали и много задали вопросов. Чтобы на них ответить, мне надо делать еще один доклад. Попробую очень коротко. Все, что произошло, это с неба не свалилось и не связано исключительно с падением курса рубля. Была принята программа, разработан комплекс мер, которые сработали, причем именно меры по поддержке производства. Была целенаправленная политика. Другое дело, что не все было реализовано.

И последнее, по поводу импортозамещения. К сожалению, выбор зависит не только от нас. Если нам закроют доступ к технологическим ресурсам, особенно в оборонном комплексе — что тогда? Я не сторонник тотального импортозамещения и закрытия экономики, потому что прекрасно понимаю пользу международного сотрудничества. Импортозамещение должно быть целенаправленным, не предполагающим очень жесткую защиту и сопровождаться курсом на новую индустриализацию, тогда у нас все получится.

С. Д. Бодрунов: Виктор Тимофеевич, спасибо большое. Если вы позволите, я добавлю два слова. В конце 1990-х гг., после кризиса, в правительстве стала формироваться т. н. «Программа реструктуризации и развития промышленности». В рамках этой программы формировались такие известные интегрированные структуры, как «Аэрокосмическое оборудование», где я длительное время работал директором. Документы о создании этого интегрированного холдинга подписал Евгений Примаков. Это был единственный светлый период за 20 лет постсоветского времени, когда всерьез задумались о восстановлении промышленности. Мне кажется, что то правительство было нормальным, и главное, — думающим. К сожалению, политика затем изменилась, при А. Кудрине, но сегодня мы просто вынуждены, тем не менее, возвращаться к этой проблеме, говорить о «новой индустриализации».

Сегодня здесь присутствуют специалисты из Москвы, и я хотел бы предоставить слово Александру Владимировичу Бузгалину.

А. В. Бузгалин: Спасибо организаторам этого семинара за возможность вести дискуссию по одной из самых острых и жестких тем. Некоторое время назад в этом зале накануне Международного экономического форума (МЭФ) мы спорили о реиндустриализации в приоритетах человеческого развития. Продолжая эту дискуссию, хотел бы подчеркнуть, что современной экономике (в той или иной мере рыночной), на мой взгляд, необходимо планирование. Какое-то время назад это слово стало считаться неприличным, и тот, кто говорил, что в экономике должно развиваться планирование, выглядел человеком, вылезшим из старого сундука и пропахшим нафталином. На мой взгляд, и тогда, и сейчас должно говорить о том, что это — система отношений, а не просто некоторая технология, она абсолютно необходима и любой развитой экономической системе, и той, которая хочет встать на путь развития. В этой связи я и ставлю проблему развития планирования для российской экономической системы.

Прежде всего — о том, что это такое. Кто-то под планированием понимает исключительно прогноз. У нас часто «сочиняли» разного типа программы, классический образец — программа 2020 (не буду вдаваться в подробности). Прогноз хорош, когда это реальный прогноз. Вот накануне кризиса 2008 г. на совещании у ректора МГУ директор одного солидного института сделал оговорку «по Фрейду», сказав: «Когда мы для правительства делали прогноз под 7 % годового

роста...». Повторю, настоящий прогноз — это серьезно, но, на мой взгляд, это не планирование, а один из компонентов планирования — максимум. Традиционно планирование понимается (особенно сторонниками рыночного фундаментализма) как директивный бюрократический план. При этом постоянно транслируется миф о том, как в СССР из одного центра планировалось «до гвоздя» все 20 млн видов продукции. Откуда этот миф взялся, я не знаю. Но считать, что планирование невозможно, потому что нельзя из одного центра спланировать всю продукцию для большой страны, это примерно то же самое, как сказать, что армия невозможна, поскольку генералиссимус не может отдать приказ каждому солдату. Во-первых, в СССР планировалось от трети до 50 % продукции, так сказать, крупнейших натуральных показателей. Все остальное уточнялось в договорах, и это — в самый бюрократический период. Во-вторых, всегда существовала иерархическая система — тем не менее, это не обязательно директивный план. Я буду говорить о планировании как о программе, которая включает в себя разные методы, цели (обязательно), систему целей, дерево целей и таким образом реализуется в современной рыночной экономике. Среди средств выделю лишь некоторые: система правил игры, которую я предлагаю трактовать немного иначе, чем это делает новый институционализм; система мер косвенного регулирования промышленной политики — это не совсем одно и то же, но для краткости примем их близкими; обязательные государственные производственные задания — аналог директивного плана, о чем сегодня тоже не принято говорить.

Итак, давайте посмотрим на цели. Принято считать, что цель — это ерунда, главное, чтобы деньги были. Любимый вопрос экономистов: где взять деньги? На мой взгляд, самый главный вопрос: для чего нужны деньги? В зависимости от того, как мы поставим этот вопрос, выяснится: много нужно денег или мало, нужны они или не нужны. Если целью является переход в точку невозврата, о чем прямо говорило правительство Гайдара: невозврата к советской системе — это одно, если целью являются финансовая сбалансированность, либерализация и приватизация — это почти то же самое. Если же целью является развитие человека — это совсем другое. Если целью является собственно производственный рост — это немножко другое, чем развитие человека, хотя они пересекаются. Я считаю, что приоритет человеческих качеств — это главная цель, ради которой должно работать производство, необходимы приоритетные направления развития образования, науки и культуры, безопасность и все остальное. В итоге мы должны получить систему конкретных целей — дерево целей. И эти цели должны быть стабильными хотя бы на 5, а лучше — на 10 лет, в противном случае вся система дальнейшего программирования бессмысленна. Нельзя менять целевые установки каждый год или каждые 2...5 лет. Мне кажется, это важно. Далее мы детализируем систему средств — А, Б, В при привязке к субъектам, ресурсам и механизмам реализации. О правилах игры обычно говорят: необходимо обеспечить защиту прав собственности — и ставят точку. Я добавляю — и ответственность собственника. В конституции ФРГ есть статья 6, которая говорит: собственность обязывает. Если вы собственник пахотной земли, вы должны производить сельхозпродукцию. Собственник замка должен пускать в замок экскурсии. На берегу Рейна продаются замки за 1 евро. Без шуток. Покупайте. Но после этого вы обязаны его реставрировать, сделать из него музей, пускать туда посетителей, а сами можете жить только где-нибудь на кухне. Все. И вы собственник замка.

На самом деле такие виды ответственности есть и в Латинской Америке, а не только в развитых странах. Далее, должны быть стабильные правила игры в области селективной поддержки тех или иных сфер экономики. Если мы сказали: ребята, в течение 5 лет будет осуществляться поддержка этих сфер, вот эти сферы мы будем сокращать, эти — поддерживать, а для этих — будут нейтральные правила, — эти правила нельзя менять. Это — стабильные правила игры, но не правила свободного рынка. Необходим паритет производства общественных благ, ориентированных на некоммерческие ценности, и частных благ, удовлетворяющих рыночные потребности. Мы об этом часто забываем. Недавно у нас обсуждалась докторская

диссертация по проблемам потребления, в которой все потребление сведено к рынку. Между тем человек сегодня от 1/3 до половины своих реальных потребностей удовлетворяет при помощи общественных благ, где он ничего не платит, т. е. он расплачивается своим трудом. Вот вы все платите сегодня за потребление общественного блага — знания, работая здесь несколько часов бесплатно. Точно так же мы работаем в библиотеке, в Эрмитаже, общаясь со своими детьми, внуками, любимыми женщинами или мужчинами. Это очень серьезно. И экономика должна на это работать.

Наконец, об изменении соотношения общества и рынка. Принято считать, что усиление роли государства — это плохо или про это вообще не надо говорить. Сегодня выступали многие докладчики, к которым я отношусь с большим уважением, но никто жестко не сказал: «Друзья, нам надо перейти от 30 с небольшим процентов официальной роли государства в экономике к 50 или 55 % распределения ВВП государством». Даже те, кто говорит, что надо усилить роль государства, очень редко называют эту цифру, поэтому я с радостью прочел статью Руслана Семеновича Гринберга, где он прямо об этом написал.

Теперь — о селективной модели. Уважаемые коллеги, в рамках единой программы мы четко говорим: проект создания высокотехнологичного производства надо рассчитывать не на 5, а на 10 лет. Если вы занимаетесь развитием образования, выращиваете специалистов, необходимых стране, а не просто продаете дипломы, если вы создаете наукоемкие технологические комплексы, защищаете природу и т. д. — ваши налоги минимальны или вообще сводятся к нулю, вы получаете дешевый долгосрочный кредит на выгодных условиях на 5...10 лет и т. д. Для этого существует селективный протекционизм. Не закрытость экономики, а селективный протекционизм — там, где это нужно, когда мы постепенно входим на мировой рынок. Говорят, ребенка можно научить плавать двумя методами: бросить в море, пусть плывет, потонет — его проблемы; второй вариант — держать его в ванночке всю жизнь. На самом деле есть третий вариант — научить его плавать в бассейне, а потом отправить в море. Вот такой селективный программируемый плавный протекционизм, на мой взгляд, нам нужен.

Об обязательных государственных заданиях. Не будем забывать — речь идет о государственных инвестициях, которые осуществляются на основе конкурсов и являются обязательными. Приняли решение: в течение 5 лет инвестируем туда-то — и это обязательное задание.

О планах производства для предприятий госсектора. Сегодня многие государственные предприятия больше похожи на частные корпорации, чем любая частная корпорация. Хозяева этих предприятий — формально госчиновники, а гребут деньги лопатой, имеют «золотые парашюты» и пр. Но это же государственный сектор, они должны иметь план. Если они хотят работать на чисто рыночных условиях — пусть будут частными. Государственные заказы — тоже должны быть привязаны к директивному плану и селективному регулированию, в конечном итоге — к целям программы. Ну и, наконец, программы ГЧП. Здесь частный бизнес попадает в сложную ситуацию. На мой взгляд, если вы включаетесь в ГЧП, вам говорят: будь добр в течение 5 лет выполняй эти обязательные задания, за что тебе дадут 7 или 10 % прибыли (не 15 и не 25 %). При этом тебе гарантированы рынок, твои 10 %, почет, уважение и защита от «наездов». Все это независимо от мировой конъюнктуры.

Дальше, насчет коррупции и бюрократизма. Считается, что, развивая планирование, мы усиливаем роль государства, что приводит к росту коррупции и бюрократизма. Но, коллеги, давайте сравним элементарную статистику. Финляндия, Швеция, Дания и другие страны с 55 % распределения ВВП государством занимают 1–5-е места по качеству экономики (в смысле отсутствия бюрократизма и коррупции); США — на 10-м месте, хотя у них меньше доля перераспределения ВВП. И те и другие относятся к развитым странам. Получается обратная связь: чем «меньше» государства, тем выше коррупция и бюрократизм. Это устойчивый тренд.

Россия является исключением, подтверждающим правило. У нас доля государства еще меньше, а коррупция еще больше. Посмотрите на парламент Дании, стоянка перед ним уставлена не «мерседесами» и не «вольво», а велосипедами. В России государство играет очень большую роль в экономике. Формально — это 35 %, на самом деле — гораздо больше, потому что это теневое регулирование, «позвоночное» право, старый советский блат, возведенный в степень, плюс «ручное управление», которое может быть как хорошим, так и плохим. У меня был очень странный разговор с одним интервьюером в Питере. Он мне объяснил, что мы, профессора, ни черта не знаем про экономику, а вот он лично летал с Путиным, который по ночам мотался, чтобы спасти закрывающиеся предприятия. Наверное, хорошо, что предприятия не закрылись, но то, что президент должен по ночам мотаться, чтобы этого не случилось — это, ребята, ненормально. Это не плановая и не рыночная экономика, а ручное управление, которое должно уйти в прошлое. План плохо совместим с ручным управлением. Если есть ручное управление, значит, план плохой, а рынок еще хуже.

И последнее — это демократизация рынка и управления.

С. Д. Бодрунов: Александр Владимирович, большое спасибо за чрезвычайно интересное выступление. И все же позвольте не во всем с вами согласиться. Спорить можно о том, что есть государственное и негосударственное вмешательство, управление и т. д. Но что касается некоего парадокса: мол, у нас и коррупция есть, и государство вмешивается много — я полагаю, что коррупция возникает и развивается, когда под государственным зонтиком, прикрываясь государственными лозунгами и «крышей», преследуются частные интересы, которые формализованы и, может быть, реализуются через коррупцию. В результате роль государства как института снижается. Это, если говорить о нормальном государстве, если же речь идет о государстве, в котором коррупция является элементом государственного управления, — тогда дело другое.

А. В. Бузгалин: Сергей Дмитриевич, я редко говорю комплименты, но вы мой взгляд, замечательно продолжили то, чего я не сказал. Буду рад говорить об этом, ссылаясь на Бодрунова. Мне кажется, это серьезная формулировка: коррупция — уменьшение роли государства. В некотором смысле, может быть, это новый закон Бодрунова.

С. Д. Бодрунов: Уважаемые коллеги, у нас сегодня присутствует очень интересный на мой взгляд, докладчик. Это Людмила Алексеевна Булавка-Бузгалина.

Л. А. Бузгалина: Хочу сказать следующее: вот как культуру нельзя объяснить только из культуры, так и экономику нельзя объяснить только из экономики. Маленький пример: два дня назад еду в машине в Москве. Везет меня мужчина с благородным, красивым лицом, таджик, и всю дорогу говорит мне о достоинствах ислама, своем понимании ислама. В завершение любопытный вывод: «Вы знаете, в чем преимущество ислама перед православием: Аллах подарил нефть только тем территориям, которые исповедуют ислам». Это пример того, как экономический фактор проникает, вростает в сакральные вещи.

Обратимся к практикам индустриализации в 1930-х гг. и посмотрим, что двигало тогда этим процессом, когда крестьянин становился рабочим, рабочий — инженером, инженер — ученым. При всей сложности и всех противоречиях советской практики индустриализация осуществлялась преимущественно за счет трех факторов: материальные интересы; ГУЛАГ (внеэкономическое принуждение); энтузиазм.

Эти тенденции существовали, перемежаясь: в ГУЛАГе ученые делали диссертации; заключенные с энтузиазмом строили новые города социализма и т. д. Какова же ситуация сегодня, как она может повлиять на реализацию, программы реиндустриализации (или «неоиндустриализации» — как хотите)?

Обозначу основные черты современного социокультурного контекста, который является важным фактором этой модернизации. Первое — это детерминация рыночных отношений, условно говоря, рыночный тоталитаризм, который диктует власть рыночных отношений в сфе-

рах человеческой жизнедеятельности; второе — капитал отчужденного труда, когда человек не нужен, не нужны труд, наука, культура, искусство. Теперь понятно, почему проводится такая политика в сфере науки.

Наука сегодня в какой-то мере связана с целями модернизации, если мы говорим о реиндустриализации. Для капитала наука и культура представляют чисто прагматичный интерес, а сам ученый воспринимается ими как нежелательный паразит на теле капитала и бизнеса.

Фактор субъектности человека: кто он, сегодняшний человек — объект модернизации или субъект? Это — принципиально важный момент, потому что, будучи отчужденным от действительности, не понимая ее природы, противоречий и закономерностей, что может производить человек? — Симулякры. И само его участие в процессах модернизации тоже симулятивно. Отказ индивида от императива субъектности превращает его в функцию, причем в функцию, которая исходит только из частного интереса. Мне не важен результат, не важно качество, я симулятивно осуществил такую атрибутацию своего присутствия в процессе модернизации — и все.

Возьмем второй мощный фактор модернизации — знание. Что есть знание сегодня? Это товар, средство карьерного роста, знак самоидентификации, система знаков навигации в рыночном пространстве. Вы можете отличить Дюрера от Шишкина? Тогда понятно, на какой ступени социальной, культурной и экономической лестницы вы находитесь. Сегодня массив знаний — это массив информации, которая берется и не рассматривается вне причинно-следственных связей.

Идем дальше. Знание отчуждено от действительности, специализированное знание сегодня не связано с общей картиной мира, оно не исходит из этой общей картины и не работает как целостная модернизация целого процесса. Соответственно — нет конкретных задач. А раз нет конкретного представления о реальности, значит — знание не привязывается к конкретным задачам.

Знание не является сегодня бескорыстным, оно носит вульгарно-утилитарный характер. Физик, исследующий какие-то теоретические абстракции, неинтересен для рынка, для сегодняшней экономики, которая работает на интересы «здесь и сейчас». Знания случайны, несистемны, они не связываются ни с причиной, ни с целью какой-либо деятельности. Более того, знание сегодня иррационально, т. е. оно становится лишь аргументом для обоснования важности вот этого иррационального подхода.

Идем дальше. Знание не добывается, оно заемное, а потому некритичное, не способно фиксировать. А как можно вторгаться в процессы преобразования, не понимая противоречий действительности? «Кроссвордный» императив — вот главное отношение к знанию. Знание вне развития — мертвое. Я это говорю, характеризуя этот важнейший блок модернизации. Вот описание качественного состояния этого блока. Сегодня мир не рассматривается как мир открытый, каких-то непознанных вещей. Это супермаркет, в котором есть вещи, которых ты просто не знаешь.

Само познание не является творческим процессом. Творчество — как ресурс, энтузиазм — как ресурс. Возьмем следующий блок — перспектива. Давайте вспомним, в 1920-е гг. Ленин выступает перед рабочим казачеством, говоря не о русской идее, а о планах электрификации России. Ведь буржуазная интеллигенция и ученые, которые саботировали советскую власть и не признавали ее в первые годы, познакомившись с этим стратегическим проектом, приняли эту власть при всем критическом отношении к ней. Приняли, потому что увидели стратегию развития. Человек перспективы — это важнейшая компонента плана модернизации и реиндустриализации, который дает ответ — куда и зачем.

Завершая, хотела бы сказать следующее: для осуществления плана реиндустриализации (или «неоиндустриализации») необходимо повысить престиж рабочих специальностей, инженеров и ученых. Что такое рабочие сегодня? В общественном сознании — это спивающиеся маргиналы.

Подытожу: принуждение как фактор индустриализации — конечно, не нужно. Новый энтузиазм может и должен рождаться из интенций творческой самореализации личности. Как можно делать большие проекты в обход человека, который является мощнейшим ресурсом экономического и социального развития? Человек — это и есть контрапункт экономики и культуры.

С. Д. Бодрунов: Еще одна очень важная грань нашей обсуждаемой сегодня проблемы — развитие экономики с точки зрения развития человека, личности, человека как субъекта экономики. Эта сторона проблемы мало освещалась. Спасибо Вам большое, Людмила Александровна, за интересный доклад.

Хочу представить нашего коллегу Сергея Ивановича Цыбукова, генерального директора Научно-производственного объединения по переработке пластмасс имени «Комсомольской правды». Скажите буквально несколько слов по теме, то, что очень важно.

С. И. Цыбуков: Коллеги, промышленность не умерла и никогда не умрет, она очень живуча и с удивлением смотрит на многие происходящие процессы. Она очень довольна, что на нее какое-то время не обращали внимания, потому что теперь, когда начали обращать, как сказал один старый директор: «Теперь нам точно хана будет».

С. Д. Бодрунов: У нас каждый выступающий директор на каждом семинаре обязательно произносит похожую фразу.

С. И. Цыбуков: С удивлением прочитал в большом «Эксперте» высказывания уважаемого мною В. Фадеева, который, проанализировав деятельность российских «газелей» (быстрорастущих компаний), с грустью сказал, что они почти все умерли. Хотя еще год назад «газелей бизнеса» у нас было больше, чем во всем мире. И вдруг они — удивительно! — обнаружили, что самые живучие предприятия с 1999 г. — это предприятия с объемом выручки 187 млн рублей. «Какие-то жалкие 6 млн долларов» — говорит Фадеев — «но они с каждым годом показывают рост. Они живучи, потому что встроились в рыночные ниши, классно работают с государством и иностранными компаниями. Государство их через кредиты поддерживает, у них хорошая репутация, поэтому есть товарные кредиты из-за рубежа. Проблемы, конечно, есть, и когда-то эти предприятия тоже начнут стагнировать».

Теперь — о глобальных проектах. Наверное, это единственная возможность выжить вот таким малым и средним инновационным производственным предприятиям, которые имеют большую советскую историю. «Трансевразийский пояс развития», о котором говорили и Руслан Семенович, и Владимир Иванович Якунин — это один из вариантов не только новой индустриализации, но и построения новой социокультурной среды. Но кто поедет туда работать? И вот мы здесь, в Петербурге, в течение 10 лет плотно работая с РЖД, начали что-то нащупывать. Модель пока вырисовывается следующая: если мы действительно будем строить там железную дорогу, если мы поймем, что каждый ее участок должен обрастать индустриальными парками, то спросим себе: кто там будет работать? Квалифицированные рабочие — большая проблема, все это понимают. Приезжие из Азии — очень быстро «осваиваются», производительность труда у них очень низкая, квалификация совсем никуда... Из других регионов все, что могли, мы уже выбрали. Вот неожиданный выход — высококвалифицированная рабочая сила из Северной Кореи. Специалистов среднего звена можно пригласить из моногородов Украины, где работы нет, а потенциал достаточно большой. Ну а высшее руководство, на мой взгляд, может быть питерским, возвращенным на наших предприятиях. Вот такая модель с инновациями, с наукой и может стать основой индустриальных парков развития.

Важно, чтобы (уважаемый Виктор Тимофеевич об этом говорил) импортозамещение было настоящим. И прогнозные планы строились на 5... 10 лет вперед. Тогда нынешние научно-производственные предприятия быстро восстановятся, потому что основа у них достаточно здоровая. Поэтому — планирование, полностью поддерживаю. И, конечно, важен «человек как личность», и необходимы внятные правила игры, связанные с развитием мегапроектов. Спасибо огромное.

С. Д. Бодрунов: В завершение нашего семинара я предоставляю слово еще одному нашему московскому коллеге, Сергею Семеновичу Губанову — главному редактору журнала «Экономист».

С. С. Губанов: Я услышал много интересного, и хочу добавить к этому малую толику того, что, надеюсь, представляет общий интерес. Прежде всего, все мы, безусловно, обеспокоены той ситуацией, в которой оказалась страна. О ряде моментов речь уже шла. Позволю себе одно маленькое, но важное уточнение: мы говорим, что с 2013 г. наша экономика находится в ситуации то ли стагнации, то ли автономной рецессии, то ли затухания темпов роста. Мне кажется, это не совсем точная характеристика: не суть важно, на 1,5 % будет прирост ВВП, или на ноль, или будет умеренный, так сказать, спад. Нужно понимать, что страна стоит на пороге выбора дальнейшего пути развития — таков ключевой момент. Потенции экспортно-сырьевой модели исчерпаны. Когда отечественные экономисты в 2008 г. поставили этот диагноз, точнее даже — приговор, то мало кто это услышал; когда то же самое в 2013 г. ретранслировали МВФ и Всемирный банк, это получило широкий резонанс, хотя и с большим опозданием. Время было упущено. И сегодня мы видим, что экспортно-сырьевая модель попросту не в состоянии наполнять бюджет страны и пополнять ее золотовалютные резервы. Тем самым под угрозу поставлена вся политика государственной поддержки внутреннего спроса, которая проводилась с 2000 г. Чтобы не попасть в бюджетную яму, нам нужны новые источники. Абсолютно правильно мыслят коллеги, когда говорят, что эти источники должны быть неоиндустриальными, связанными в первую очередь с высокотехнологичным импортозамещением.

Разумеется, импортозамещение — тотальное или не тотальное — это не панацея, а только стартовая площадка, плацдарм. Приоритеты такого импортозамещения тоже ясны: микропроцессоры, микропроцессорная техника; вся линейка двигателей (начиная с ракетных, авиационных, электрических, судовых, корабельных и т. д.). Мы должны стать двигателестроительной державой, а двигатель потянет за собой всю цепочку, в том числе культуру неоиндустриализации. Почему? Потому что передовой двигатель олицетворяет интегрированное приложение всех достижений: и фундаментальной науки, и прикладной, и организационных форм, и квалификации кадров.

В чем заключается идея новой индустриализации, если рассматривать ее как стратегическое и прорывное направление? Логика здесь очень простая, и это — логика исторического развития. Посмотрите на страны «большой семерки»: сейчас лучше живут там, где меньше работают. Это уже статистический факт. Внешне — вроде бы парадокс. Александр Владимирович приводил цифру тоже парадоксальную: оказывается, бюрократии меньше там, где больше государства. И точно такой же парадокс: меньше работать и лучше жить. Откуда такая тенденция? От успехов неоиндустриального развития. Дело в том, что люди работают меньше лишь постольку, поскольку работают эффективнее. Вместо них больше работают машины, а люди все больше заняты проектированием наукоемких машин, т. е. творческим трудом, составляющим основное достижение цивилизации.

В связи с этим еще одна ремарка. В выступлениях уважаемых руководителей экономических комитетов СПб прозвучала такая мысль: рост зарплаты — это увеличение издержек. И потому-де нужно ограничивать заработки, как-то регулировать и т. д. Должен сказать — это категорическое заблуждение. Почему? Потому что модель современной конкурентоспособной экономики базируется на модели квалифицированной дорогостоящей рабочей силы. Чем дороже рабочая сила, тем больше импульсов к капиталовложениям, к замещению трудоемкого капиталоемким и наукоемким. Это и есть прогресс, прогресс неоиндустриальный по природе. Думаю, что идея новой индустриализации связана с переходом к модели дорогостоящей рабочей силы, эффективным высоким технологиям. А высокотехнологичную продукцию нельзя выпускать на низкотехнологичных рабочих местах. Это аксиома. Значит, нужно устранить этот дисбаланс.

Сегодня назрело много вопросов, притом системного порядка. Принципиальные ответы на них должно дать Всероссийское экономическое совещание по новой индустриализации.

Идея подготовки и проведения такого совещания предложена в ходе дискуссии на страницах журнала «Экономист».

В завершение скажу: мы способны жить своим умом, у меня в этом нет ни малейших сомнений. Спасибо.

С.Д. Бодрунов: Большое спасибо, Сергей Семенович. Знаете, здесь присутствуют специалисты в сфере экономики, развития промышленности, и мы за то, чтобы промышленность — была. Уверен, что она была, есть и будет в нашей России. Еще раз спасибо.

В рамках VII Петербургского международного инновационного форума (01–03 октября 2014 г.). Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, журнал «Эксперт Северо-Запад» и Лаборатория институционального проектного инжиниринга подписали соглашение о создании новой экспертно-коммуникационной площадки – клуба «Экспертная политика». Эксперты–партнеры клуба получают возможность не только обсуждать актуальные проблемы реиндустриализации, импортозамещения, повышения конкурентоспособности российских предприятий, роста производительности труда, и т. п., но и предлагать оптимальные сценарии и «дорожные карты» решения задач, встающих перед обществом, властью и бизнесом.

М. Н. Мысин¹

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

В последнее время в нашей стране возросла роль государственно-частного партнерства (ГЧП) в осуществлении проектов реконструкции и строительства объектов инфраструктуры. Данные проекты отличаются высокой капиталоемкостью, длительным периодом окупаемости и наиболее интенсивно реализуются в Санкт-Петербурге и Москве. В большинстве российских регионов нет локальных законов о ГЧП, а уровень осведомленности бизнес-сообщества и властных структур о потенциале государственно-частного партнерства достаточно низок. В то же время Россия с ее необъятными просторами остро нуждается в развитой транспортной, производственной, социальной инфраструктуре. Именно государственно-частное партнерство может стать фундаментом для устранения инфраструктурных проблем и сокращения разрыва в социально-экономическом положении регионов [1, 2].

Ведущую позицию в рейтинге регионов РФ по уровню развития ГЧП занимает Санкт-Петербург. Это обусловлено не только развитым местным законодательством, но и большим опытом реализации проектов ГЧП. Среди таких проектов в сфере инфраструктуры наиболее значимыми для Санкт-Петербурга являются модернизация аэропорта «Пулково» (инвестор — «Воздушные ворота Северной столицы»), строящийся Орловский тоннель, платная дорога под р. Невой (инвестор — «Невская концессионная компания»), строительство нового завода по утилизации и переработке ТБО в Янино (инвестор — Helector S. A. — Aktor Concessions S. A. — Aktor S. A.).

Санкт-Петербург заинтересован в скорейшем развитии новых проектов ГЧП, позволяющих государству и частному бизнесу продуктивно сотрудничать при решении социально значимых задач. Не так давно Санкт-Петербург провел несколько ГЧП-конкурсов на постройку и использование центрального участка платной автодороги «Западный скоростной диаметр», ремонт и коммерческое использование Северной водонапорной станции (второй по величине в городе), возведение и коммерческую эксплуатацию многофункционального общественно-делового и культурного центра «Дворец искусств». На данный момент на стадии разработки и согласования находятся еще около десяти ГЧП-проектов.

Использование опыта г. Санкт-Петербурга и методики Всемирного банка в области реализации ГЧП позволило разработать схему [3], в соответствии с которой в сферу ответственности управления ГЧП-проектом включаются оценка проектов и разработка предложений по подготовке и осуществлению дальнейшего управления. Подобный комплексный универсальный подход позволяет разрабатывать проекты на высоком профессиональном уровне, соответствующем требованиям зарубежных инвесторов и понятном государственным властным органам [4].

В Москве и Московской области список ГЧП-проектов пока не так велик. Так, если Петербург находится на 1-м месте с показателем рейтинга 7, 8 (см. таблицу), то Москва занимает лишь 13-ю позицию с рейтингом 5,5. Согласно методологии составления рейтинга, на положение региона влияют три параметра:

¹ Михаил Николаевич Мысин, доцент, проректор по информатизации и менеджменту качества Самарской государственной академии культуры и искусств, канд. пед. наук, e-mail: mysinmn@gmail.com

• региональная законодательная база, в том числе наличие специальных структурных подразделений органов власти, ответственных за ГЧП, и предусмотренных в региональном бюджете расходов на ГЧП;

• опыт осуществления ГЧП (оценка производится по количеству проектов, их уровню и стадии выполнения);

• кредитный региональный рейтинг (количество и значение присвоенных рейтинговых оценок).

Отметим, что ГЧП лучше развивается там, где налицо недостаток бюджетных средств, а Москва со своим миллиардным (в долларах) бюджетом до настоящего момента не сталкивалась с данной проблемой. Московское руководство всерьез задумалось об активизации процесса частного инвестирования, только когда встал вопрос о решении жизненно важных для столичных жителей проблем — широкомасштабном благоустройстве территории, улучшении качества и доступности госуслуг, ликвидации пробок, расширении административной границы, разгрузке движения на МКАД.

**Рейтинг отдельных российских регионов по уровню развития ГЧП
на начало 2013 г. [5]**

Номер	Субъект РФ	Значение рейтинга	Номер	Субъект РФ	Значение рейтинга
1	СПб	7,8	16	Кировская обл.	5,3
2	Татарстан	6,6	17	Ульяновская обл.	5,3
3	Воронежская обл.	6,5	18	Ленинградская обл.	5,0
4	Ярославская обл.	6,3	19	Карелия	4,9
5	Тульская обл.	6,1	20	Липецкая обл.	4,9
6	Белгородская обл.	5,9	21	Московская обл.	4,9
7	Нижегородская обл.	5,7	22	Рязанская обл.	4,7
8	Вологодская обл.	5,6	23	Омская обл.	4,7
9	Калужская обл.	5,6	24	Ханты-Мансийский автономный округ	4,7
10	Новосибирская обл.	5,5	25	Самарская обл.	4,6
11	Ростовская обл.	5,5	...		
...			83	Чукотский АО	0,0

С учетом активных действий московского правительства по развитию ГЧП-проектов вполне вероятно перспектива перемещения столицы в первую пятерку рейтинга уже в 2014 г. Отсутствие в Москве своего закона о ГЧП может быть компенсировано принятием и использованием федерального закона. Сегодня возможна реализация практически любых форм ГЧП, и иметь для этого региональный закон вовсе не обязательно. Как показывает опыт, если ГЧП-проект не выгоден государству, претензии со стороны контролирующих органов крайне редки.

В пределах МКАД ГЧП возможно при организации промзон. Дефицит новых площадей для застройки делает территории старых промышленных предприятий, занимающих до 30 % площади столицы, весьма привлекательными для строителей. В связи с этим Москва часто требует от возможных инвесторов проектов, которые могут быть интересны и полезны не только частному сектору, но и всему городу [5].

В упомянутом выше рейтинге российских регионов по уровню развития ГЧП в 2013 г. Волгоградская область (ВО) занимает не самое высокое 30-е место. Для улучшения ситуации еще в 2011 г. Волгоградской областной думой был принят закон № 2257-ОД «Об участии Волгоградской области в государственно-частном партнерстве» от 29 ноября 2011 года [6]. Закон устанавливает принципы, порядок и формы участия Волгоградской области в ГЧП, основной целью которого выступает привлечение частных инвесторов к решению проблем в рамках полномочий областных органов государственной власти (в том числе улучшения качества государственных услуг, повышения продуктивности эксплуатации госимущества, являющегося собственностью области).

Анализ отчетов органов исполнительной власти Волгоградской области приводит к выводу, что при относительно небольшом количестве реализуемых ГЧП-проектов все они достаточно успешны и среди них высок процент крупных социально значимых проектов. Рассмотрим наиболее масштабные ГЧП-проекты, реализуемые в Волгоградской области.

1. «Проектирование, строительство и эксплуатация полигонов для размещения твердых бытовых отходов (ТБО) с мусоросортировочными комплексами и мусороперегрузочными станциями на территории Волгоградской области». Исполнителем выступает ЗАО «Управление отходами» (Москва) на условии договора концессии с Администрацией ВО (подписан в 2012 г.). Согласно договору, инвестор должен построить полигоны для размещения ТБО на территории Еланского, Палласовского, Камышинского, Калачевского, Октябрьского, Котовского, Урюпинского и Фроловского районов, оборудованные мусоросортировочными комплексами ТБО в Калачевском, Камышинском, Фроловском и Урюпинском районах ВО и мусороперегрузочными станциями ТБО на территории 10 районов Волгоградской области. По плану совокупная мощность новых полигонов должна превысить 400 тыс. тонн в год. Концессионное соглашение заключено на 24 года. После введения в эксплуатацию 30 декабря 2014 г. объект концессии остается в пользовании концессионера на 21 год, а затем будет передан в государственную собственность Волгоградской области. Суммарный объем инвестиций по проекту составляет 1 100,00 млн рублей [7].

2. «Эксплуатация, текущий и капитальный ремонт, реконструкция и техническое перевооружение муниципального имущества». Данный проект реализует ООО «Лукойл-Теплотранспортная компания» на базе долгосрочного договора аренды муниципального имущества, заключенного с администрацией городского округа (г. Волжский). По условиям договора арендатор эксплуатирует, осуществляет текущий и капитальный ремонт, реконструкцию, модернизацию и техническое переоборудование арендованного муниципального имущества в объеме средств, установленных для этих целей в тарифе, согласованном с органом регулирования на теплоэнергию на каждый текущий календарный год. Срок проекта — 25 лет, договор подписан в 2009 г. Источником финансирования по данному проекту является тариф. С начала реализации освоено 73 млн рублей, в том числе за 2011 г. — 31,6 млн рублей [7]. Наглядные результаты реализации проекта — технически исправные тепловые сети, безаварийная и бесперебойная работа, обеспечение своевременной и в полном объеме поставки теплоэнергии потребителям г. Волжского.

Сегодня можно обозначить ключевые направления и проекты, планируемые к реализации в рамках ГЧП в Волгоградской области.

Проект «Обход г. Волгограда. Южная часть». Главные задачи: увеличение объемов экспортно-импортной транспортировки и перераспределение грузопотоков из прочих регионов РФ; переориентация транспортного потока за пределы Волгограда, снижение транспортной напряженности в Волгограде и постепенное улучшение экологической ситуации. Протяженность автодороги должна превысить 46 км. Затраты на строительство составляют 15,0 млрд рублей, источники финансирования уточняются. Планируемые сроки исполнения проекта — 5,5 лет.

Проект «Строительство муниципальных детских садов на территории Волгоградской области на основе механизма ГЧП с рассрочкой платежей за счет бюджетных средств на 8...10 лет». В рамках проекта планируется строительство 20 детских садов и создание дополнительных рабочих мест на 2800 человек. В ходе строительства планируется освоить примерно 2 млрд рублей (это будет зависеть от итогового количества предоставленных и зарезервированных участков земли и конкретных условий соглашения). Инициатором проекта выступило ОАО «Корпорация развития Волгоградской области».

Достаточно перспективными проектами на основе ГЧП представляются проекты, планируемые в рамках участия Волгоградской области в чемпионате мира по футболу 2018 г. В единый инвестиционный план вошли следующие мероприятия по подготовке территории региона к чемпионату: комплексная реконструкция аэропорта; капитальный ремонт существующей и развитие новой сети дорог; модернизация имеющихся и строительство дополнительных объектов гостиничного сектора; расширение торгово-развлекательной сети; реконструкция имеющихся и строительство дополнительных объектов туристического сектора; реконструкция имеющихся и строительство дополнительных спортивно-развлекательных объектов [7].

В заключение отметим, что знания органами федеральной власти форм и механизмов ГЧП, а также стремления к интенсификации процесса ГЧП не достаточно для решения целого спектра технических проблем, порождаемых несовершенным законодательством не только в сфере ГЧП, но и в других стратегически важных сферах.

Для развития ГЧП в регионах России необходимо руководствоваться тремя главными принципами:

- наделить органы регионального самоуправления четкими полномочиями, предоставив им возможность самостоятельно принимать решения, если речь идет о вопросах, связанных с подписанием договоров ГЧП (одно из ключевых условий жизнеспособности договоров — наличие в качестве делового партнера квалифицированного чиновника);
- придать ГЧП-соглашениям юридическую силу, чтобы основные положения этих документов реально обеспечивали исполнение обязательств по субсидированию и определению размера тарифов;
- прояснить ситуацию с правами собственности на объекты, фигурирующие в ГЧП-проектах, так как неоднозначность в этих вопросах сильно снижает степень надежности исполняемых схем ГЧП, в том числе для бизнес-партнера; внедрить высокоадаптивный механизм перехода во владение объектов ГЧП-соглашений, помня о защите прав собственности на данные объекты со стороны государства.

Список литературы

1. *Морозова, И. А.* Государственно-частное партнерство как эффективный механизм инновационного развития экономики / И. А. Морозова, И. Б. Дьяконова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2010. — № 2. — С. 78–81.
2. *Морозова, И. А.* Развитие механизмов государственно-частного партнерства в рамках концепции модернизации системы образования / И. А. Морозова, И. Б. Дьяконова // Международный журнал экспериментального образования. — 2010. — № 5. — С. 76–78.
3. *Морозова, И. А.* Маркетинговое обеспечение развития инфраструктуры рынка транспортных услуг: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / И. А. Морозова; Волгогр. гос. техн. ун-т. — Волгоград, 2008.
4. *Греф, Г.* Перспективы развития ГЧП в Санкт-Петербурге / Г. Греф. — 2014. — Режим доступа: http://www.pppinrussia.ru/userfiles/upload/files/region/PPP_in_SPt.pdf. — Загл. с экрана, рус.

5. Гагарин, П. Государственно-частное партнерство: проблемы и перспективы развития / П. Гагарин. — 2014. — Режим доступа: <http://www.gradient-alpha.ru/press-center/articles/2013/04/12/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-problemyi-i-perspektivy-razvitiya>. — Загл. с экрана, рус.

6. Портал развития межрегионального и международного делового сотрудничества «Бизнес России. Волгоградская область». — 2014. — Режим доступа: http://www.volgograd.allbusiness.ru/content/document_r_8D34CB5C-E619-4725-8A36-6FEB5828D2F2.html. — Загл. с экрана, рус.

7. Развитие государственно-частного партнерства на территории Волгоградской области в 2011 году. — 2014. — Режим доступа: [Publikatziya_o_GChP_v_VO.pdf](#). — Загл. с экрана, рус.

А. И. Балашов¹, О. В. Тригolos²

АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

В настоящее время наблюдается изменение состава «ядра» высокотехнологичных отраслей промышленности, формирующих современный технологический уклад. *Технологический уклад* представляет собой совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства и образующих замкнутый макроэкономический воспроизводственный контур (от добычи сырья до непроизводственного потребления). В своем «каноническом» виде данный термин был введен в экономическую науку российскими экономистами Д. С. Львовым и С. Ю. Глазьевым [8], хотя, как отмечают исследователи [10], отдельные аспекты теории технологических укладов прослеживаются в работах Д. Рикардо, К. Маркса, Й. Шумпетера, Н. Д. Кондратьева, К. Переса и других ученых. В частности, Й. Шумпетер обосновал связь между сменой технологических укладов (технологическими волнами) и длинными экономическими циклами («циклами Кондратьева») [7], а К. Перес выдвинул гипотезу о наступлении в 2020-е гг. новой технико-экономической волны, объясняющей происходящий мировой экономический кризис «переинвестированием во вновь определившиеся технологически перспективные области» [13].

Российская экономика базируется на отраслях четвертого технологического уклада с отдельными «вкраплениями» пятого. Четвертый технологический уклад, сформировавшийся в 1930-е гг., основан на развитии углеводородной энергетики (нефтегазодобычи и переработки углеводородного сырья), тяжелого машиностроения, индустрии средств связи и новых синтетических материалов. В нашей стране он сформировался в советский период и доминирует сегодня. В Санкт-Петербурге его представляют гиганты ленинградской промышленности — предприятия энергомашиностроения (ОАО «Силовые машины», «Ижорские заводы» и др.), судостроения (ОАО «Адмиралтейские верфи» и др.), тяжелого машиностроения (ОАО «Кировский завод»), а также сборочные производства мировых гигантов автомобилестроения (Ford, Toyota, Nissan), появившиеся в Петербурге в 2000-е гг.

Пятый технологический уклад, переход к которому в мире начался в середине 1980-х гг., опирается на достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи и т. п. Технологическое лидерство в пятом укладе, помимо США и ряда стран «старой Европы» (Великобритании, Франции, Германии, Швеции), закрепилось за Японией, Южной Кореей и, в меньшей степени, Индией. В России пятый технологический уклад, по времени совпавший с крахом советской экономической модели и последующей деградацией научно-технической базы, развития не получил. Отдельные российские компании пятого технологического уклада, созданные преимущественно на базе бывших советских стратегических НПО и НИИ

¹ Алексей Игоревич Балашов, профессор кафедры финансовых рынков и финансового менеджмента Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», д-р экон. наук, e-mail: aleksey.i.balashov@gmail.com.

² Олеся Васильевна Тригolos, магистрант магистерской программы «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: set9397@yandex.ru.

оборонной и космической направленности, слабо вписаны в глобальную экономику и являются, скорее, локальными игроками.

Последствия мирового экономического кризиса, ослабившего стабилизационные возможности государства, а также усилившаяся уязвимость российской экономики после вступления страны в ВТО не способствуют развитию отраслей пятого технологического уклада, вынуждая нас форсировать переход к шестому укладу, рынок которого только формируется. Шестой технологический уклад, опирающийся на био- и нанотехнологии, высокие гуманитарные технологии (новая система образования, новая медицина, гибкие системы организации производства), искусственный интеллект, робото- и лазерную технику и новую энергетику, основанную на экологически чистых энергоносителях, требует пересмотра основ государственной промышленной политики [5].

Настоящая статья посвящена анализу государственной промышленной политики в сфере стратегического развития биотехнологической отрасли в Российской Федерации.

Под термином «биотехнология» в широком смысле понимают пограничное (между биологией и техникой) научное направление, исследующее способы изменения окружающей человека природной среды в соответствии с его потребностями. В узком смысле биотехнология — это совокупность методов и приемов получения полезных для человека продуктов с помощью биологических агентов. Биотехнология базируется на достижениях молекулярной генетики, связанной с созданием искусственных молекул вещества, передающего наследственные признаки (гены) живого организма, и клеточной технологии.

В современном мире развитие биотехнологической отрасли связано с потенциалом биотехнологий в решении глобальных проблем современного общества:

- продовольственной, острота которой снижается за счет использования трансгенных продовольственных культур;
- проблемы общественного здравоохранения — биотехнология позволяет создавать препараты для лечения болезней, считавшихся неизлечимыми (рака, ВИЧ-инфекции, рассеянного склероза, диабета и др.), а также современные противовирусные вакцины;
- энергетической — создание на основе биомассы экологического топлива, позволяющего снизить зависимость национальных энергосистем от экспортеров углеводородов.

В настоящее время на мировом рынке представлены генно-модифицированные (ГМО) фрукты, овощи, сорта сои (более половины всех посевов в 2003 г.), хлопок (свыше 20 % посевов), канولا (11 %), маис (9 %) и другие агропромышленные культуры. Применение американскими фермерами трансгенных растений уже в 2001 г. обеспечило повышение урожая сельхозкультур на 1,6 млн тонн, при этом издержки агропроизводства сократились на 1,2 млрд долларов, а объемом использования пестицидов — на 18,7 тыс. тонн. В свою очередь, откорм животных давно немислим без применения аминокислот и белково-витаминных добавок к комбикормам на их основе [9, с. 7–8].

Еще в начале 2000-х гг. Администрацией США по продуктам питания и лекарственным средствам (FDA) было зарегистрировано порядка 155 биотехнологических лекарственных средств (ЛС) и вакцин, применяемых для лечения более 320 млн человек по всему миру. На стадии клинических испытаний находятся еще порядка 370 ЛС. По данным международной консалтинговой компании Ernst & Young, рынок биотехнологической продукции только за период 1992–2002 гг. вырос не менее чем в три раза [12].

Продолжается рост доли возобновляемых источников энергии в мировом энергобалансе (за первое десятилетие XXI в. она увеличилась с 11 до 19 %). Несмотря на скромное место биотоплива (продукта глубокой переработки растительной биомассы) в мировом потреблении первичной энергии (на его долю в 2009 г. приходилось лишь 0,6 % совокупного энергопотребления), исследователи констатируют многократное превышение спроса на этот энергоресурс

над его предложением. При этом развитие производств биоэтанола и биодизеля, требующих большого количества продовольственного сырья, стимулирует рост цен практически на все виды продуктов питания [6, с. 13, 14].

Таким образом, биотехнологическая отрасль — это сложносоставная отрасль промышленного производства, выстраивающая технологические циклы со смежными отраслями народного хозяйства (аграрно-промышленным и топливно-энергетическим комплексами, системой здравоохранения и др.) и создающая мультипликационный эффект для мирового хозяйства. В настоящее время принята так называемая цветовая классификация профильных направлений (подотраслей) биотехнологической индустрии (табл. 1).

Таблица 1

Сегментация мировой биотехнологической отрасли*

Цветовая классификация биотехнологий	Сфера применения биотехнологий	Укрупненная область	Доля на мировом рынке, %	
			в 2010 г.	прогноз на 2030 г.
Красная	Здравоохранение, медицина, диагностика	Красная (биофармацевтика и биомедицина)	60	25
Желтая	Пищевая биотехнология, наука о питании			
Синяя	Аквакультура, прибрежная и морская биотехнология	Зеленая (агробιοтехнологии)	12	36
Зеленая	Сельское хозяйство, биотопливо, биоремедиация, геомикробиология			
Коричневая	Биотехнология аридных зон и пустынь			
Черная	Биотерроризм, биооружие			
Фиолетовая	Объекты интеллектуальной собственности			
Белая	Генная инженерия	Серая (промышленная биотехнология)	28	39
Золотая	Биоинформатика, нанобиотехнология			
Серая	Технологии классической ферментации и биопроцессов			

*Составлено на основе: Electron. J. Biotechnol. V.7, n. 3. Valpara.so.dis., 2004.

Активное проникновение биотехнологий в различные сектора мировой экономики привело к появлению термина «биоэкономика» (bio-based economy), под которой чаще всего понимают экономику, основанную на использовании возобновляемых биоресурсов и включающую в себя органическое (экологически чистое) сельское хозяйство, биофармацевтику, лесную и целлюлозно-бумажную промышленность глубокой степени переработки, а также производство ферментов, биотоплива, биоремедиацию почв и воды. Развитие биоиндустрии в современных условиях играет важнейшую роль в обеспечении энергетической, продовольственной и лекарственной безопасности страны, являясь магистральным направлением практической реализации концепции устойчивого социально-экономического развития.

В настоящее время Россия занимает достаточно скромные позиции на мировом рынке биотехнологий. Если в 1980 г. на этапе формирования биотехнологической отрасли доля СССР на мировом рынке составляла около 5 %, то в 2010 г. — 0,7 % (что весьма неплохо на фоне данных 2000 г., когда доля российской биотехнологической отрасли в мире не превышала 0,2 %). В настоящее время лидерство на рынке объемом более 250 млрд долларов (по состоянию на 2010 г.) занимают США (около 46 %), страны ЕС (34 %), Бразилия (7,6 %), Китай (6,4 %) и Индия (2,8 %). На российском биотехнологическом рынке объемом около 1,6 млрд долларов 85 % занимает импорт, при этом по ряду направлений его доля еще выше (по биофармацевтике — 89 %, агробιотехнологиям — 93 %, ферментам — 89 %, живым культурам — 88 %) [1].

Одним из инструментов реализации национальных приоритетов научно-технологического развития в современном мире являются технологические платформы (ТП). Предложенные Еврокомиссией для обозначения приоритетных тематических направлений инновационного развития Евросоюза ТП возникли в 2001 г. (к настоящему времени их 38). Отличительной особенностью ТП является их нацеленность на достижение устойчивого развития современного общества. В настоящее время в ЕС формируются ТП нового уровня — технологические инновационные платформы (ETIP), объединяющие в кластер близкие по тематике области.

Комиссией по модернизации и технологическому развитию экономики России при Президенте РФ от 01.04.2011 г. был утвержден перечень из 27 технологических платформ, три из которых («Медицина будущего», «Биоиндустрия и биоресурсы, БиоТех 2030» и «Биоэнергетика») касаются биотехнологий.

ТП «Медицина будущего» была институционализована в мае 2011 г. в Томске на базе Сибирского государственного медицинского университета. Ее участниками стали исследовательские центры, научные и образовательные организации системы Минздрава РФ, Минобрнауки РФ, РАН и РАМН, госкорпорации (Ростехнологии, Росатом, ТРВ), стратегические ФГУПы (НПО «Микроген»), компании с государственным участием. Цель ее создания — формирование в России работающего сегмента медицины будущего, базирующегося на совокупности следующих «прорывных» технологий в медицине и фармацевтике:

- инновационных биофармацевтических препаратов (ДНК-вакцины, гормональные средства, факторы свертывания, препараты на основе цитокинов, моноклональные антитела, антисептические средства, препараты от демографически значимых заболеваний), объем спроса на которые в России в 2010 г. оценивался в 2,3 млрд рублей, а к 2020 г., по прогнозам, может достигнуть 140 млрд рублей;
- биокomпозиционных материалов для медицинского применения (бионанокomпозитные конструкции для выявления диагностически значимых белков и сепарации клеток, новые биоматериалы для тканевой и костной имплантации, перевязочные материалы с бактерицидными свойствами); объем спроса на них в 2010 г. оценивался на уровне более 30 млрд рублей, а к 2020 г. прогнозируется рост до 150 млрд рублей;
- медицинских приборов и оборудования, прогнозируется рост объемов спроса на них с 70 до 350 млрд рублей (2010–2020 гг.);
- тест-систем для медицинской диагностики (молекулярной, иммунной, иной *in vitro* диагностики), рынок которых в 2010 г. оценивался на уровне более 23 млрд рублей, а к 2020 г. может вырасти до 45 млрд рублей [11].

Технологическая платформа «Биоиндустрия и биоресурсы, БиоТех 2030» (далее — «БиоТех 2030») объединяет 160 участников (48 — это образовательные учреждения, 42 — научные организации, 57 — инжиниринговые и производственные компании и 13 — профессиональные объединения участников рынка биотехнологий) [11]. Координаторами ТП «БиоТех 2030» выступают ОАО «РТ-Биотехпром» (входящее в Ростехнологии) и биологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Ключевой целью ТП является создание в России современной биоиндустрии, обеспечивающей вклад в ВВП на уровне ведущих экономик мира (3 %).

В рамках ТП должны быть разработаны технологии и налажено производство целого ряда новых продуктов: биореагентов (ферментов, продуктов тонкого и основного органического синтеза, фармацевтических субстанций, аминокислот, средств защиты растений и животных и пр.); биоматериалов (биопластиков, мономеров для химии полимеров); биотоплива (биоэтанола, биодизеля, биобутанола); продуктов здорового питания и пищевых ингредиентов; продуктов глубокой переработки лесного сырья. Создаваемые производства должны базироваться на возобновляемом сырье, обладать высокой энергоэффективностью, низким отрицательным воздействием на окружающую среду и выпускать конкурентоспособную продукцию, вносящую

вклад в процессы импортозамещения и диверсификации российского экспорта. Реализация ТП «БиоТех 2030» связывается также с социально-экономическим эффектом: рост занятости сельского населения, развитие дотационных регионов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, решение проблем моногородов.

Технологическая платформа «Биоэнергетика» была создана в конце 2010 г. на базе Национального исследовательского центра «Курчатовский институт». Основными технологическими направлениями данной ТП является разработка технологий получения непищевой биомассы (в том числе путем утилизации непищевых и твердых бытовых отходов) с ее последующим использованием для выработки электроэнергии, тепла, биотоплива и других продуктов с высокой добавленной стоимостью. Эффекты от реализации ТП связываются с диверсификацией российской экономики, развитием сельских и отдаленных районов страны, приближением российских экологических стандартов к мировым, созданием новой сырьевой базы как альтернативы углеводородному сырью.

Для интеграции усилий ТП по развитию биотехнологий в 2011 г. был разработан проект Государственной координационной программы развития биотехнологий в Российской Федерации [3], утвержденной после ее доработки Правительством РФ [1]. Программа призвана также скоординировать секторальные элементы долгосрочной (до 2020 г.) государственной стратегии в сфере биотехнологий, содержащиеся в утвержденных в 2008–2013 гг. стратегиях развития лесного комплекса Российской Федерации, фармацевтической промышленности Российской Федерации («ФАРМА-2020»), пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации, медицинской промышленности Российской Федерации. Вслед за Программой ВП-П8–2322 был утвержден план мероприятий по развитию биотехнологий и генной инженерии [2] с «горизонтом расчета» до конца 2018 г. (см. рисунок).

Элементы государственной промышленной политики
стратегического развития биотехнологической отрасли РФ

Стратегической целью развития биотехнологий в России провозглашено создание глобально конкурентоспособного сектора биоэкономики (включающего биомедицину, агробиотехнологии, промышленную биотехнологию и биоэнергетику), который наряду с наноиндустрией и информационными технологиями должен стать основой построения постиндустриальной экономики.

Достижение заявленной цели предполагается контролировать через целевые (интегральные и секторальные) показатели (табл. 2).

Таблица 2

**Целевые показатели развития биотехнологической отрасли России
согласно Комплексной программе развития биотехнологий до 2020 г. (КП)
и «дорожной карте» развития биотехнологий и геномной инженерии (ДК)**

Показатели	2010	2012	2015		2018	2020
	КП	ДК	КП	ДК	ДК	КП
<i>Интегральные показатели</i>						
Объем потребления продукции, млрд р.	120	128	400	180	300	1000
Объем производства продукции, млрд р.	24	26	200	50	200	800
Объем экспорта продукции, млрд р.	-	< 1	-	10	-	50
Доля импорта в потреблении, %	80	80	60	77	50	40
Доля экспорта в производстве, %	< 1	< 1	20	20	25	25
<i>«Биофармацевтика и биомедицина» (ключевые 2 из 5)</i>						
Зарегистрированные оригинальные биотехнологические ЛС, шт.	-	-	10	10	50	-
Биотехнологические дженерики из Перечня ЖНВЛП, %	13	13	20	20	50	40
<i>«Сельскохозяйственные и пищевые биотехнологии» (ключевые 3 из 5)</i>						
Сорта растений, полученных биотехнологическими методами, %	0	-	5	-	-	20
Доля сельскохозяйственных отходов, переработанных методами биотехнологии, %	1	5	30	30	50	70
Доля пищевого белка отечественного производства, %	10	10	30	30	50	70
<i>«Промышленные биотехнологии» (ключевые 2 из 4)</i>						
Доля биоразлагаемых материалов в общем объеме потребляемых полимеров, %	0	-	3	3	8	10
Доля биомассы в общем объеме сырья, перерабатываемого в химической и нефтехимической промышленности, %	0	-	5	5	12	15
<i>«Биоэнергетика» (ключевые 2 из 4)</i>						
Доля моторного биотоплива и его компонентов в общем объеме потребления топлива, %	0	-	3	3	8	10
Производство тепла, млрд р.	8	8	60	60	160	200
<i>«Природоохранные (экологические) биотехнологии» (ключевые 2 из 5)</i>						
Выпуск биодеструкторов нефтепродуктов, млрд р.	0,3	-	1,5	-	-	5
Площади плантаций быстрорастущего леса, тыс. га	-	-	20	-	-	100

Анализ целевых показателей развития биотехнологий, определенных российским правительством, позволяет отметить несбалансированность ожидаемых значений, содержащихся в Комплексной программе [1] и в Плане мероприятий («дорожной карте») [2]. «Дорожная карта» как более конкретный инструмент стратегического планирования содержит значительно более

консервативные оценки (например, по показателям ожидаемого к 2015 г. объема потребления биотехнологической продукции, а также снижения доли импорта), чем Комплексная программа, оптимизм которой непонятен. Методика расчета ряда отраслевых (секторальных) показателей, используемых в качестве индикаторов выполнения программы, нормативно не определена, что создает возможности для формального достижения заданных показателей при отсутствии содержательных экономических сдвигов. О содержании данной проблемы применительно к таким индикаторам, как оригинальные лекарственные средства, отечественные лекарственные препараты, препараты, включенные в перечень ЖНВЛП, мы писали ранее [4].

В Программе [1] определены этапы ее выполнения, инструменты поддержки развития биотехнологий («горизонтальные» меры) и приоритеты развития биотехнологической отрасли в России («вертикальные» меры), а в «дорожной карте» [2] — перечень контрольных событий, ожидаемые результаты (виды документов), сроки реализации и ответственные исполнители. Выполнение Программы разбито на два этапа.

На первом этапе (в 2011–2015 гг.) предполагается стимулировать внутренний спрос и экспорт биотехнологической продукции, в первую очередь в биомедицине и АПК, а также существенно увеличить производство электроэнергии и тепла из биомассы, создать производственно-технологическую базу для формирования новых подотраслей промышленного производства, базирующихся на биологическом синтезе. Финансировать реализацию данного этапа предполагается в основном за счет бюджетных источников, а также инвестиционных программ государственных и околосударственных компаний и институтов.

Цель второго этапа (2016–2020 гг.) — формирование институциональных условий для проведения глубокой модернизации технологической базы соответствующих отраслей промышленности за счет массового внедрения методов и продуктов биотехнологий, интеграции научно-технологического сектора России в международную систему производства знаний с выходом на опережающее создание знаний и технологий, способных наряду с нано- и ИТ-технологиями обеспечить модернизацию промышленного сектора. Основным источником финансирования реализации программы на данном этапе, помимо средств государственных институтов развития, должны стать инвестиции российских и международных частных компаний, а также средства, привлеченные на фондовом рынке.

К сожалению, содержащаяся в прил. № 4 к Комплексной программе [1] структура финансирования не позволяет определить источники внебюджетных средств, объем которых, по расчетам разработчиков, должен превысить половину от общей стоимости программы. На фоне усиливающегося оттока капитала из России и снижающихся международных инвестиционных рейтингов страны, а также с учетом преобладания среди участников российских ТП государственных корпораций и компаний с госучастием с высокой степенью вероятности можно предположить, что внебюджетная компонента программы будет профинансирована за счет инвестиционных программ организаций государственного сектора экономики.

Общий объем финансирования Программы ВП-П8–2322 за период 2011–2020 гг. предусмотрен в размере 1178 млрд рублей. При этом среди направлений вложения лидируют «Биоэнергетика» (367 млрд рублей), «Биофармацевтика и биомедицина» (суммарно 256 млрд рублей), «Промышленная биотехнология» (210 млрд рублей), «Сельскохозяйственная и пищевая биотехнология» (200 млрд рублей). Остальные средства распределяются между природоохранной (экологической), морской и лесной биотехнологиями. Приоритеты развития биотехнологической отрасли («вертикальные» меры) определены с учетом научных заделов, текущего состояния и потенциала развития рынков, а также ожидаемых социально-экономических эффектов.

К «горизонтальным» инструментам поддержки развития биотехнологий относятся стимулирование спроса на продукцию отрасли, содействие повышению конкурентоспособности биотехнологических предприятий, развитие образования, науки и экспериментальной про-

изводственной базы, создание информационно-аналитической инфраструктуры, а также организация международного сотрудничества и взаимодействия бизнеса, науки и образования в сфере биотехнологий. В частности, стимулировать спрос на биотехнологическую продукцию предполагается путем ужесточения технологических нормативов на выбросы и сбросы веществ и микроорганизмов; стимулирования вторичной переработки продукции и отходов производства; государственных закупок биотехнологической продукции в рамках федеральной контрактной системы и государственного оборонного заказа; распространения мер государственной поддержки сельхозпроизводителей на биотехнологическую продукцию; включения в бизнес-стратегии и программы развития госкомпаний плановых показателей повышения эффективности за счет использования биотехнологий. В целях повышения конкурентоспособности биотехнологических предприятий предлагаются выделение грантов и беспроцентных займов на НИОКР, импорт зарубежных технологий и оборудования, развитие инновационной инфраструктуры, гармонизация нормативно-правовой базы в сфере производства и обращения биотехнологических продуктов и др.

Таким образом, проведенный в настоящей статье анализ государственной стратегии развития биотехнологической отрасли России свидетельствует о реализации еще одной попытки технологической модернизации страны с опорой на государственный сектор и рост бюджетных расходов без создания действенного механизма стимулирования реального спроса частного сектора на модернизацию и инновации.

Список литературы

1. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года (ВП-П8–2322). Утв. Правительством РФ 26.04.2012 г. № 1853 п-П8 // Информационно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие биотехнологий и генной инженерии» от 18.07.2013 г. № 1247-р // Собрание законодательства РФ от 29.07.2013 г. № 30. — Ч. 2. — Ст. 4155.
3. Программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года (БИО-2020): проект // http://www.sppiunion.ru/files/docs/BioTeh2030/1proekt_programmi__17.08.11.pdf.
4. *Балашов, А. И.* Формирование механизма устойчивого развития фармацевтической отрасли: теория и методология / А. И. Балашов. — СПб.: СПбГУЭФ, 2012.
5. *Бодрунов, С. Д.* Модернизация российской экономики на современном этапе / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. — 2012. — № 3 (33). — С. 6–9.
6. *Дубнова, О. С.* Тенденции и перспективы развития мирового рынка биотоплива: автореф. ... канд. экон. наук / О. С. Дубнова. — М.: МГИМО (У), 2010.
7. *Кондратьев, Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избранные труды / Н. Д. Кондратьев. — М.: Экономика, 2002.
8. *Львов, Д. С.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП / Д. С. Львов, С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. — 1986. — № 5. — С. 793–804.
9. *Рыбинец, А. Г.* Мировой рынок биотехнологии: тенденции и проблемы становления, развития и регулирования на современном этапе. Перспективы участия России: автореф. ... канд. экон. наук / А. Г. Рыбинец. — М.: Дипакадемия МИД РФ, 2004.
10. *Тебекин, А. В.* Технологический уклад как основа социально-экономического развития общества: инновационные аспекты исследования / А. В. Тебекин, Г. Н. Серяков // Транспортное дело в России. — 2013. — № 6. — С. 22–25.

11. Тенденции развития промышленного применения биотехнологий в Российской Федерации: отчет по контракту. — М.: Институт биохимии им. А. Н. Баха РАН, 2011. <http://sedi2.esteri.it/Sitiweb/AmbMosca/Pubblicazioni/Faldoni/biotecnologierus.pdf>.
12. *Borders, B.* The Global Biotechnology Report 2003: Overview / B. Borders. — Ernst & Young LLP, 2003.
13. *Perez, C.* Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages / C. Perez. — London, 2002.

М. А. Каменских¹

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ В РАМКАХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В условиях глобального спада экономики многие страны стремятся преодолеть кризис путем повышения конкурентоспособности. В связи с этим особенно актуальными становятся индекс глобальной конкурентоспособности и место каждой страны в данном рейтинге. Существует несколько методик оценки конкурентоспособности стран на макроэкономическом уровне, две наиболее известные — рейтинг конкурентоспособности Международного института развития менеджмента (IMD, г. Лозанна, Швейцария) и индекс глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (WEF).

Индекс глобальной конкурентоспособности необходим для измерения микро- и макроэкономических активов национальной конкурентоспособности, которая определяется как совокупность институтов, политик, стратегий и факторов, определяющих уровень производительности в стране [1]. Последний влияет на уровень доходности за счет инвестирования в человеческий, физический и технологический капитал. Уровень доходности — крайне важный показатель темпов роста экономики. Более конкурентна та экономика, в которой ожидается более быстрый рост в средне- и долгосрочной перспективе. Итак, конкурентоспособность определяется как статическими, так и динамическими показателями.

В современных условиях для любой страны очень важно повышать продуктивность через развитие принципов экономической политики на микро- и макроэкономическом уровнях. Проблема выявления факторов, влияющих на продуктивность и конкурентоспособность, обсуждалась экономистами на протяжении десятилетий. В 2004 г. профессором Колумбийского университета Ксавье Сала-и-Мартинном был впервые сформулирован индекс глобальной конкурентоспособности [1]. Образование, технологический уровень, макроэкономическая стабильность и эффективность рынка являются основными показателями конкурентоспособности и развития. При этом каждый из них может быть определяющим для экономики конкретной страны, также могут быть одинаково важными и приоритетными несколько показателей. Данная тенденция отражена в индексе глобальной конкурентоспособности (рис. 1).

Показатели, включенные в расчет индекса глобальной конкурентоспособности, взаимосвязаны и дополняют друг друга. Например, развитие инноваций невозможно без развитой инфраструктуры и институтов, гарантирующих защиту интеллектуальной собственности. Также сложно представить развитие инноваций в стране с низким уровнем образования и профессиональной подготовки. Методика расчета индекса предполагает рассмотрение данных показателей в комплексе. Однако, по нашему мнению, для более четкого анализа ситуации необходимо рассмотреть каждый показатель в отдельности с последующей выработкой рекомендаций для России.

Что касается конкурентоспособности России в мире, российская экономика имеет несколько важных преимуществ при наличии критических недостатков. О. В. Федонина

¹ Мария Анатольевна Каменских, ассистент кафедры экономики и организации промышленного производства Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: permamak13@gmail.com

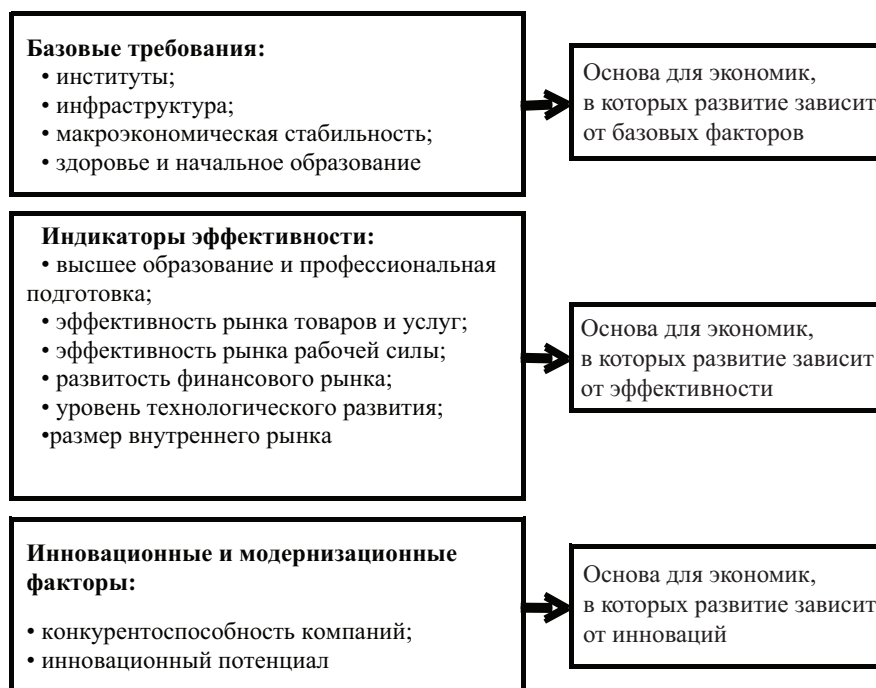

Рис. 1. Показатели индекса глобальной конкурентоспособности (составлено автором по материалам [1])

считает, что развитию российской экономики способствуют: «... уникальная территория и богатый природно-ресурсный потенциал, сохраненный научно-технический и кадровый потенциал, благоприятные условия для развития инновационных технологий, государственная поддержка приоритетных направлений развития» [5, с. 10]. Ряд авторов выделяют схожие моменты, делая вывод о возможности социально-экономического развития России и выхода российской экономики в мировые лидеры. По двум показателям глобальной конкурентоспособности Россия входит в десятку лидеров: 1-е место по запасам сырьевых ресурсов (30 трлн долларов)² и 7-е по средней продолжительности школьного образования (10,5 лет)³.

Многие исследователи признают, что позиции страны в рейтингах конкурентоспособности крайне низки. Среди причин следует отметить низкий уровень качества государственных институтов, недостаточный объем прямых инвестиций в производство и инфраструктуру, невысокий уровень развития инновационной, научной, информационной и финансовой инфраструктуры, сырьевую направленность экономики. К негативным факторам относятся также низкий технико-технологический уровень производства, высокая степень износа (морального и физического) оборудования промышленных предприятий, разрыв в технологических укладах, неразвитость институциональной системы инвестирования и несбалансированная экспортно-импортная структура. Помимо этого, низкая конкурентоспособность связана с неудовлетворительным качеством государственного управления, монополизированностью и низкой эффективностью российской экономики, слабой защитой предпринимательства и т. д.

² По данным U. S. Geological Survey, Minerals Information. URL: <http://minerals.usgs.gov/minerals>

³ По данным United Nations Development Programme Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en>

В последние годы наблюдается «... увеличение относительного веса энергетического сектора, превращающегося в главную опору российской экономики (что очень выгодно в периоды бума на нефтяном рынке, но крайне опасно при неизбежном падении цен на энергоносители)» [3, с. 28]. В то же время ряд показателей, характеризующих институциональные аспекты ситуации в стране, имеет тенденцию к снижению. Очевидна также низкая эффективность российских компаний. Несмотря на тенденцию роста инноваций в сфере организации труда, лишь некоторые предприятия применяют инновации системно. Производительность труда в российских компаниях является крайне низкой, особенно в сравнении с компаниями США и Японии. Российские предприятия должны сформировать долгосрочные программы развития, чтобы повысить конкурентоспособность на национальном и глобальном рынках. «В стратегиях особое внимание необходимо уделить развитию человеческого капитала — вкладывать в развитие сотрудников, создавать им комфортные условия для работы, проявлять заботу, делать из них союзников и партнеров» [6, с. 282].

Опыт развитых стран показывает, что государственное финансирование науки неэффективно и не приводит к росту инноваций. Поэтому единственным путем повышения конкурентоспособности новой российской продукции является развитие промышленной интеллектуальной собственности — предприятия должны сами финансировать научные исследования.

Доказано, что «уровень международной конкурентоспособности, выраженный в темпах роста экспорта страны, тем выше, чем более развиты в стране науко- и техноёмкие производства» [4, с. 83]. На практике это выражается следующей закономерностью: в постиндустриальных странах самые высокие темпы роста производства и экспорта демонстрируют наукоемкие отрасли (информационные технологии, аэрокосмическая и фармацевтическая отрасли); для среднетехнологичных отраслей (деревообработка, станкостроение и транспортные средства) характерны средние темпы роста производства и экспорта; низкотехнологичные отрасли (черная металлургия, текстильная промышленность) показывают низкие темпы роста. Таким образом, относительно большая доля высокотехнологичных товаров в экспорте обеспечивает странам конкурентные преимущества на мировом рынке.

Главный экономист Мирового экономического форума выделяет, по крайней мере, четыре группы факторов, которые являются определяющими для российского экономического роста в долгосрочной перспективе (на ближайшее десятилетие): структурные наработки экономики, особенности внешней среды, содержание макроэкономической и структурной политики, а также развитие потенциала страны в области технологических инноваций [3, с. 31].

В соответствии с индексом глобальной конкурентоспособности российская экономика занимает промежуточное положение между стадией 2 (экономики, развитие в которых зависит от эффективности) и стадией 3 (экономики, развитие в которых зависит от инноваций). Практически все страны Евросоюза, а также США, Япония, Южная Корея и Сингапур уже перешли в стадию инновационной экономики. К переходным экономикам относятся Аргентина, Мексика, Турция, Венгрия и Эстония.

По результатам отчета 2013–2014 гг. [1] Российская Федерация находится на 64-м месте среди 148 стран (Россия улучшила свое положение на три позиции по сравнению с прошлым годом). Показатель макроэкономической стабильности продолжает возрастать: 19-е место по сравнению с 44-м местом в 2011 г. Данная положительная тенденция реализуется за счет снижения государственного долга и сбалансированного федерального бюджета. К положительным моментам можно также отнести качество образования и образовательной инфраструктуры, большие объемы внутреннего рынка (8-е место в мире). Все перечисленные факторы способствуют повышению конкурентоспособности России в мире.

С другой стороны, Россия продолжает получать крайне низкие оценки по качеству государственных институтов (118-е место) и уровню развития инноваций (78-е место). Отмечена также неразвитость товарных рынков (126-е место), финансовых (121-е место), рынка трудовых ресурсов (72-е место). Слабая конкуренция (135-е место) вызвана, в том числе, неэффективным антимонопольным законодательством и политикой (116-е место), жесткими ограничениями на торговлю и иностранную собственность, неустойчивой финансовой системой (132-е место). Данные факторы негативно влияют на уровень производительности в российской экономике. Кроме того, низкое качество деловой среды (107-е место) и уровень технологического развития (127-е место) становятся все более значимыми в перспективе долгосрочного развития.

Анализ структуры индекса глобальной конкурентоспособности российской и переходной экономики (рис. 2) показывает, что для России характерны большой размер внутреннего рынка и макроэкономическая стабильность, при этом видны явные провалы в показателях институтов, инновационного потенциала, конкурентоспособности компаний и развитости финансового рынка. Остальные показатели соответствуют уровню переходной экономики. С позиции устойчивого развития положение России можно назвать нестабильным. Социальное развитие характеризуется немобильностью населения, слабыми социальными гарантиями, возрастающей разницей между доходами самых богатых и самых бедных. Происходит ухудшение экологической ситуации и истощение ресурсов. При этом минерально-сырьевого комплекса на данный момент достаточно для устойчивого положения России на мировом рынке.

По мнению многих исследователей, у российской экономики есть потенциал для развития: с начала 2000-х гг. ВВП на душу населения возрастает (рис. 3). Уровень ВВП по ППС в 2012 г. составил 222 млрд долларов, а ВВП на душу населения — 10399 долларов. Доля ВВП России составляет 3,03 % от мирового уровня.

В соответствии с данным индексом можно выделить основные факторы, негативно влияющие на развитие конкурентоспособности: коррупция, несовершенство налоговой

Рис. 2. Структура индекса глобальной конкурентоспособности

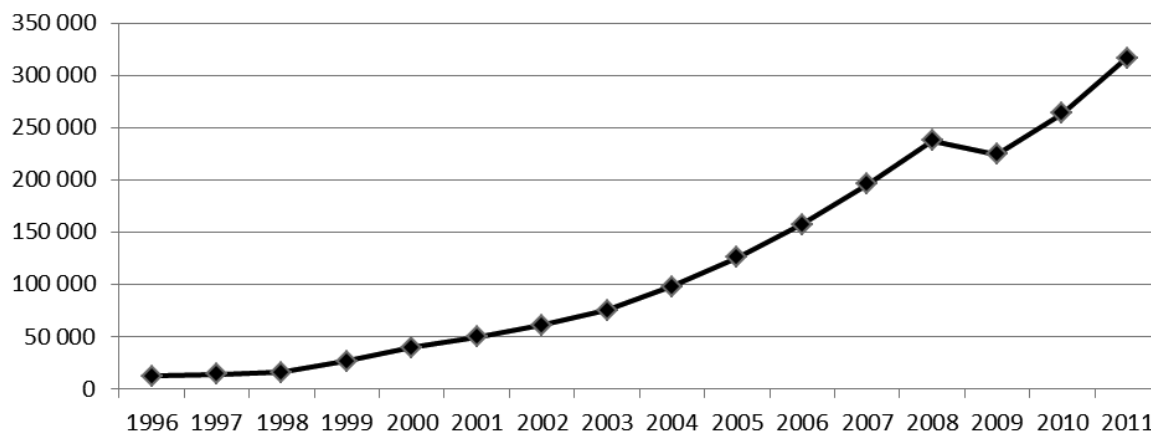

Рис. 3. Динамика ВВП на душу населения⁴

системы, бюрократия, неразвитость финансовой системы и инфляция. В целом, индекс глобальной конкурентоспособности является довольно объективным инструментом определения места экономики страны в мировой экономической системе.

Итак, из результатов анализа следует, что Россия занимает переходное положение между экономикой, основанной на эффективности, и экономикой, основанной на инновациях. Для повышения конкурентоспособности России необходимо улучшить качество институтов, инфраструктуры и финансовых рынков, повысить эффективность рынков товаров и услуг, а также рабочей силы.

Список литературы

1. *Sala-i-Martin, X.* The Global Competitiveness Report 2013—2014 / X. Sala-i-Martin, K. Schwab // World Economic forum. — 569 p.
2. *Бухаров, Е. И.* Перспективы повышения конкурентоспособности России за счет кластерной политики / Е. И. Бухаров, Е. П. Макарова // Вестник Южно-уральского профессионального института. — 2013. — № 11. — С. 80–88.
3. *Лопез-Кларос, А.* Россия: конкурентоспособность, экономический рост и следующий этап развития / А. Лопез-Кларос // Экономическая политика. — 2006. — № 1. — С. 21–37.
4. *Приказчикова, Ю. В.* Определение конкурентоспособности России в условиях глобализации / Ю. В. Приказчикова // Проблемы современной экономики. — Новосибирск. — 2010. — № 2–1. — С. 81–86.
5. *Федонина, О. В.* Проблемы конкурентоспособности России на современном этапе развития / О. В. Федонина, Д. А. Колосков // Контентус. — 2013. — № 5 (10). — С. 7–18.
6. *Яковлев, Г. И.* Инновации — неотъемлемое условие обеспечения международной конкурентоспособности России / Г. И. Яковлев // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвуз. сб. науч. тр. — 2011. — № 1. — С. 280–285.

⁴ Составлено автором на основании данных Единой межведомственной информационно-статистической системы. <http://www.fedstat.ru>

С. Н. Костромина¹, С. Д. Гуриева², И. А. Самуйлова³, А. Г. Конфисахор⁴

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА РОССИИ

В современных условиях обязательным элементом развития региона или страны является стратегически-ориентированная программа, направленная на улучшение качества жизни населения. При оценке эффективности таких программ, как правило, оперируют количественными показателями, которые носят констатирующий, а не объясняющий характер. Не менее важным критерием является степень удовлетворенности людей достигнутыми результатами.

Необходимость учета психологических критериев, одним из которых является показатель удовлетворенности населения происходящими в регионе социально-экономическими преобразованиями, обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, оторванность стратегии от потребностей местных жителей, насущных проблем региона часто становится основной причиной того, что ключевые показатели, заложенные в программы, не достигаются. Когда ожидания населения не оправдываются, нововведения не получают поддержки, темпы развития региона снижаются. Во-вторых, как правило, программа экономического развития включает задачу увеличения человеческого капитала, который является основополагающим фактором экономического роста страны. Именно человеческий капитал способен обеспечить конкурентоспособность государства в долгосрочной перспективе. Вместе с тем подход к человеку исключительно с экономической точки зрения существенно ограничивает понимание качества человеческих ресурсов. В-третьих, при анализе результатов (промежуточных или итоговых) реализации стратегии ее разработчики часто сталкиваются с проблемой достижения ключевых показателей развития региона в заявленные сроки и противоречивостью при сравнении количественных и качественных данных. Причиной могут быть социально-психологические процессы, имеющие место в регионе и не учтенные при разработке стратегии социально-экономического развития.

Анализ публикаций последних лет показывает активное понимание исследователями того, что сегодня искусство развития городов должно включать в себя искусство понимания человеческих устремлений и потребностей, стимулирования человеческого потенциала, креативности, общественной поддержки, здорового образа жизни, использования мотивации и воли жителей [1].

Тем не менее человеческий потенциал продолжает оцениваться на основе статистических данных. Например, в исследованиях ООН индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index — HDI) определяется с опорой на ожидаемую продолжительность жизни, уровень грамотности взрослого населения и обучающихся, а также величину ВВП на душу населения [2]. В России сравнительные исследования человеческого потенциала обычно основываются на анализе общего, высшего и профессионального образования, его качества (уровня

¹ Светлана Николаевна Костромина, профессор кафедры психологии и педагогики личностного и профессионального развития СПбГУ, д-р психол. наук, доцент, e-mail: lanank68@gmail.com

² Светлана Дзахотовна Гуриева, профессор кафедры социальной психологии СПбГУ, д-р психол. наук, доцент, e-mail: gurievassv@gmail.com

³ Ирина Алексеевна Самуйлова, доцент кафедры политической психологии СПбГУ, канд. психол. наук, e-mail: samiral@mail.ru

⁴ Александр Григорьевич Конфисахор, доцент кафедры политической психологии СПбГУ, канд. психол. наук, доцент, e-mail: konfisakhor@yandex.ru

знаний и сформированных компетенций) и доступности услуг (стоимости обучения, числа в регионе персональных компьютеров, телефонов, учебных заведений и пр.). Реже используются такие показатели, как средняя заработная плата, продолжительность жизни, уровень заболеваний и причина смертности [3].

Практика показывает, что эти индикаторы лишь косвенно отражают психологические процессы в регионе, поскольку слабо репрезентируют значимые для жизни населения проблемы. Как следствие мы сталкиваемся с рядом социально-психологических парадоксов, свидетельствующих о глубокой пропасти между активностью «преобразователей» и пониманием их деятельности людьми.

Психологические факторы прогнозирования социально-экономических изменений в регионе. На наш взгляд, для разработки и эффективной реализации жизнеспособной стратегии социально-экономического развития любого российского региона необходимо учитывать факторы, позволяющие прогнозировать изменения с учетом уникальности живущего в регионе населения: 1) политическую стабильность; 2) социально-психологическую стабильность; 3) готовность людей к принятию экономических и социальных преобразований.

Политическая стабильность может улучшать (или ухудшать) имидж региона и таким образом влиять на экономическую стабильность (привлекательность) конкретной территории, проявляясь в следующих психологических феноменах:

- доверие людей как к органам государственной и муниципальной власти в целом, так и к конкретным ее представителям;
- удовлетворенность деятельностью органов власти, вера в их эффективность и дееспособность;
- соответствие ключевых положений программы потребностям, установкам и ожиданиям людей;
- информированность населения о программе стратегического развития региона и деятельности органов власти по ее реализации.

Социально-психологическая стабильность региона раскрывает степень удовлетворенности людей внутренней политикой, проводимой администрацией. Она основывается на прямых индикаторах психологического благополучия жителей: удовлетворенности их базовых потребностей в безопасности, социальном принятии (потребности в сотрудничестве, дружбе, общении, признании, уважении), в развитии и саморазвитии, самореализации, готовности к изменениям, мотивированности и заинтересованности в развитии предлагаемых властью отраслей, инициативности и активности, напряженности, потребности остаться в регионе и т. д.

Психологическая готовность людей к преобразованиям определяется набором таких характеристик, как радикализм, альтруизм, коллективизм; приоритетом общественных интересов над частными; мобильностью, желанием и возможностью получать новые знания, умения и навыки. И наоборот, отсутствие готовности к принятию изменений выражается в равнодушии, апатии, конформизме, ригидности и статичности.

Нетрудно заметить, что все факторы, так или иначе связанные с ролью человека в реализации социально-экономических преобразований, имеют психологическое основание (доверие, удовлетворенность, мотивированность, заинтересованность, инициативность, активность, безопасность и др.) и не могут быть отражены в концептуальных схемах через количественные показатели (число компьютеров, вакантных рабочих мест, результаты обучения, наличие современного оборудования и т. д.). Именно психологические реакции людей на нововведения и изменения во многом определяют успешность реализации миссии региона, его краткосрочных и долгосрочных приоритетов. Только люди способны укрепить экономику и промышленность, сохранить культуру, развивать науку.

Методы и сферы психологического анализа. Чаще всего для понимания социально-психологических процессов используются опросы общественного мнения. Однако их результаты поверхностно отражают реальные мысли и чувства населения региона. Для выявления специфики представлений и установок людей о социально-экономических изменениях, оценки прямых индикаторов психологического благополучия необходимо использовать методы, адекватные поставленным задачам. Например, такие, как полустандартизованное интервью в фокус-группах, позволяющее не только зафиксировать степень удовлетворенности или мнение, но и подробно рассмотреть отдельные проблемы, уточнить причины, определить «болевы́е точки» и «зоны роста» с учетом мотивации, потребностей, отношения людей. Получаемая «субъективная информация» представляет собой одну из форм обратной связи [4]. Она дает возможность организаторам увидеть результаты своей деятельности глазами участников, помогает принять адекватные решения.

Другим важным моментом выступают сферы психологического анализа. Их определение связано: 1) с ключевыми для развития региона проблемами или перспективами, 2) с повседневной жизнью людей, с тем, что для них максимально значимо. Первая часть — переменная и может различаться в зависимости от специфики региона. Например, для северных регионов — это топливно-энергетический комплекс и цветная металлургия, а для юга — сельское хозяйство или туризм. Вторая составляющая — более стабильная, так как связана со значимыми для населения областями жизнедеятельности в удовлетворении базовых потребностей (еда, жилье, обучение, развитие, здоровье, защита от внешних и внутренних угроз) и показателями психологического благополучия. Она определяет уровень удовлетворенности населения тем, как о нем заботится государство, поскольку включает спектр услуг, создающих среду, в которой человек живет и развивается: услуги образования и здравоохранения, социального обеспечения и защиты, досуговой и физической активности.

В целом, сферы для психологического анализа полностью или частично совпадают с теми, которые обычно включаются в стратегию социально-экономического развития региона. Это обусловлено тем, что концептуально разрабатываемая стратегия обычно ставит своей целью модернизацию ключевых для региона секторов экономики и социокультурной сферы на основе инноваций. А далее определяется возможность их модернизации и обновления, придания импульса развитию, осуществляется поиск ресурсов. Различия состоят в том, что результат реализации стратегии традиционно закладывается в виде оценки объективных внешних показателей: миграционных потоков, увеличения объемов производства, демографической ситуации, количества закупленного оборудования, внедренных инновационных методов и технологий лечения, обучения, социальной поддержки населения, стандартов оказания услуг, их содержания и качества и т. д. Однако любая модернизация оказывается позитивной, только если происходящие изменения касаются конкретного человека, входят в его жизнь, меняют ее в лучшую сторону. Поэтому в задачи социально-психологического анализа входит выявление тенденций на основе сопоставления:

- достижения основных показателей стратегии социально-экономического развития и отражения их результативности в сознании населения региона;
- выполнения миссии, среднесрочных и долгосрочных приоритетов развития регионов, зафиксированных в стратегии, и проблем, реально беспокоящих население;
- социально-психологических установок и отношения населения к органам государственной и муниципальной власти, институтам социально-экономического развития, системе управления регионом как к механизму реализации стратегии.

Выявленные тенденции позволяют учесть проблемы, которые требуют немедленного решения в интересах проживающего населения и в краткосрочной перспективе позволят улучшить его быт и благополучие. В среднесрочной перспективе появляется возможность выстроить действия в соответствии с мотивацией и установками людей, тем самым получить поддержку

нововведений и, следовательно, увеличить «вклад» людей в преобразования. Ориентация на реальные потребности населения, забота о нем делает регион привлекательным для проживания, превращает его в «полюс безопасности и благополучия».

Полезность социально-психологического анализа была подтверждена при оценке⁵ эффективности реализации Стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2020 г., действующей с 2010 г. [5]⁶.

Сферами социально-психологического анализа выступали типичные области инвестирования в человеческий капитал:

- поиск работы/миграция как сфера, отражающая общий индекс социально-психологического благополучия региона;
- социальная сфера (образование, культура, спорт) как сфера удовлетворения потребностей в развитии и досуговой активности;
- общественное здоровье как сфера психологической безопасности условий проживания.

Дополнительно анализировались индикаторы готовности людей к реализации поставленных задач. Основу анализа составили годовые отчеты, концепции программ и другие областные документы⁷, позволяющие определить динамику модернизации жизненно важных для населения сфер, а также результаты проведения фокус-групп в трех районах Псковской области с использованием полустандартизированного интервью и анкетирования участников.

Объект исследования — граждане старше 17 лет, постоянно проживающие на территории Псковской области, являющиеся резидентами, по возрастным и социальным характеристикам соответствующие структуре населения исследуемой части области.

Характеристика региона исследования. Псковская область всегда играла особую роль в истории России и российской государственности. Регион имеет уникальное географическое положение, связанное с наличием общей границы с ЕС, Белоруссией и Ленинградской областью. Кроме того, регион находится между двумя агломерациями — Москвой и Санкт-Петербургом, притягивающими жителей лучшими условиями проживания и оплаты труда.

Еще одна особенность Псковской области — сосуществование трех различных территориальных зон: депрессивных, приграничных и благополучных. Для депрессивных районов характерны превышение числа умерших над числом родившихся, высокий миграционный отток населения, отрицательное сальдо рабочей силы, преобладание пожилого (стареющего) населения, неразвитость инфраструктуры, запущенность дорожно-транспортного сообщения, высокий уровень безработицы, алкоголизация населения и многое другое. В приграничных муниципальных образованиях высокие показатели по рождаемости, количеству разводов, миграционному оттоку населения (преобладание маятниковой, сезонной миграции); высокая социальная дифференциация общества, неравномерность распределения заработной платы среди работающего населения [6] и др. Благополучные муниципальные районы отличаются высоким приростом населения [7], большое количество экономических и культурных центров, высокий

⁵ Исследование было выполнено в рамках НИР СПбГУ «Разработка теоретико-методологических оснований исследования и научно-методического обеспечения реализации стратегий социально-экономического развития субъектов РФ (на примере социально-экономического развития Псковской области до 2020 года)» сотрудниками факультета психологии. Сроки проведения: ноябрь 2013 г. — февраль 2014 г.

⁶ В декабре 2012 г. распоряжением Администрации Псковской области № 282-р в стратегию были внесены изменения в соответствии с целевыми показателями социально-экономического развития РФ и субъектов Федерации, содержащимися в майских (2012 г.) Указах Президента РФ. Были добавлены целевые показатели, направления или дана новая редакция направлений по решению задач стратегии в области социальной политики.

⁷ Документы, использованные для количественного и качественного анализа, были предоставлены сотрудниками Администрации Псковской области, а также заимствованы на сайтах Росстата и Псковстата.

уровень доходов населения, большое количество людей с высшим образованием, относительно низкий уровень безработицы.

Специфика местоположения и социально-экономическая сегментированность Псковской области являются серьезным основанием для изучения социально-психологических процессов, происходящих на фоне социально-экономических преобразований в регионе. Подчеркнем, что «глубинные проблемы социально-экономического развития» области типичны для многих российских регионов [5]:

- депопуляция, обусловленная высокими показателями естественной и миграционной убыли населения, высокой долей населения в возрасте старше трудоспособного;
- низкий уровень жизни населения;
- низкий уровень развития экономики;
- низкий бюджетный потенциал;
- концентрация экономической и социальной активности преимущественно вокруг ключевого опорного центра системы расселения — крупного регионального поселения (для Псковской области — Псков и Великие Луки) при наличии развитой системы малых городов и поселков.

Заметим, что в результате реализации стратегии социально-экономического развития в Псковской области за три года были достигнуты достаточно высокие темпы роста ВРП — 105,6% в 2010 г. и 106,5% в 2011 г., превышающие показатели по РФ и СЗФО в среднем на 0,4...1%; рост инвестиций — в среднем на 30% (что в 2,5...3,0 раза превышает рост объема инвестиций в РФ и СЗФО) [8]. По данным проведенного Аналитическим центром «Эксперт С-3» анализа инвестиционной активности регионов СЗФО в 2013 г., Псковская область (наряду с Калининградской) заняла 3-е место, сумев привлечь инвестиции в сумме 9 млрд рублей [9].

В социальном секторе можно отметить укрепление материально-технической базы учреждений образования и здравоохранения (увеличение средств на капитальный ремонт и приобретение оборудования). На 420% выросло число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в 2012 г. [10].

Результаты исследования. В связи с условным разделением Псковской области на три территориальные зоны (депрессивные, приграничные и благополучные) в каждой из них проведено по одной фокус-группе: в Плюссе — депрессивный район, Гдове — пограничный район, Пскове — благополучный район.

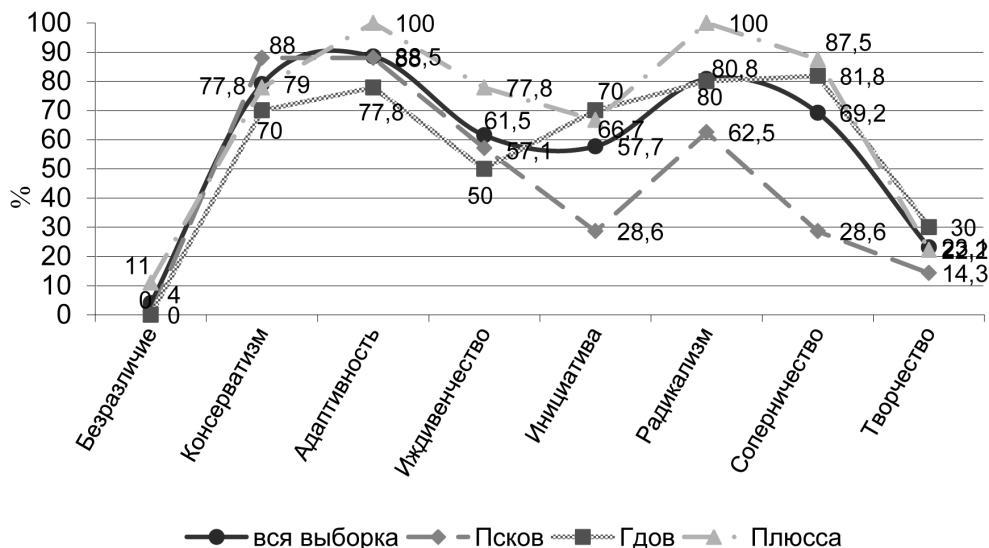
Результаты анализа ответов участников всех трех фокус-групп показывают, что происходящие изменения замечаются населением, а государство и государственная власть не воспринимаются людьми как неэффективные и несправедливые. Люди лояльно относятся к администрации области и ее возможностям в эффективном управлении. Но вот *парадокс* — только 44% считают управление эффективным. При этом, чем ниже ступень управления, тем ниже оценка его эффективности, хотя в депрессивном Плюсском районе эта разница незначительна. Мониторинг⁸ социально-экономической ситуации в Псковской области, проведенный ГУ «Институт регионального развития» [11], показал, что население продолжает выделять в качестве проблемных зон благоустройство городов и поселков (первое место), здравоохранение (второе), проблемы занятости (третье) и т. д.

Общий профиль личности участника фокус-группы в Псковском регионе, реагирующего на изменения социально-экономических условий жизни, характеризуется (рис. 1): 1) резким повышением (от 70 до 100%) показателей адаптивности (88,5%), радикализма (80%), консерватизма (79%) и соперничества (69,2%); при этом у жителей депрессивного района данные показатели значимо выше, чем у жителей других районов; 2) резким снижением (менее 30%)

⁸Опрос проводился методом очного формализованного интервью по месту жительства респондента. Выборка — 2600 респондентов, ошибка измерения — ($\pm 2\%$). Мониторинг проводился в три этапа: в марте, июне и августе 2013 г.

показателей «безразличие» (4 %) и «творчество» (23,1 %); 3) средними значениями (от 30 до 70 %) параметров «иждивенчество» (61,5 %) и «инициатива» (57,7 %)⁹. Это может объясняться тем, что респонденты адаптировались к происходящим изменениям и стремятся в них участвовать. Высокие значения показателя «консерватизм» выражаются в защите от политического напряжения путем поиска моральных опор типа «верность гражданскому, профессиональному долгу, высоким нравственным ценностям».

Рис. 1. Параметры социально-психологической стабильности участников фокус-групп

Низкие показатели «безразличия» и «творчества» говорят о том, что респонденты не согласны с отсутствием перспектив в Псковской области, но не имеют собственного представления о том, как должен раскрываться потенциал региона. Наряду с поддержкой происходящих изменений проявляется тенденция пассивного ожидания решения существующих проблем.

По мнению участников фокус-групп, в руководстве Псковской области работают профессионалы, обладающие необходимыми для успешной работы качествами. В то же время при общении практически не называются фамилии руководителей области. Поскольку отношение к действующему губернатору оценивается, скорее, как положительное, оно же неперсонифицированно переносится на его команду. В этой коллективной и одновременно индивидуальной ответственности кроется парадоксальная специфика российской ментальности: «у плохого руководителя не может быть хорошей команды, и наоборот».

Основные угрозы, связанные с ксенофобными установками жителей Псковской области, принципиально отличаются от угроз, с которыми сталкиваются российские мегаполисы. Они не имеют выраженной конфликтности и определяются имущественным статусом, бедностью и низким образовательным уровнем населения [12]¹⁰. В ходе полуструктурированного интервью

⁹ Методика измерения параметров социально-психологической стабильности населения была разработана И. А. Самуйловой (2013) на основании схемы психолого-политической стабильности общества, предложенной А. И. Юрьевым (см.: Юрьев, А. И. Введение в политическую психологию. — СПб., 1992; Юрьев, А. И. Системное описание политической психологии. — СПб., 1996).

¹⁰ Опрос проводился методом очного формализованного интервью по месту жительства респондента. Выборка — 2600 респондентов, ошибка измерения — ($\pm 2\%$). Мониторинг проводился в три этапа: в марте, июне и августе 2013 г.

в фокус-группах было выявлено, что удовлетворенность в этой сфере имеет один из самых низких показателей, особенно в депрессивном районе. Отношения коренных жителей к эмигрантам из стран Азии (факторы *выталкивания*: «дискриминация», «неравенство», «национальный вопрос»; *притяжения*: «хочу быть среди своих») получили самые низкие баллы — 2,33 (Плюсса). Население не удовлетворено проводимой национальной политикой в отношении эмигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Вьетнама и т. д. Таким образом, с одной стороны, декларируются толерантные установки к эмигрантам (никто не хочет признаться в ксенофобии), с другой — имеет место страх, что положение усугубится. Люди понимают, что на рынке труда не хватает квалифицированных специалистов, но хотят своих — не переселенцев, не приезжих.

Высокий уровень фоновой ксенофобии может препятствовать развитию региона (как экономическому, так и политическому). По имеющимся данным, потребность в рабочих в 2012 г. составила 4,4 тыс. человек против 2,6 тыс. человек в 2010 г. Таким образом, рост вакансий увеличился почти на две тысячи только на уровне рабочих специальностей. Общее количество вакансий в ноябре 2013 г. составило 6265 единиц и стабильно выше 6000 на конец года в течение последних трех лет. Но вот парадокс — страх населения, связанный с ухудшением материального статуса из-за приезжих, небеспочвенен. Среди безработных доля лиц с начальным профессиональным образованием составляет 26,8 %, с высшим профессиональным образованием — 16,1 % (рис. 2). Таким образом, практически 1/5 трудоспособного населения, имеющего профессиональное образование, не трудоустроена. Очевидно, что эта цифра не окончательная, поскольку часть населения работает не по специальности. При этом более 50 % пенсионеров работают, и эта тенденция, по мнению администрации Псковской области, будет сохраняться в ближайшие годы.

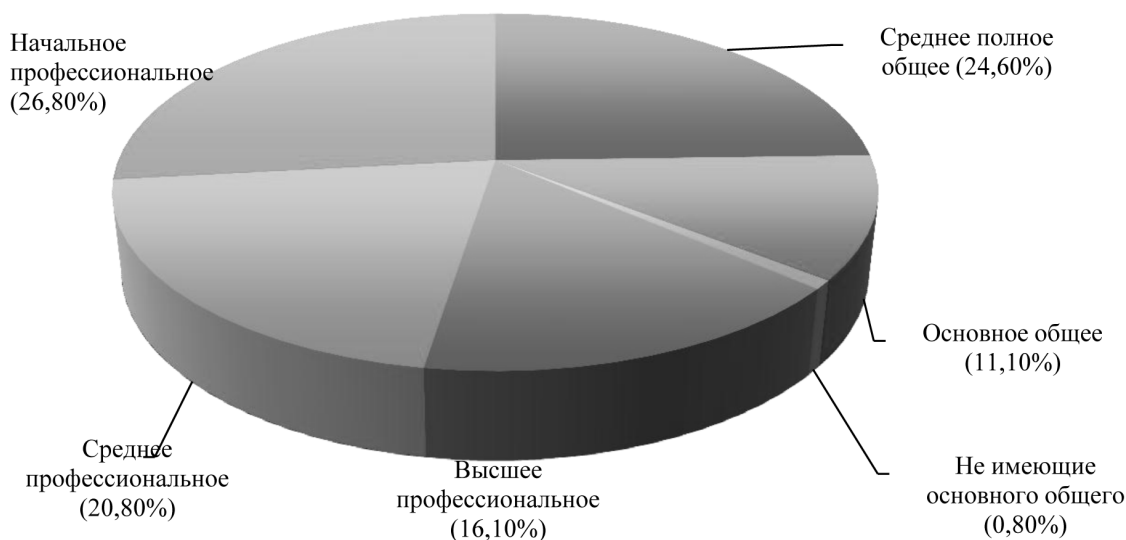

Рис. 2. Распределение безработных граждан в Псковской области по уровню образования на 01.10.2013 [13]

Комплекс *противоречий*, где переплелись высокий уровень безработицы и постоянный рост вакансий на рынке труда, недостаток специалистов с высшим образованием (особенно врачей и инженеров) и квалифицированных рабочих при значительном количестве образованных тру-

деспособных людей, работающих не по специальности или находящихся в статусе безработных, имеет свою проекцию в сферу миграции и профессионального образования.

Миграция. Как уже говорилось, миграция — одна из ключевых проблем Псковского региона, что обусловлено рядом объективных причин, среди которых транспортная доступность двух мегаполисов с более привлекательными предложениями на рынке труда по заработной плате и условиями проживания. Но среди основных причин, по которым люди бросают насиженные места, дома, участники фокус-групп называют: невостребованность рабочих рук, так как разрушена инфраструктура области, разорены фермерские хозяйства, промышленные комплексы; людям нечем заняться, некуда пойти — нет ни работы, ни досуга; плохое транспортное сообщение между населенными пунктами; зарплата ниже прожиточного минимума и нет надежды на то, что станет лучше. Участники всех фокус-групп чаще упоминали факторы выталкивания, отмечая, что люди бегут из многих районов из-за отсутствия элементарных условий для жизни и проведения досуга (нет магазинов, кинотеатров, школ, детских садов, спортивных комплексов и многое другое). В результате — вымирают деревни и маленькие города. Во многие деревни приезжают один раз в неделю («может, и раз в месяц») автолавки, которые привозят продукты далеко не высшего качества (неликвиды, просроченные, гнилые, некачественные товары). Как следствие — упадок, застой, депрессивные настроения, миграционные установки среди местного населения.

Парадоксальность сложившейся ситуации в том, что на фоне низких заработных плат и безработицы, необходимого кадрового состава и высокого процента неработающих существуют факторы, которые удерживают людей от переезда в другие районы. «Здесь живут хорошие люди, мы живем вместе, чувствуется психологический комфорт, чудесная природа, все у нас находится в шаговой доступности, все можно обойти пешком, а другие половину своей жизни проводят в транспорте» (Михаил, 54 г.). «Если здесь так плохо, то почему к нам едут жить люди из столичных городов?» (Наталья, 54 г.). Вся сложность и неразрешимость сложившейся ситуации была сформулирована в одной фразе: «Если будет работа, кто уедет из этого края?»

Но и для тех, кто стремится к «лучшей жизни», переезд не так однозначен и сопровождается рядом социально-психологических проблем, к которым многие потенциальные мигранты из Псковской области оказываются психологически не готовыми.

Образование. Положение в сфере образования (особенно профессионального) в Псковской области тоже полно противоречий. Отчеты администрации пестрят цифрами, подтверждающими рост качества образования; показателями информатизации образовательного процесса (внедрение электронных дневников, Интернета и компьютеров); данными о создании базовых школ и внедрении разнообразных образовательных программ... При этом растет напряженность с детскими садами в городах и поселках городского типа (в 2005 г. — 104 ребенка на 100 мест, в 2012 г. — 109 детей на 100 мест). Охват дошкольным образованием детей в возрасте от полутора до семи лет составляет 64%. На данный момент в структуре образования заняты 88% педагогов со стажем до 30 лет, из них только 6% с опытом работы до 3 лет и 22% учителей пенсионного возраста. Средняя заработная плата — медианная по региону и составляет около 15 тыс. рублей в месяц¹¹. Таким образом, налицо проблема старения кадров и их недостаточной воспроизводимости.

Закрываются «неэффективные» школы с малым количеством учеников (в 2005 г. их было 398, в 2012 г. — 274). Лейтмотивом выступает выравнивание качества образования [14], а заодно и сокращение расходов на содержание «неэффективных» школ. Плюсом такой политики является оптимизация финансовых затрат (не надо тратить на ремонт, на содержание зданий;

¹¹ Данные предоставлены Комитетом по образованию Псковской области во время встречи в администрации 13.12.2014.

сокращается потребность в дополнительных педагогических кадрах, в результате происходит экономия зарплаты); минусом — обучение школьников далеко от дома в течение продолжительного периода (рабочая неделя), ликвидация в поселении социального опорного пункта, снижение индивидуализации обучения и т. д. Положительные моменты касаются в основном материальной стороны, а отрицательные затрагивают духовный, нравственный, социальный аспекты. Однако экономия на образовании в ситуации высокой миграции населения может стать дополнительным выталкивающим фактором из-за снижения привлекательности места проживания (отсутствие транспортной и социальной инфраструктуры, информационная изолированность и др.), создает атмосферу вакуума, заброшенности, безразличия. Таким образом, активно развивается тенденция поддержания системы образования в крупных городских поселениях при одновременной деградации инфраструктуры в сельской местности.

Для примера приведем отрывок из газетной статьи [15]: «... Слишком много проблем завязалось здесь тугим узлом. С одной стороны, да, если умрет школа, умрет и село. Но верно и то, что, если умрет село, умрет и школа. Школа умрет, если не будет детей. И если не будет омоложения педагогических кадров. А омоложения не будет, если не строить жилье. Жилье нельзя построить без подъема экономики. Экономика не поднимется, если умрет деревня... Такая вот сложная математика получается».

Люди замечают перемены в сфере образования, но считают, что они носят внешний характер (рост числа компьютеров, изменение статуса на гимназию или лицей). Однако это не решает проблему содержания: как и чему учат? Люди задают вопросы (г. Гдов): «Зачем нам электронный дневник, если у большинства родителей отсутствует Интернет?» Они хотят самых простых преобразований: «Лучше бы спортзал в школе отремонтировали. Он ведь в подвале, а на стенах грибок», «Нам бы самую простую спортплощадку на улице — даже элементарного турника нет»; делают акцент на человеческих отношениях: «Никакая информатизация не заменит отношение людей к своей работе». Проводимые преобразования воспринимаются, скорее, как развал старой системы, ведущий к снижению качества образования: «... дети только сидят целыми днями за компьютерами», «школа занимается натаскиванием на тесты», «нет внимания государства к нуждам образования: кругом заброшенность и бесхозяйственность».

Здравоохранение. Схожая ситуация — в сферах здравоохранения и досуговой активности. В больницах и поликлиниках закуплено новое оборудование, а работать на нем некому — нет специалистов. Введена электронная очередь, чтобы легче было записаться к врачу, а люди с ностальгией вспоминают о талончиках в регистратуре: «Теперь, чтобы к узкому специалисту попасть, надо 4 раза к терапевту записаться: первый раз на прием, потом, пока анализы не сдашь, снова на прием, пока он не решит, к какому специалисту тебя направить». Возможно, с точки зрения эффективного управления здравоохранением это оправданно, а с точки зрения человека, да еще пожилого? При этом люди по-прежнему отмечают, какие душевные у них врачи.

Участники всех фокус-групп главной ценностью, присущей жителям Псковской области, называют человеческие отношения. Отвечая на вопросы: «Кто для вас является авторитетом? К чьему мнению вы прислушиваетесь?», участники называют людей самых разных статусов: учителя, безвозмездно организовавшего в школе клуб (потому что «вечером пойти некуда, молодежи нечем заняться»); бизнесмена, заботящегося о своих сотрудниках («он покупает для работников и их детей путевки в санаторий», «отправляет на лечение пьющих»); пожилую общественницу («к ней всегда можно обратиться за советом, она всегда придет на помощь»). Главное, с чем трудно смириться людям, — равнодушие: «Приехал один бизнесмен, организовал производство, предложил зарплату в три раза больше, чем мы получаем: 15 тысяч. На работу на автобусе возил, а народ от него через неделю-две сбежал». На вопрос «Почему?» получаем неожиданный ответ: «Так ему не мы, ему наши горбы нужны. Пройдет — не поздоровается, ни внимания к тебе, ни уважения. Вот пусть сам на себя и работает». Подобные высказывания

являются важным штрихом к психологическому портрету псковичан. Они отличаются самостоятельностью, независимостью мышления и высказываний, стремлением к самоуважению и самоудовлетворенности, нежеланием следовать навязываемым образцам поведения и стереотипам отношений. В отличие от мигрантов из Азии они не будут молчать при проявлении несправедливости и, как бы *парадоксально* это не выглядело с точки зрения бизнеса, откажутся от более высокой зарплаты в пользу внимания, уважения и психологического комфорта на работе («Я работаю изо всех сил. Всю себя отдаю за 8 тысяч рублей. Действительно, может быть, есть такие, кто не хочет работать, но, в основном, мне кажется, народ как-то ответственно к работе относится и работает с удовольствием даже за малую зарплату»).

Люди болезненно переживают отсутствие заботы. Под ней они понимают не количество компьютеров в школе, оборудования в больнице или рабочих мест, часто даже не уровень зарплаты, а обычные, повседневные радости. «Наша мечта — это боулинг или каток для детей, или хотя бы кафе, где можно отметить день рождения ребенка, а то одни рюмочные». «Раньше у нас был досуговый центр, нам было куда пойти, куда пойти молодежи. Сейчас его нет». «В музей или театр мы хоть в Питер можем съездить, а вот ребятам потренироваться вне школы нигде — ни одной самой элементарной спортплощадки на улице». Удовлетворение и гордость у них вызывают даже достижения школьников, выступающих от района в спортивных соревнованиях (Плюсса: «Значит, спортивная жизнь есть, раз ребята ездят куда-то»), а также мотивация работников культуры, «организующих разные праздники, несмотря на низкую зарплату» («Программы должны быть поддержаны, только чтобы деньги шли на благоустройство для народа, для жителей поселков, деревень, чтобы не так, что деньги вбухали, и про это забыли»).

Данные, полученные во всех фокус-группах, показывают, что *основной парадокс реализации Стратегии социально-экономического развития Псковского региона* не связан с неправильной структурой программы или недостаточной проработанностью каких-либо направлений. Они слишком далеки от того, чем реально живет население. Представленная программа — это задание администрации самой себе, в ней не предусмотрены активная роль и участие населения, в интересах которого она должна быть реализована. Обещания со стороны правящих органов и лиц вынуждают людей ждать, занимать пассивную позицию, а при отсутствии результата — терять веру в позитивные перспективы. Но вот что интересно — в высказываниях большинства участников фокус-групп прослеживается желание участвовать в изменениях. «Нам хочется изменений к лучшему, мы готовы к участию, нужно мечтать об этом, ничего не может стоять не месте и оставаться без изменений», «Нужны реальные и кардинальные перемены, движение — это жизнь, нужно двигаться вперед».

На наш взгляд, игнорирование человеческого потенциала региона, психологии людей выступает одной из причин того, что стратегия социально-экономического развития области реализуется значительно медленнее, чем могла бы, постоянно «спотыкается» о разного рода противоречия и трудности. Регион остро нуждается в квалифицированных кадрах (особенно по рабочим специальностям) при значительном количестве безработных. Невостребованность, отсутствие работы негативно влияют на психологическое состояние, инициируют чувство ненужности, бесполезности, бессмысленности. Люди, пытаясь самостоятельно найти выход из ситуации, продолжают выбирать для своих детей невостребованные на рынке труда профессии. И неважно, что региону нужны другие специалисты. Вкладываются инвестиции в новые предприятия, создаются новые рабочие места, но текучка кадров не снижается, на работу вместо местных жителей принимают мигрантов.

Другие примеры *противоречий*:

- создание современных медицинских центров и необходимость ехать за получением сложных медицинских услуг в Псков;

- снижение смертности среди младенцев и отсутствие профилактических программ по рискованному поведению среди населения, когда смерть от несчастных случаев, отравления алкоголем, суицидов и убийств занимает третье место среди причин смертности после заболеваний системы кровообращения и онкологии;
- широкое предложение на рынке профессионального образования и отсутствие системы подготовки квалифицированных рабочих и специалистов, наиболее востребованных на рынке труда.

Люди хотят чувствовать заботу власти о себе, ее поддержку. Это означает, что решение социально-экономических проблем области, в том числе главной — демографической, миграционной, напрямую связано с ориентированностью проводимых мероприятий на человека. Понимание установок и потребностей населения позволяет сделать программную часть стратегии адресной, реально направленной на улучшение жизни людей в каждом районе.

Рост инвестиций в районе — хороший показатель оздоровления экономики, но при отсутствии социальной ответственности бизнеса прибыль собственника никак не сказывается на уровне жизни живущих рядом людей. Рост доходов в бюджете области — также достойный результат, но он никогда не будет отмечен местным населением, если доходы не будут расходоваться на неотложные нужды граждан: ремонт их домов, помощь с оплатой услуг ЖКХ, социальную поддержку (бесплатное питание в школах, субсидирование групп продленного дня и т. д.). Таким образом, должна быть разработана *дорожная карта* развития каждого района, учитывающая потребности местного населения.

По каждому направлению, отраженному в стратегии, должна быть учтена специфика района, предусмотрены конкретные мероприятия. Для разработки и поддержания дорожной карты можно создать программу «Инициатива снизу», когда районные или региональные власти раз в месяц выезжают в конкретные поселения и, общаясь с местными жителями, фиксируют, в чем они нуждаются, чего им не хватает, как они видят развитие своего поселения. Регулярные встречи помогут настроить население на сотрудничество с властью, сократить социально-психологическую дистанцию, получить эффективную обратную связь. Необходимо на местах организовывать ежегодные (при необходимости — ежеквартальные) отчеты местных властей о ходе реализации стратегии и содержании деятельности представителей региона, дискуссии; анализировать восприятие населением проводимой политики; интенсифицировать сбор предложений местных жителей о наиболее перспективных направлениях развития региона.

Следует сочетать технологии управления финансовыми и информационными потоками [16]. Любая инициатива должна исходить как сверху, так и снизу. Исходящий сверху информационный поток показывает населению стратегическое направление дальнейшего развития. Поток информации снизу — это прежде всего мнение и позиция людей, которые как никто другой знают, понимают и способны реально управлять ситуацией, оказывая на нее колоссальное влияние. Эта информация позволяет понять, каким образом могут быть достигнуты заявленные изменения.

Перспективы. Для придания стратегии социально-экономического развития любого российского региона динамичности в достижении целевых показателей необходимо грамотно, бережно и рационально использовать человеческий потенциал, климатические особенности и природные богатства. Социально ориентированная стратегия позволяет выйти на новый уровень управления, при котором потребности населения и качество жизни отдельного человека будут согласованы с задачами, поставленными органами исполнительной власти. Следует помнить, что глобальные изменения достигаются за счет на первый взгляд мелких, но важных для жизни людей преобразований. Отремонтированный подъезд, построенный каток, благоустроенная территория — это те достижения власти, которые видит и оценивает население, считая, что жизнь меняется в лучшую сторону.

Список литературы

1. Лэндри, Ч. Креативный город/Ч. Лэндри. — М., 2005.
2. Кругман, Дж. Доклад о развитии человека: Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / Дж. Кругман. — М.: Весь Мир, 2009.
3. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала. — СПб.: Logos, 2006.
4. Богомолова, Н. Н. Фокус-группы как качественный метод в прикладных социально-психологических исследованиях / Н. Н. Богомолова, О. Т. Мельникова, Т. В. Фоломеева // Введение в практическую социальную психологию. — 1994.
5. Распоряжение Администрации Псковской области от 16.07.2010 № 193-р (ред. от 24.12.2012). «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2020 года».
6. Сайт Росстата. <http://www.gks.ru>
7. Естественное движение населения Российской Федерации в 2013 году: стат. бюллетень. — М.: Росстат, 2013.
8. Регионы России: стат. сб. — М.: Росстат, 2013.
9. Министерство регионального развития. Раздел «Приоритетные инвестиционные проекты». URL: http://www.minregion.ru/Priorit_invest/Monitorin_invest/ (дата обращения: 01.05.2014)
10. Социальная защита. Основные направления деятельности. Итоги 2012 года / Главное государственное управление социальной защиты населения Псковской области. — Официальный сайт <http://social.pskov.ru>
11. Мониторинг социально-экономической ситуации в Псковской области: аналитический отчет ГУ «Институт регионального развития». — Псков, 2013. URL http://www.regdevelopment.ru/uploaded_files/files/20130725162621q_Yl0Q.pdf (дата обращения: 01.05.2014)
12. Уровень межнациональной и межконфессиональной напряженности в Псковской области и ксенофобные установки населения/Институт регионального развития. — Псков, 2013. URL http://www.regdevelopment.ru/uploaded_files/files/20131202155610cMZ8g.pdf (дата обращения: 01.05.2014)
13. Доклад председателя комитета Псковской области по труду и занятости населения С. К. Аржанникова от 20.12.2013 <http://trud.pskov.ru/content/zasedanie-mezhvedomstvennoi-komissii-obshchestvennogo-soveta-po-privlecheniyu-sootechestve> (дата обращения: 01.05.2014)
14. Ильина, Л. Новый подход к аттестации педагогических кадров: учет достижений школьников и мастерства учителей / Л. Ильина // Народное образование. — 2009. — № 4. — С. 46–64.
15. Калинин, А. Под колесом реформы: очередное сокращение сельских школ — это новый развал села / А. Калинин // Литературная газета. — 2013. — 15—21 мая (№ 20). — С. 12. — Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-20-6415-15-05-2013/pod-kolesom-reformy/> (дата обращения: 01.05.2014).
16. Николаев, А. Е. Возможные поведенческие инновации в повышении эффективности жизнедеятельности населения моногородов / А. Е. Николаев, О. С. Дейнека // Психология в экономике и управлении. — 2010. — № 2(4). — С. 69–74.

И. А. Ситнова¹, Д. У. Ишназаров², З. М. Салихова³

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕХОДА НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Стремительная глобализация, информатизация и интернационализация мирового хозяйства неизбежно требуют быстрой адаптации национального хозяйства к изменениям внешней среды. В этих условиях происходит развитие экономики, основанной на знаниях, — одной из основных составляющих постиндустриального общества.

Россия по этому показателю занимает 55-е место в мире с индексом экономики, основанной на знаниях, равным 5,78, и индексом знаний 6,96, тогда как в Швеции, занимающей 1-е место, эти индексы соответственно равны 9,43 и 9,38. Результаты наших расчетов доказывают целесообразность учета при оценке экономики, основанной на знаниях, кроме приведенных выше индексов, показателей научной сферы и сферы оборота интеллектуальных услуг.

Изучение причин медленного развития в нашей стране институтов экономики, основанной на знаниях, неразвитости институциональной инфраструктуры, изолированности большинства субъектов экономики от сферы производства и использования знаний позволило сделать ряд выводов:

- ориентация экономики во многом определяется интересами властных структур, в полномочия которых входит в том числе распределение дохода от владения и использования объекта интереса;
- Россия относится к странам, экономика которых ориентирована на извлечение ренты от использования природных ресурсов;
- существование рентных институтов — реальность современного российского общества, а одна из основных проблем институционализации природной ренты — традиционно сильная бюрократическая система, основой финансового обеспечения которой остается система изъятия природной ренты;
- в условиях демократического общества в большинстве стран, обладающих сырьевыми ресурсами (в том числе в России), рентоискательство реализуется через процесс лоббирования;
- рентоориентированное поведение значительного числа субъектов российской экономики ведет к формированию институциональной среды, обеспечивающей концентрацию усилий не на создании добавленной стоимости от использования новых знаний и технологий, а на перераспределении дохода от природно-ресурсного потенциала.

Институциональная среда, рассматриваемая в контексте становления экономики, основанной на знаниях, представляет собой совокупность *институциональных составляющих* как форм организации деятельности субъектов экономики, участвующих в процессе производства, обмена и использования знаний, а также *норм и механизмов регулирования отношений*, воз-

¹ *Инна Алексеевна Ситнова*, зав. кафедрой экономики и менеджмента Зауральского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет», д-р экон. наук, e-mail: sinn01@mail.ru

² *Дияз Уралович Ишназаров*, ассистент кафедры экономики и менеджмента Зауральского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет», email: Diyaz89@mail.ru

³ *Зульфия Мирзовна Салихова*, Институт региональных исследований Республики Башкортостан, email: zmsalikhova@mail.ru

никающих в процессе их взаимодействия. Основными субъектами, участвующими в процессе обмена знаниями, являются органы управления всех уровней, институты формирования и использования интеллектуального капитала (рис. 1).

Рис. 1. Институциональная среда рентоориентированной экономики

Рентоориентированность большинства процессов в экономике современной России ведет к формированию институциональной среды, основные функции которой ограничиваются поддержанием существующей системы взаимодействия субъектов экономики. При этом высшие уровни управления, удовлетворяя свои формализованные и неформализованные интересы, стремятся к централизации контроля доходов от использования природных ресурсов. Низшие звенья выполняют предписания «сверху», но, следуя своим интересам, стараются сохранить большую часть своих полномочий.

Основными интересами *государственного аппарата на федеральном уровне* (табл. 1) остаются контроль за рациональным использованием ресурсов и денежно-финансовых потоков (формализованный интерес) и стремление получить большую власть над ресурсами и денежно-финансовыми потоками (неформализованный интерес). Положительный эффект от использования

Таблица 1

Характеристика элементов институциональной среды рентоориентированной экономики России

Показатели	Сферы деятельности				
	Образование	Наука	Промышленное производство	Предпринимательство	Здравоохранение
Формальные интересы	Формирование знаний и рынка труда специалистов	Научно-исследовательские работы	Выполнение работ, производство товаров, оказание услуг	Удовлетворение спроса потребителей	Предоставление качественных медицинских услуг
Неформальные интересы	Сохранение количества учащихся и студентов, финансовая господдерж-ка	Решение проблем обеспечения	Решение проблем обеспечения производственного процесса	Получение прибыли, уклонение от налогов	Создание условий для работы
Действия	Удовлетворение неформальных интересов				
Положительный эффект	Целесообразное использование финансовых ресурсов; унификация учебных программ и процессов	Поддержка отдельных сфер научной деятельности	Рост показателей деятельности	Поддержка отдельных сфер предпринимательства	Новые способы работы в медицине; наличие квалифицированных кадров
	Сокращение трудовых кадров; упущения в передаче знаний; оторванность от науки, производства и бизнеса	Административные барьеры, текучка научных кадров, отсталость в сфере материально-технического обеспечения; оторванность от сферы образования и предпринимательства	Истощение природных ресурсов; износ МТБ, несоответствие условий труда нормативам	Отсутствие возможности развития инновационного предпринимательства; оторванность от производства; творческая деятельность предпринимателей сводится к минимуму	Уход от финансового контроля; несоответствие условий труда нормативам; управление и специалисты нацелены на обеспечение рабочих условий
Отрицательный эффект					

данной модели — расширение возможностей контроля за финансово-хозяйственной деятельностью с помощью систематизированной отчетности, унификации действий, что позволяет сократить временные затраты; отрицательный — уход от жесткого контроля нижестоящими участниками, невозможность полного учета ряда важных аспектов хозяйственной деятельности при составлении отчетности, наличие многочисленных барьеров при осуществлении данных процессов. Действия государственного аппарата нацелены на централизацию хозяйственных процессов (оптимизацию финансовых, образовательных, медицинских структур, перераспределение налоговых поступлений в пользу федерального бюджета и др.).

Государственный аппарат на региональном уровне стремится сохранить возможность использования региональных ресурсов и денежно-финансовых потоков (формализованный интерес) и получить большую власть над региональными ресурсами и денежно-финансовыми потоками (неформализованный интерес). Положительный эффект данной модели управления — оперативность принятия решений в сфере экономики на региональном уровне; отрицательный — коррумпированность экономических процессов, административные барьеры и преграды. Основные действия — выполнение предписаний федерального уровня, создание условий для регионального управления хозяйственными объектами.

Важную роль в данной структуре играют институты формирования интеллектуального капитала и его использования. Преобладающая рентоориентированность процессов управления негативно сказывается на их состоянии и перспективах развития. Формализованные интересы в данных институтах регламентируются нормативно-правовыми документами, зачастую не учитывающими ситуацию «на местах». Неформализованные интересы сосредоточены на решении текущих проблем без привлечения новых знаний и технологий. Отрицательные эффекты по своему количеству и масштабам перекрывают положительные эффекты от использования данной модели.

Сложившаяся ситуация обуславливает технологическое отставание большинства сфер и отраслей народного хозяйства России от соответствующих отраслей и сфер у мировых лидеров. Так, доля современных технологий (технологий пятого уклада с периодом разработки 1980–2020 гг.) в российской экономике составляет около 10%, более 50% относится к четвертому укладу (1940–1980 гг.) и около 30% — к третьему (1900–1940 гг.), тогда как, например, в США доля технологий пятого технологического уклада составляет 60%, четвертого — 20%, шестого — около 5% (2020–2060 гг.). Согласно теории долгосрочного технико-экономического развития академика РАН С. Ю. Глазьева, выделяется пять существующих технологических укладов и один перспективный, который с развитием науки и техники должен сменить пятый (современный). По оценкам Всемирного банка, в течение нескольких последних десятилетий данное соотношение технологий не меняется.

В качестве одного из вариантов перехода российской экономики на новый этап развития авторами предложена модель, максимально приближенная по структуре и составу к существующей институциональной среде развития экономики (рис. 2), но с преимущественной ориентацией не на природные, а на интеллектуальные ресурсы. Основными субъектами процесса обмена знаниями остаются органы управления всех уровней, институты формирования и использования интеллектуального капитала, потребители знаниеемких продуктов, технологий и услуг. При этом кардинально меняется содержание институциональных составляющих модели:

- основным формализованным интересом государственного аппарата на федеральном уровне становится (табл. 2) увеличение добавочной стоимости товаров и услуг как результат использования знаний; неформализованным интересом остается стремление получить и закрепить властные полномочия, но уже по управлению высокотехнологичной деятельностью и распределению инновационного дохода. К положительным эффектам данной реструктуризации интересов властных структур относятся сохранение природных ресурсов как стратегического

Рис. 2. Институциональная среда экономики, основанной на знаниях

Таблица 2

Характеристика элементов институциональной среды экономики, основанной на знаниях

Показатели	Сферы деятельности		Образование	Наука	Промышленное производство	Предпринимательство	Здравоохранение
	Федеральное управление	Региональное управление					
Формальные интересы	Сокращение объемов использования ресурсов, увеличение добавочной стоимости товаров и услуг	Формирование знаний и рынка труда	Научно-исследовательские работы	Производство товаров и услуг, добыча и обработка ресурсов	Удовлетворение спроса потребителей, получение прибыли	Предоставление качественных медицинских услуг	
Неформальные интересы		Стремление получить большую власть над инновационной деятельностью					
Положительный эффект	Сохранение ресурсов; поддержка инициативы на низших уровнях и создание условий для ее развития; обеспечение взаимной ответственности государства и хозяйствующих субъектов	Соответствие спроса и предложения на рынке труда; формирование востребованного человеческого капитала	Коммерциализация научных разработок; сохранение научных кадров на местах	Увеличение инновационной доли в товарах и услугах; согласованность системы образования — наука — производство — бизнес	Увеличение интеллектуальной и инновационной составляющих в предпринимательстве; высокая коммерциализация научных разработок	Увеличение количества здорового населения; улучшение качества услуг	
Отрицательный эффект	Копирование действий из мирового опыта не всегда дает положительный эффект	Недостаточность финансирования; возможно чрезмерно узкая специализация выпускников	Не имеется	Не имеется	На первых этапах меньший результат ввиду малой готовности к изменениям	Не имеется	
Действия	Стимулирование интеллектуальной деятельности	Разработка региональных программ, стимулирующих развитие в регионе новой экономики	Мониторинг рынка труда, создание связи образования — наука — производство — бизнес	Организация НИР, создание связи образования — наука — производство — бизнес	Использование инновационных технологий, создание связи образования — наука — производство — бизнес	Изучение рынка и поставка товаров и услуг; работа над увеличением добавочной стоимости	

национального запаса; поддержка инициатив на всех уровнях взаимодействия субъектов экономики; создание условий наибольшего благоприятствования для инновационной деятельности, развития малого и среднего предпринимательства (в том числе интеллектуального); обеспечение взаимной ответственности государства и хозяйствующих субъектов. К отрицательным эффектам относятся «болезни роста» любой экономики: несоответствие между поставленными целями и ресурсными возможностями перехода на новый этап развития экономики; неточность расчетов при планировании и разработке программных мер; проблемы при реализации адаптированных моделей развития и т.д. Действия государства должны быть направлены на создание необходимых институциональных условий и механизмов (разработка нормативно-правового обеспечения, совершенствование бюджетной, налоговой и финансово-банковской систем, поддержка знаниеемких отраслей и т.д.);

- интересы государственного аппарата на региональном уровне также претерпевают изменения. Приоритетным становится создание институциональных условий для развития региональных социально-экономических систем с ориентацией на инновационное развитие. Деятельность региональных властей должна быть связана с разработкой региональных программ, стимулирующих развитие новой экономики в регионе, совершенствование механизмов конкуренции, способствующих интеллектуализации социально-экономического развития;

- значительно меняется институциональное пространство сферы формирования и использования интеллектуального капитала. Для перехода на новый этап развития экономики необходимо создание институциональных условий, включающих: 1) территориальную и отраслевую интеграцию сфер образования, науки, производства и предпринимательства; 2) активизацию деятельности консультационно-информационных центров в области предпринимательства для потребителей и общественных организаций; 3) развитие специализированных консалтинговых фирм и аудиторских служб; 4) создание ассоциаций и союзов для решения вопросов в образовательной, научной и предпринимательской сферах; 5) создание сетей и кластеров, технопарков с учетом специфики развития областей и регионов; 6) финансовую поддержку малого и среднего предпринимательства (в том числе интеллектуального).

Таким образом, институциональная среда рентоориентированной экономики, поддерживаемая государственным аппаратом и существующими институциональными условиями, нацелена на сохранение существующей ситуации и не позволяет осуществить безболезненный переход к экономике, основанной на знаниях.

Список литературы

1. Барлыбаев, А. А. Институционально-семейный сектор сельского хозяйства постсоветской России: институциональный и поведенческий анализ / А. А. Барлыбаев. — Уфа: Гилем, 2003. — 212 с.
2. Глазьев, С. О стратегии экономического развития России / С. Глазьев // Вопросы статистики. — 2007. — № 5. — С. 31.
3. Движение регионов России к инновационной экономике / Л. И. Абалкин, Д. Е. Сорокин, Л. В. Зеленоборская [и др.] — М.: Наука, 2006. — 400 с.
4. Институциональная экономика: новая институциональная экономика / под ред. А. Аузана. — М.: Инфра-М, 2006.
5. Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития / отв. секретарь А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малиенцкой, С. Ю. Малков. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 488 с.

М. Е. Анохина¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ОТРАСЛЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сложность политической и экономической ситуации в глобальном пространстве актуализирует проблему экономического роста России. Сильная экономика является основой сохранения национального суверенитета и возрождения былой мощи страны на новом качественном уровне, гарантом социально-экономической стабильности. Интегрирование в мировое экономическое пространство требует соответствия стандартам и параметрам, принятым в мировом сообществе и выступающим критериальными показателями, позволяющими оценить национальную экономику и определить место и роль страны в глобальной системе. Одним из таких показателей является индекс человеческого развития (ИЧР), служащий для измерения достижений страны в сферах здоровья, образования и фактического дохода ее граждан. Россия в рейтинге 2014 г. в сравнении с предыдущим периодом по этим показателям переместилась с 55-й на 57-ю позицию, что обусловлено негативным влиянием экологических проблем, социальным неравенством, низкой продолжительностью жизни [1].

Способность экономики к росту и уровень прогресса страны можно оценить с помощью индекса ESCAPE², определяемого по 42 крупнейшим странам мира, на долю которых приходилось в 2012 г. 85 % мирового ВВП [2]. Согласно расчетам транснациональной аудиторской компании PricewaterhouseCoopers (PwC), Россия за период 2000–2012 гг. переместилась с 39-й позиции на 25-ю в группе стран с развивающейся экономикой, улучшив значение индекса на 25,2 пункта [3]. Содержательный анализ индекса ESCAPE позволяет утверждать, что улучшение положения обусловлено в основном коммуникационным фактором при незначительном улучшении экономической и экологической составляющих и практически неизменных параметрах политического и социального характера (рис. 1).

Согласно рейтингу конкурентоспособности 2014–2015 гг., подготовленному Всемирным экономическим форумом, положение России значительно улучшилось, и с 4,4 баллами она смогла подняться на 11 позиций и занять 53-е место среди 144 оцениваемых экономик [4]. Однако по параметрам институциональной составляющей (97-е место), финансового развития (110-е место) и эффективности рынка (99-е место) национальная хозяйственная система уступает лидирующим экономикам мира. Причины такого положения кроются в неправильной расстановке приоритетов экономической политики, определяющими которой являются количественные параметры роста. Но и при таких ориентирах не удастся сохранить достигнутую динамику. Темпы роста российской экономики замедляются, ВВП страны по итогам 2013 г. увеличился на 1,3 %, за шесть месяцев 2014 г. — на 1 %.

В условиях современного мирохозяйственного процесса, осложненного для нашей страны санкционными процедурами и политическими событиями, с одной стороны, проверяются «на прочность» и обоснованность применяемые экономические модели, а с другой — возникает необходимость

¹ *Марина Егоровна Анохина*, доцент кафедры корпоративного менеджмента Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, канд. экон. наук, e-mail: marina_anokhina@mail.ru

² Индекс ESCAPE включает пять факторов: экономический рост и стабильность (Economic); социальный прогресс и сплоченность (Social); коммуникационные технологии (Communication); политические, правовые и регуляторные институты (Political); экологическая устойчивость (Environmental).

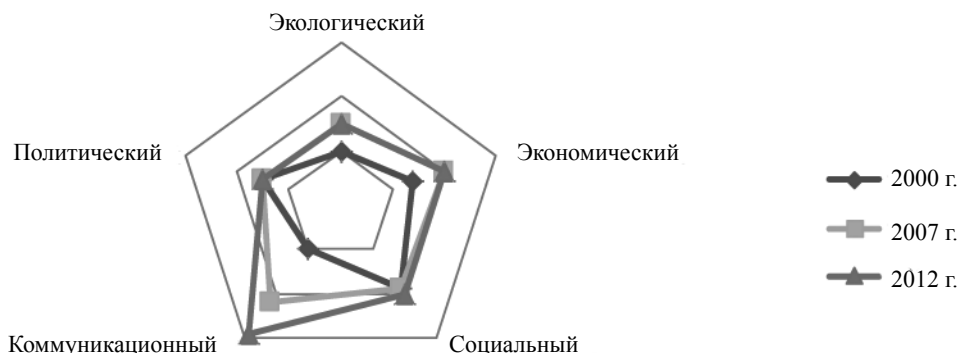

Рис. 1. Факторы индекса ESCAPE [3]

разработки новых подходов, отражающих особенности современных экономических тенденций. Поэтому, прежде чем говорить о недостаточной экономической динамике и возможности выхода на устойчивую траекторию развития в долгосрочной перспективе, необходимо сформировать инструментально-методологическую модель экономического роста, отвечающую современным экономическим и политическим вызовам. Настоящее исследование затрагивает проблемы экономического роста отраслевых комплексов, при его проведении учитывались два основных положения:

- современные условия хозяйствования предопределяют переход к новому качеству экономического роста;
- экономический рост отраслевого комплекса при общей методологической базе имеет свою специфику, обусловленную его местом и ролью в общенациональной системе.

Исследование сущностно-содержательного аспекта экономического роста позволило выделить три его основных составляющих, обеспечивающих количественную, качественную и воспроизводственную динамику. Обоснуем данную позицию.

Экономический рост в масштабе общественного производства проявляется в виде увеличения объема производства товаров и услуг за определенный период. Отсюда очевидна количественная составляющая сущности экономического роста, которая отражает объемное расширение экономики. Отметим, что за последние 13 лет ВВП страны вырос в 7,7 раза, показатель ВВП на душу населения — в 8,5 раза. При этом темп роста основных показателей количественной составляющей экономического роста имеет явную тенденцию к снижению (табл. 1). При таком уровне индекса промышленного и сельскохозяйственного производства как основных сфер деятельности возможности формирования экономической базы роста ограничены.

Таблица 1

Динамика основных показателей количественной составляющей экономического роста в России*

Показатель	2000	2005	2009	2010	2011	2012	2013
Индекс физического объема ВВП, % к предыд. году	110,0	106,4	92,2	104,5	104,3	103,4	101,3
Индекс промышленного производства, % к предыд. году	108,7	105,1	90,7	107,3	105,0	103,4	100,4
Индекс производства продукции сельского хозяйства, % к предыд. году	106,2	101,6	101,4	88,7	123,0	95,2	106,2
ВВП на душу населения, % к предыд. году/долл.	133,5	129,9	73,6	124,3	124,0	105,6	108,1

* Составлено автором на основе [5, 6].

Экономический рост в современных условиях представляет собой многоплановый процесс, охватывающий не только положительную количественную динамику общественного продукта, но и структурные сдвиги в экономике, повышение уровня и качества жизни населения. Поэтому в макроэкономике экономический рост используется как обобщающий показатель процесса экономического развития общества и отражает изменение материально-вещественных и социальных составляющих благосостояния. Экономический рост выражается в количественном увеличении и качественном совершенствовании ВВП и его структуры. Качественная составляющая принципиально меняет характер экономического роста, обеспечивая его продолжительность, интенсивность, инновационность. Отмеченные черты экономического роста национальной экономики, к сожалению, не проявляются в достаточной степени, что, по всей видимости, связано с состоянием и динамикой его качественной составляющей (табл. 2). Продолжительный экономический рост имеет место только по показателю ВВП на душу населения. Темп роста производительности труда неустойчив и при положительной динамике на таком уровне прорыв по данному кардинальному направлению экономического роста осуществить сложно. Производительность труда в России в два раза ниже, чем в странах ЕС, и более чем в три раза ниже, чем в США [6]. При этом размер номинальной заработной платы растет более высокими темпами, чем производительность труда.

Положительной качественной тенденцией является увеличение доли добавленной стоимости в высокотехнологичных и наукоемких видах деятельности в ВВП. Однако этот рост носит нестабильный характер, и уровень самого показателя с учетом интенсивности современных технологических тенденций невысок.

Таблица 2

**Динамика основных показателей качественной составляющей
экономического роста в России***

Показатель	2005	2009	2010	2011	2012	2013
Производительность труда, % к предыд. году	105,5	95,9	103,2	103,8	103,1	-
Коэффициент обновления основных фондов		4,1	3,7	4,6	4,8	4,7
Индекс изменения фондоотдачи	102	89,1	101,3	100,8	99,8	-
Доля добавленной стоимости в высокотехнологичных и наукоемких видах деятельности в ВВП, % к итогу	21,2	24,4	22,8	21,9	22,3	22,9
Темп роста номинальной заработной платы работников организаций, % к предыд. году	126,9	107,8	112,4	111,5	113,9	111,8
ВВП на душу населения, долл.	5337,1	8615,7	10709,5	13284,0	14037,0	15177,2

* Составлено автором на основе [5, 6].

Выделение в экономическом росте количественной и качественной составляющих обусловливает, на наш взгляд, необходимость учета третьей — воспроизводственной составляющей, которая отражает условия обеспечения его устойчивости, сбалансированности, невозвратности.

Сущностное содержание устойчивости экономического роста основано на концепции устойчивого развития. В последние десятилетия данная концепция стала самой популярной и нашла отражение в трудах экономистов, принадлежащих к различным школам. Устойчивость в экономическом аспекте представителями классической школы экономической теории А. Смитом, Д. Риккардо, К. Марксом концептуально сводилась к равенству спроса и предложения, доходов и расходов, максимизации прибыли. В работах Л. Вальраса [7], В. Парето [8],

отражающих неоклассический подход, развивалась концепция конкурентного равновесия, гибкости цен и оптимального использования ресурсов [9]. С учетом современных экологических и социально-экономических проблем концепция устойчивого развития приобрела качественно новое содержание, которое ориентировано на поддержание:

- устойчивого масштаба экономики, соответствующего ее экологической системе жизнеобеспечения;
- справедливого распределения ресурсов и возможностей не только в рамках нынешнего поколения людей, но также между нынешним и будущими поколениями, между человеком и другими биологическими видами;
- эффективного распределения ресурсов во времени с учетом природного капитала [10].

Таким образом, в современной концепции устойчивого развития можно выделить три тесно взаимосвязанные компоненты: экономическое развитие, социальную справедливость и высокое качество окружающей среды [11].

Экономическая компонента определяется положением об экономически оптимальном использовании ограниченных природных ресурсов. Фактическая бесплатность «даровых благ природы» является стержнем концепции устойчивого развития [12].

Социальная ориентированность определяется фундаментальной идеей соблюдения прав будущих поколений на социальную и культурную стабильность, на природные ресурсы как можно менее истощенные и загрязненные [13].

В рамках *экологической составляющей* основная роль отводится жизнеспособности локальных экосистем, определяющих глобальную стабильность всей биосферы. Дальнейшее существование человечества будет невозможным, если деградация природной среды его обитания превысит некоторый, пока неизвестный, а возможно, и принципиально неустановимый, критический уровень [14].

Согласно терминологии Международной комиссии по окружающей среде и развитию (Комиссия Брунтланд 1987 г.), устойчивым считается развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [15]. На практике устойчивость экономического роста проявляется в регулировании его темпов и содержания на основе принципов:

- удовлетворения основных потребностей общества в настоящем;
- равных стандартов этого удовлетворения для всего населения;
- бережного использования природных ресурсов;
- сохранения возможностей для будущих поколений реализовать свои основные запросы [16].

Таким образом, устойчивость экономического роста отражает процесс изменений в экономической системе по обозначенной траектории достижения заданных ориентиров, в котором масштабы использования ресурсов, направление капиталовложений, уровень технического развития и институциональные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями [17]. С устойчивостью экономического роста тесно связано измерение воспроизводственной составляющей его сбалансированности. Устойчивость хозяйственной системы как способность динамической системы сохранять движение вблизи некоторой намеченной траектории, несмотря на воздействующие возмущения, обеспечивается ее внутренним потенциалом за счет сбалансированности элементов и структуры. Сбалансированность экономического роста обеспечивается преодолением хозяйственных диспропорций, эффективностью производства в сложной, динамичной среде; гармоничностью интересов субъектов рынка; недопущением социальных конфликтов; его согласованностью с законами развития биосферы, что предотвращает экологические катастрофы.

Сбалансированный рост экономики предполагает согласованный динамизм составляющих ее структурных блоков, подчиненный развитию народного хозяйства как целостной системы.

Траектория сбалансированного экономического роста обеспечивает устойчивое и стабильное развитие экономики по следующим направлениям [18]:

1. Сбалансированность по объему и ассортименту, результатом которой является формирование межотраслевой структуры на основе соответствия структуры и объема производства структуре и объему конечного потребления.

2. Сбалансированность по эффективности, что позволяет достичь соразмерности уровня развития технологически взаимосвязанных отраслей и предприятий на уровне межотраслевых и внутриотраслевых процессов.

3. Региональная сбалансированность, обусловленная необходимостью согласованности хозяйственных процессов на определенной территории. Такая сбалансированность при ее нацеленности на региональные потребности предполагает взаимосвязь с народнохозяйственными межотраслевыми пропорциями.

4. Сбалансированность различных форм хозяйствования, форм собственности, которые при определенных условиях должны обеспечивать эффективность деятельности. Нахождение каждой из этих форм таких условий, своих «ниш» отражает процесс сбалансированности форм хозяйствования.

5. Воспроизводственная сбалансированность, которая, на наш взгляд, является наиболее важной, так как обеспечивает структуру национальной экономики, ориентированную на непрерывность производства и генерацию источников экономического роста.

Выделяют следующие направления воспроизводственной сбалансированности:

- сбалансированность по времени — очередность хозяйственных процессов и подчинение текущих задач целям долгосрочной перспективы;

- сбалансированность по содержанию — обеспечение пропорций между формированием доходов и накоплением сбережений, накоплением сбережений и их инвестированием, между достижением более высоких темпов экономического роста и повышением эффективности использования инвестиций, между инвестиционным процессом и обновлением основных фондов, между экономическими параметрами деятельности и социальными условиями, их обеспечивающими.

Кроме того, воспроизводственная составляющая экономического роста предполагает еще одно его измерение — невозвратность, которая придает ему характер необратимого процесса, сопровождающегося качественными изменениями состояния экономики. В современных условиях воспроизводственная составляющая экономического роста определяет как саму возможность, так и уровень количественно-качественной положительной экономической динамики. Поэтому экономический рост в его сущностной характеристике с учетом современных социально-экономических тенденций следует трактовать как воспроизводственный экономический рост, выступающий истинным индикатором (через конкретные показатели) состояния хозяйственной системы и оценки потенциала ее развития (табл. 3). Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП за последние 8 лет возросла незначительно и имеет недопустимо низкий уровень для формирования инновационного потенциала экономического роста. В развитых странах этот показатель в 2–3 раза выше. Например, абсолютная величина внутренних затрат на исследования и разработки в России в 11 раз ниже, чем в США, в 4 раза ниже, чем в Японии [19]. Для интенсификации научно-технического прогресса — базового условия экономического роста — необходимо увеличить долю расходов на НИОКР.

Отсутствие необходимых условий для активизации экономического роста в современной национальной экономике, который обеспечивает воспроизводственная составляющая, подтверждается прогнозной динамикой изменений количественных критериальных показателей (табл. 4).

Динамика основных показателей воспроизводственной составляющей экономического роста в России*

Показатель	2005	2009	2010	2011	2012	2013
Объем затрат на охрану окружающей среды, % к ВВП	1,1	0,9	0,8	0,8	0,7	-
Доля внутренних затрат на исследования и разработки ВВП, %	1,07	1,25	1,13	1,09	1,12	-
Финансирование науки из средств федерального бюджета, % к ВВП	0,36	0,56	0,51	0,56	0,56	-
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП (в текущих ценах), % к итогу	17,4	20,9	20,6	20,3	20,8	20,6
Индекс человеческого развития (ИЧР)	0,725	0,747	0,751	0,755	0,788	0,778

* Составлено автором на основе [1, 5].

С учетом структуры национальной экономической системы устойчивая макроэкономическая динамика определяется состоянием отраслевых комплексов [21] (рис. 2). Решая проблемы экономического роста отраслевых комплексов, можно обеспечить не только положительную экономическую динамику в деятельности хозяйствующих субъектов — участников комплекса, но и устойчивость экономического положения в региональном, национальном и мирохозяйственном масштабах.

Таблица 4

Прогноз динамики потенциального экономического роста и его компонентов*

Годы	Весь мир	США	Япония	Германия	Великобритания	Китай	Бразилия	Россия
<i>Темп прироста ВВП, %</i>								
2001–2007	2,7	2,5	0,6	1,3	2,4	10,2	3,2	5,3
2012–2017	3,4	2,1	0,9	1,6	1,6	8,9	4,4	3,6
2018–2030	3,3	2,4	1,4	1,2	2,2	5,5	3,9	2,7
2031–2050	2,4	2,1	1,3	1,0	2,3	2,8	2,5	0,9
<i>Темп прироста производительности труда, %</i>								
2001–2007	1,5	1,5	0,9	0,9	1,5	9,2	0,9	4,6
2012–2017	2,4	1,3	1,2	1,4	0,9	8,4	2,9	4,8
2018–2030	2,7	1,5	1,7	1,8	1,7	5,9	3,1	3,4
2031–2050	2,3	1,3	2,0	1,5	1,7	3,6	2,6	2,0
<i>Темп прироста занятости, %</i>								
2001–2007	1,2	1,0	-0,3	0,3	0,9	0,9	2,2	0,7
2012–2017	0,9	0,8	-0,3	0,2	0,8	0,5	1,4	-1,1
2018–2030	0,6	0,9	-0,3	-0,6	0,5	-0,3	0,8	-0,7
2031–2050	0,1	0,8	-0,7	-0,4	0,6	-0,8	-0,1	-12

* Составлено автором на основе [20].

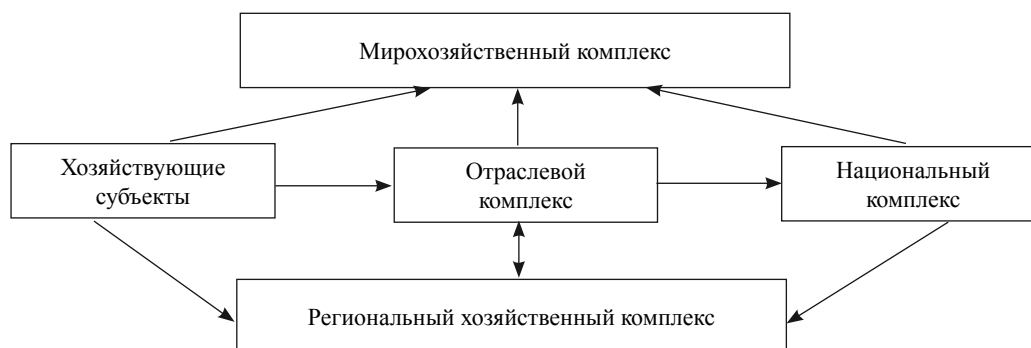

Рис. 2. Положение отраслевого комплекса в системе национального хозяйствования

Отраслевой комплекс следует рассматривать как агрегированное понятие от экономической деятельности, расширяя классификационные признаки вхождения в него хозяйствующих субъектов с учетом современных условий хозяйствования. В России действует с 2003 г. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД), гармонизированный с ISIC (Rev. 3.1), в соответствии с которым в качестве классификационных признаков определены сфера деятельности, процесс (технология) производства, используемые ресурсы [22]. Но в современных условиях хозяйствования границы между различными видами экономической деятельности часто носят условный характер. Причины этого известны: цифровая революция, снижение рыночных барьеров, уплощение современной мировой экономической системы³, глобализация. Отраслевой комплекс представляет собой часть экономики, области производственно-экономической деятельности в форме совокупности предприятий и организаций, объединенных с целью создания общественного продукта, способного удовлетворить запросы потребителя с учетом социально-экономических приоритетов и максимально эффективного использования имеющегося потенциала на всех уровнях народнохозяйственной системы.

Вхождение предприятий и организаций в отраслевой комплекс определяется в первую очередь необходимостью выстраивания эффективной технологической цепи создания отраслевого продукта независимо от их принадлежности к отрасли. Такой подход обусловлен размытостью отраслевых границ, дифференциацией и интеграцией технологий и, как следствие, расширением возможностей участников производственного процесса предложить потребителю большую ценность. Отрасли как сферы экономической деятельности имеют различный уровень привлекательности. Но для выполнения каждой из них жизнеобеспечивающих функций в соответствии с их ролью в народнохозяйственном комплексе необходимо поддерживать отраслевой баланс, позволяющий нивелировать диспропорции отраслевого развития и формировать воспроизводственную базу национальной экономической системы. В этой связи отраслевой комплекс как структурная часть экономической системы наряду с традиционным отраслевым построением, предполагающим наличие отраслевого ядра, обслуживающих и вспомогательных отраслей, позволяет при определенной комбинации участ-

³ Концепция «плоского мира» разработана Т. Фридманом. Ее принципиальный смысл заключается в том, что коммуникационные технологии сделали возможной такую кооперацию хозяйствующих субъектов в выполнении самых разнообразных работ, затребованных современной цивилизацией, которая практически мгновенно осуществляется в масштабах всей планеты. Таким образом, мировая хозяйственная система становится единым производственным полем, в котором действуют унифицированные рабочие правила. По мнению автора, стирание границ между национальными хозяйственными комплексами приводит к уплощению мировой экономической системы (Фридман, Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ; Хранитель; Мидгард, 2007. 608 с.).

ников осваивать и развивать сопряженные виды деятельности. Их выбор осуществляется исходя не только из экономической выгоды, производственной целесообразности, отраслевой специфики, но и с учетом социальной значимости, которая вписывается в ценностный комплекс потребителя.

Выделение в рамках данного исследования трех составляющих сущностной характеристики экономического роста и учет специфики структуры отраслевого комплекса позволяют выстроить инструментально-методологическую модель его экономического роста (рис. 3). Экономический рост отраслевого комплекса — это процесс социально-экономической динамики его состояния в единстве количественных, качественных, воспроизводственных изменений объема и содержания создаваемого общественного продукта, согласующегося с нынешними и будущими ценностями потребителей.

Стремление отдельных стран к мировому господству актуализирует для нашей страны вопросы обеспечения продовольственной независимости как основы социальной стабильности и национальной безопасности России. Обеспечение положительной экономической динамики в агропромышленном производстве следует рассматривать как задачу стратегического характера, решение которой позволит не только достичь необходимого уровня самообеспечения продовольственными товарами, но и придаст импульс развитию всей экономической системы посредством формирования агроэкспортного потенциала. Структура исследуемого АПК с учетом разработанных методологических принципов его идентификации представлена на рис. 4.

Анализ состояния АПК на основе разработанной инструментально-методологической модели экономического роста отраслевых комплексов показал, что при наличии и достаточности факторов производства не сформированы условия для устойчивости экономической динамики в аграрной сфере.

Количественная динамика (табл. 5) характеризуется положительным трендом по показателям, которые в реализуемой аграрной политике приняты в качестве базовых: выпуск продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении, наличие основных фондов, производство зерна как основы экспортной составляющей экономической политики. Однако показатели, определяющие уровень продовольственной безопасности и основу их достижения, имеют явную отрицательную динамику: на 12 % снизилась численность занятых в сельском хозяйстве, уменьшилось поголовье КРС, практически не изменились показатели по производству молока и посевные площади.

Таблица 5

Основные показатели количественной динамики АПК*

Показатели	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Выпуск продукции сельского хозяйства в текущих ценах, млрд р.	1500,9	2684	2760,8	2855,5	3604	3561,5
Валовой сбор зерна, млн т	77,8	108,2	97,1	61	94,2	70,9
Производство молока, млн т	31,1	32,4	32,6	31,8	31,6	31,8
Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве, млн чел.	6,7	6,0	6,1	6,1	6,0	5,9
Наличие основных фондов, млрд р.	1440,1	2259,6	2566,9	2859,9	3127,2	3332,1
Степень износа основных фондов, %	42,6	31,8	31,9	32,7	33,2	34,6
Посевная площадь, тыс. га	75837	76923	77805	75188	76662	76325
Поголовье КРС, млн гол.	21,6	21	20,7	20	20,1	20
Сельский жилищный фонд, млн м ²	826	866	884	898	914	923

*Составлено автором на основе [23].

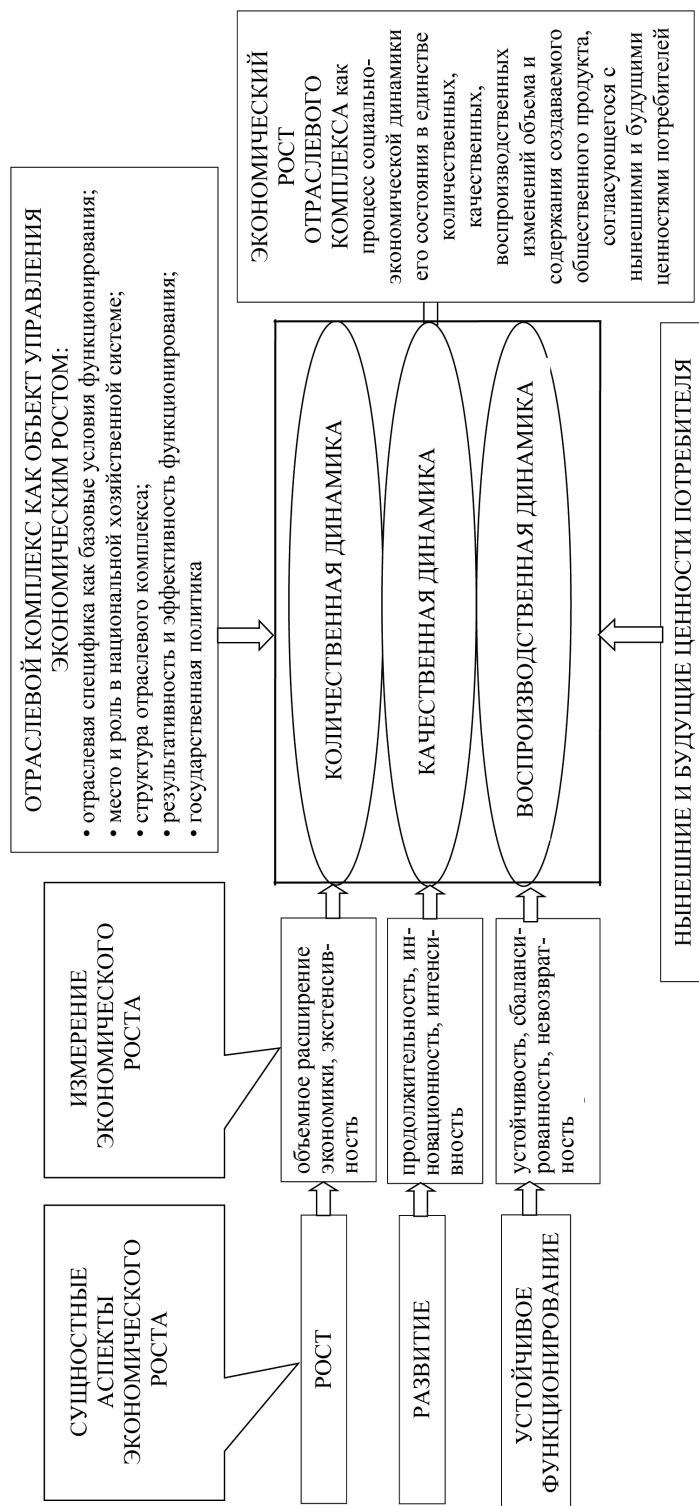

Рис. 3. Инструментально-методологическая модель отраслевого роста (разработано автором)

По результатам анализа качественной динамики (табл. 6) явно прослеживается отсутствие условий для интенсивного развития аграрного производства (снижение энергетических мощностей, увеличение нагрузки на технические средства), что обуславливает снижение или невысокий уровень положительной динамики по показателям урожайности, продуктивности и производительности.

Таблица 6

Основные показатели качественной динамики АПК*

Показатели	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Валовая добавленная стоимость в сельском хозяйстве на одного занятого, млн р.	120,1	235,86	236,77	225,7	315,36	315,62
Прибыль на одного занятого в сельском хозяйстве, тыс. р.	9,18	19,25	16,18	16,17	21,95	26,57
Убыток на одного занятого в сельском хозяйстве, тыс. р.	4,67	4,03	5,78	7,24	5,46	7,53
Урожайность зерновых и зернобобовых культур, ц с 1 га	18,5	23,8	22,7	18,3	22,4	18,3
Надой молока на одну корову, кг	3176	3595	3737	3776	3851	3898
Нагрузка пашни на один трактор, га	181	210	226	236	247	258
Энергетические мощности на 1 га, л. с.	2,068	1,599	1,476	1,457	1,386	1,344
Благоустройство жилищного фонда водопроводом, %	43	46	47	48	49	49
Благоустройство жилищного фонда горячим отоплением, %	22	24	25	25	26	27

*Составлено автором на основе [23].

Воспроизводственная динамика (табл. 7) однозначно показывает, что при существующем подходе и системе хозяйствования невозможно обеспечить устойчивый экономический рост агропромышленного производства. Отсутствие собственных средств, недостаточное бюджетное финансирование, высокий уровень закредитованности сельскохозяйственных товаропроизводителей не позволяет обеспечить современный технический и технологический уровень производства, повысить плодородие почв, сохранить и преумножить стратегические ресурсы. При этом рост инвестиций не может считаться достаточным условием для воспроизводства. Отметим, что основной объем инвестиционных ресурсов направлен на приобретение зарубежной техники и технологий, а создание собственных воспроизводственных средств практически сведено к нулю.

Оценивая динамику в социальной сфере, отметим стремительное снижение количества инфраструктурных и социально значимых объектов, ухудшение условий жизни на земле. Все это приводит к устойчивому сокращению численности сельского населения (за последние 12 лет оно уменьшилось на 2 млн человек).

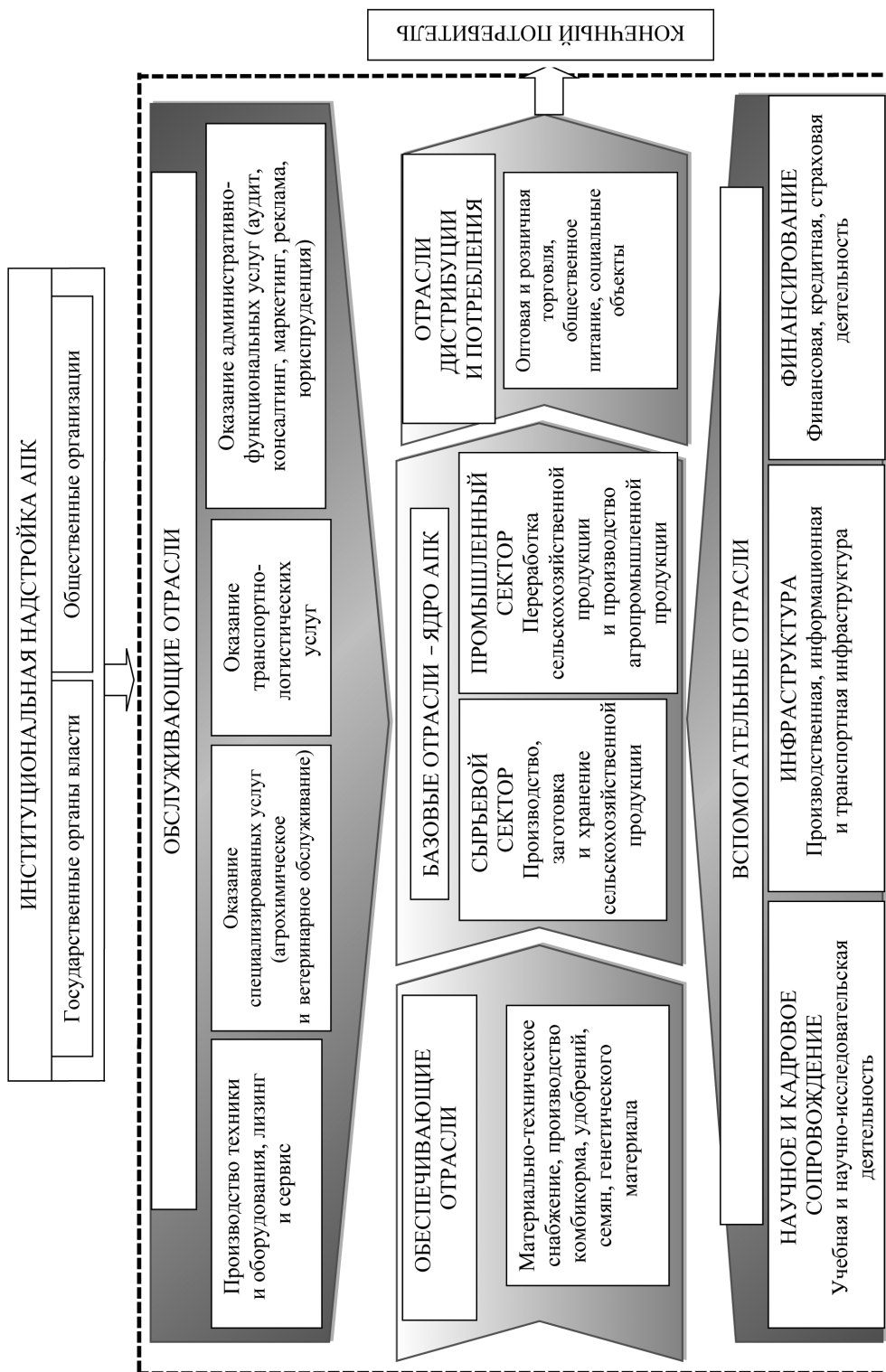

Рис. 4. Концептуальная модель состава АПК (разработано автором)

Основные показатели качественной динамики АПК*

Показатели	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Инвестиции в основной капитал на 1 га посевных площадей, р.	1042,8	3056,8	2525,9	2684,5	3351,2	3618,23
Инвестиции в основной капитал на 100 рублей основных фондов в сельском хозяйстве, р.	5,49	10,4	7,65	7,05	8,21	8,28
Объем бюджетных средств на 1 га посевных площадей, р.	44,83	105,3	92,25	61,17	80,87	73,37
Задолженность сельскохозяйственных организаций по кредитам банкам и по займам на 1 р. прибыли, р.	3,17	5,38	7,36	7,57	7,22	6,9
Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников сельского хозяйства к среднероссийскому уровню, %	39	47	50	49	52	51
Внесено минеральных удобрений на 1 га всей посевной площади, кг	25	36	36	38	39	38
Известкование почв на 1 га, т	6,6	7,7	8,4	9,0	8,3	8,0
Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием, тыс. км	69,9	36,5	41,3	37,9	36,4	34,6
Ввод в действие жилых домов на 1000 чел, м ²	246	399	425	392	416	422
Ввод в действие водопроводных сетей, км	978,8	1503,5	1355,6	1522	17997	1368
Ввод в действие газовых сетей, тыс. км	13,8	17	14,3	11,1	11,6	12,6
Число общеобразовательных учреждений, тыс.	40,4	34,3	32,2	30,3	28,3	27,1
Число дошкольных образовательных учреждений, тыс.	20,1	18,8	18,5	18,4	18	17,8

*Составлено автором на основе [23].

В целом, результаты оценки динамики даже ограниченного состава показателей говорят об ослаблении воспроизводственной составляющей экономического роста. Сравнение с зарубежными странами (табл. 8), в которых развитие и поддержка аграрной сферы рассматриваются как основа национальной политики, убеждает в необходимости изменения подхода к управлению экономическим ростом АПК.

Достижение ощутимого прогресса в сельском хозяйстве, его социальной сфере на базе механизма управления экономическим ростом АПК должно стать основой современной аграрной политики с выбором тех приоритетов (рис. 5), которые при активной роли государства в ее реализации обеспечат не только положительную динамику в агропромышленном производстве, но и развитие всей экономической системы на новом качественном уровне.

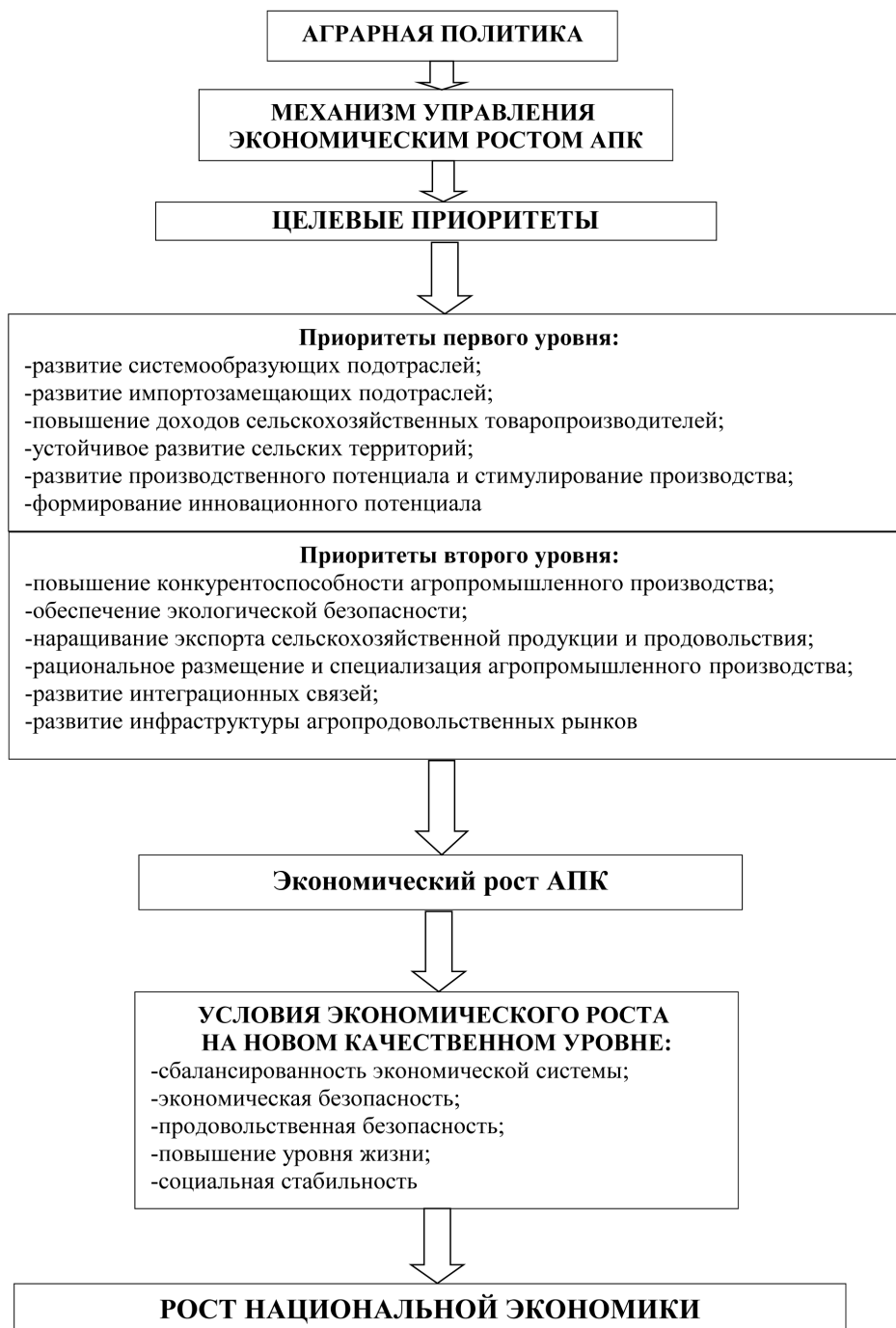

Рис. 5. Аграрная политика как основа роста национальной экономики (разработано автором)

Результативные параметры экономической динамики в АПК России и за рубежом*

Показатели	Россия	Беларусь	Германия	Франция	Нидерланды	США	Канада	Китай
Площадь сельскохозяйственных угодий на 100 чел., га	154	92	20↓	46↓	11↓	132↓	183↓	39
Урожайность зерновых и зернобобовых культур, ц/га	22,4↑**	31,5↓	64,0↓	67,0↓	77,5↓	67,5↑	33,1↑	55,7↑
Поголовье КРС, млн гол.	20,1↓	4,4↑	12,6↓	19,1↓	3,9↓	92,7↓	12,2↓	106,0↓
Надой молока на одну корову, кг	3851↑	4482↑	7236↑	6674↑	7537↑	9678↑	8699↑	3003↑
Внесено минеральных удобрений на один га, кг	25↑	284↑	191↓	140↓	238↓	125↑	81↑	509↓
Количество зерноуборочных комбайнов на 1000 га пахотных земель и земель под многолетними культурами, ед.	0,7↓	2,02 ↓	7,8↓	4,07↓	7,08↑	2,11↓	1,66↓	1,76↑
Количество тракторов на 1000 га сельскохозяйственных угодий, ед.	2,67↓	8,38↓	92,54↓	59,89↓	126,53↓	26,69↑	14,51↑	7,48↑
Валовая добавленная стоимость сельского хозяйства на одного работника, долл.	5969↓	7845↓	32087↑	76586↑	60409↑	49817↓	59818↑	749↑
Производство сельскохозяйственной продукции растениеводства на один га сельскохозяйственных угодий, долл.	251↑	604↑	1095↑	1146↑	3864↑	758↑	325↑	2968↑
Стоимость продукции сельскохозяйственного производства, млн долл.	52506↑	7877↑	36971↑	42083↑	13739↑	228393↑	28362↑	570351↑

* Составлено автором на основе [6, 24].

** Стрелки указывают на общую тенденцию в изменениях за последние 5 лет.

Список литературы

1. Индекс человеческого развития в странах мира 2013 года / Центр гуманитарных технологий: экспертно-аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>
2. PricewaterhouseCoopers (PwC). URL: <http://www.pwc.co.uk/economic-services/issues/escape-index-in-brief.jhtml>
3. Комплексное развитие ведущих стран мира в период с 2000 по 2012 год. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/02/06/6600>
4. The Global Competitiveness Report 2014–2015. URL: <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014–2015>

5. Официальный сайт государственной службы статистики. URL: <http://www.gks.ru/wps>
6. Всемирный банк. URL: <http://databank.worldbank.org/data/>
7. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии / Л. Вальрас. — М.: Изобраф, 2000. — 448 с.
8. Pareto, V. Manuale di economia politica con una introduzione alla scienza sociali / V. Pareto. — Milano: Societa Editrice Libreria, 1919. — 575 p. URL: <https://archive.org/details/manuale-di-economia-00-paretooft>
9. Классика экономической мысли: сочинения / В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Д. М. Кейнс, М. Фридмен. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 896 с.
10. Costanza, R. Ecological Economics and Sustainable Development. Paper prepared for the international Experts Meeting for the Operationalization of the Economics of Sustainability / R. Costanza, C. Folke. — Manila, Philippines, 1994. — July 28–30. R.
11. Глазовский, Н. Ф. Эффективность использования природных ресурсов и возможные пороги развития / Н. Ф. Глазовский // Природопользование и устойчивое развитие: мировые системы и проблемы России. — М.: Тов-во научных изданий КМК, 2006.
12. Макконелл, К. Р. Экономика / К. Р. Макконелл, С. Л. Брю. — М., 1992.
13. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. — М.: Прогресс, 1980. — 302 с.
14. Реймерс, Н. Ф. Экология. Теория, законы, правила, принципы и гипотезы / Н. Ф. Реймерс. — М., 1994.
15. Наше общее будущее: докл. Международной комиссии по окружающей среде и развитию. — М., 1989.
16. Глушенкова, Е. И. Концепция устойчивого развития в контексте глобализации / Е. И. Глушенкова // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 6. — С. 66–79.
17. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития/ООН. Генеральная Ассамблея. — 4 августа 1987 г. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>
18. Ресурсный потенциал экономического роста. — М.: Издат. дом «Путь России»; ЗАО «Издат. дом «Экономическая литература», 2002. — 568 с.
19. Наука, технологии и инновации России — 2013: крат. стат. сб. / гл. ред. Л. Э. Миндели. — М.: ИПРАН РАН, 2007–2013/И. В. Зиновьева, С. Н. Иноземцева, Л. Э. Миндели [и др.] — 2013. — 90 с.
20. OECD Economic Outlook 91 long-term database. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/real-gross-domestic-product-forecasts_gdp-kusd-gr-table
21. Клейнер, Г. Б. Экономический рост в России: микроэкономические факторы и ограничения / Г. Б. Клейнер. — URL: <http://kleiner.ru/arpab/0004.html>
22. International Standart Industrial Classification of Aii Economic Activities. Rev. 3.1 // Statistical Papers, Series M. — 1989. — № 4.
23. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013: стат. сб. — М.: Росстат, 2013.
24. FAO. URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/ru>

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

Б. В. Корнейчук¹

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Проблема взаимосвязи демократии и экономического развития в последние десятилетия находится в центре внимания экономистов всего мира, поскольку непосредственно затрагивает важнейшие аспекты формирования экономической стратегии государства. Внимание к ней возросло в период глобального кризиса 2008–2010 гг., который привел к усилению роли государства в развитых странах. Кроме того, традиционная либеральная трактовка демократии как необходимой основы экономического развития была опровергнута в Китае, в Чили в период правления Пиночета и ряде других стран. Ее особая актуальность очевидна для России, где до сих пор не сформированы устойчивые институты демократии, и вопрос о характере дальнейшего развития страны остается открытым.

Вопросы о роли демократии в экономическом развитии затрагиваются в научных работах авторов различных направлений: от либеральных экономистов (А. Аузан, В. Мау) до сторонников плановой экономики (С. Губанов, Р. Кучуков, Д. Миропольский, В. Рязанов), но ни те, ни другие не уделяют должного внимания этому общественному институту.

А. Аузан относит к базовым общественным институтам государство, собственность и право, а термин «демократия» упоминает лишь дважды, да и то между делом. Он пишет о политике либералов в 1990-е гг., в результате которой «... наступало естественное разочарование в демократии, потому что демократия приводила к холостому ходу», и замечает, что в тоталитарном сталинском обществе был *очень мощный* механизм общественного договора, а Сталин создал *очень мощный* менеджмент [2, с. 61, 64, 70, 74, 140]. Объяснение такой не совсем обычной для либерального экономиста позиции о роли демократии мы находим в изложенной им концепции «колеи», или неисправимой ошибки первоначального институционального выбора. Автор разделяет мнение, что Россия выбрала «неправильный» путь развития в XIV–XV вв., когда зарождались институты самодержавия и крепостничества, а затем придумала способ «осуществлять прогресс», не расширяя свободы. Из-за этой фатальной ошибки в современной России вооруженные силы остаются формой крепостничества со своими вариантами барщины и оброка, а отношения гастарбайтеров с нанимателями напоминают крепостнические. Такая позиция исключает демократию из числа значимых факторов экономического развития, поскольку, согласно ей, чрезвычайно сложно (или даже невозможно) изменить вектор развития России с недемократического на демократический. Предлагаемая автором концепция модернизации напрямую не связана с демократизацией общества, он допускает возможность в России модернизации без демократизации, в том числе авторитарного типа. Вывод автора о том, что «... формула национальной модернизации в России должна быть уникальна», также говорит об исключении им из базовых ценностей модернизации принципов демократии, которые по-

¹ Борис Васильевич Корнейчук, профессор кафедры экономической теории СПб филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», д-р экон. наук, e-mail: bkorneychuk@hse.ru

служили универсальной и общепринятой основой прогрессивных преобразований в развитых странах [2, с. 123–125, 131, 136].

Сходный подход к анализу экономической истории России, основанный на предположении о некоем институциональном дефекте, изложен в книге В. Мау «Реформы и догмы». Автор стремится доказать, что негативным фактором экономического развития издавна служит укоренившаяся в общественном сознании плановая догма, или плановый фетишизм. Так, реализация Николаем I принципов консервативной аграрной монархии привела к замораживанию экономической структуры, введению новых политических ограничений, формированию нетворческого типа образования, ограничению контактов с Западом, а распространение антилиберальной философии в правление Александра III способствовало усилению экономической роли государства в последние два десятилетия XIX в. [6, с. 17, 48, 59].

Принятую автором за основу дилемму «план или рынок», находившуюся в центре внимания еще советских экономистов, не надо увязывать с дилеммой «демократия или тоталитаризм», поскольку соотношение плановых и рыночных элементов экономики может регулироваться как демократическими, так и иными механизмами, что показывает пример Китая. Так, по Дж. Гэлбрейту, в условиях демократии неизбежно начинает доминировать плановая система, которая оказывается эффективнее рынка в ряде сфер экономики [5]. Поэтому отрицательное отношение к плановому фетишизму нельзя отождествлять с позитивной оценкой демократии как определяющего фактора развития. Важно не то, какой тип экономического устройства выбран, а каким способом он выбран: демократическим или централизованным. Если большинство населения на свободных выборах выступит за доминирование плановых начал в экономике, то такое решение и следует считать общественно оптимальным на данном этапе исторического развития. Как писал Э. Фромм, «... если момент планирования в высших эшелонах власти не будет поддержан инициативой снизу, если поток общественной жизни не будет расти, то плановая экономика в конце концов окажется всего лишь новой формой манипулирования народом» [9, с. 351]. Таким образом, способ формирования политической власти выступает первичным фактором по отношению к характеру экономической политики и соотношению в ней плановых и рыночных элементов.

Однако В. Мау, например, фактически не затрагивает проблему демократизации современной политической системы. Даже сам термин «демократия» не встречается ни в предварительных замечаниях, ни во введении, а в заключении он используется лишь при оценке власти большевиков, отрицавших «любые формы демократии и либерализма» [6]. Позицию автора о роли демократии не проясняет его итоговый вывод о том, что либерализм и этатизм как два типа экономической политики будут сменять друг друга и в дальнейшем. Это утверждение лишь констатирует наличие в каждом обществе правых (либерализм) и левых (этатизм) ценностей, которые в условиях демократии приходят к гармоничному сосуществованию благодаря свободной конкуренции политических сил. В заключение В. Мау предостерегает от опасности превращения любой популярной доктрины в догму и появления очередного «символа веры». Однако он не раскрывает исторические предпосылки формирования такого рода догм, в то время как, по нашему убеждению, «плановый фетишизм» мог сохраняться в советском обществе только благодаря тоталитарному режиму. Реальная проблема заключалась в отсутствии демократии, а живучесть «плановой догмы» (на чем автор делает акцент) — это в значительной степени следствие тоталитаризма. В итоге позиция автора о взаимосвязи демократии и экономического развития осталась неясной, она лишь иллюстрируется отдельными замечаниями, в частности, о конфликте между укреплением политических институтов, восстановлением порядка, «вертикали власти» и снижением темпов экономического роста [6, с. 444, 450, 457]. В целом, автор, сделав шаг в направлении синтеза экономики, идеологии и политики, остановился на полпути, не исследовав роль демократии в процессе экономического развития. С учетом названия книги ему следовало ответить на вопрос, относит ли он ценности

демократии к преходящим «догмам» или же к абсолютным ценностям, не зависящим от текущей экономической политики, будь она либеральной или плановой.

Невнимание либеральных экономистов к вопросам влияния демократии на экономику можно объяснить очевидностью для них этой причинно-следственной связи. Что касается авторов марксистского направления, то в их работах данная проблема также не занимает значимого места, но уже по причине принципиального отрицания демократии как возможной основы общественного устройства. Действительно, тезис Маркса о диктатуре пролетариата провозглашает заранее известной ту политическую силу, которая с точки зрения интересов общества должна находиться у власти: это рабочий класс, поэтому иные подходы к проблеме власти рассматриваются марксистами как вредные, враждебные общественному развитию.

В последние годы в российской экономической литературе популярна доктрина «новой индустриализации», авторы которой предложили концепцию перехода к плановой экономике на основе положений марксизма. Закономерно, что предложенный план «советизации» экономики подразумевает ограничение механизмов демократии. Так, В. Рязанов рассматривает программу неоиндустриализации как «мегапроект» со сроком реализации не менее 10...15 лет, который «... не вписывается в сроки избирательных компаний (5–6 лет), объективно мешая политической элите ориентироваться на столь длительный период, превышающий срок действия ее властного мандата». Выборные лица, считает он, в своей деятельности в большей степени ориентированы на краткосрочные результаты, которые в текущей политической борьбе приобретают решающее значение [8, с. 29]. Иными словами, предлагается минимум в два раза увеличить сроки полномочий выборных органов, что приведет к замораживанию демократического процесса. В целях создания правовой основы для сужения демократии сторонники доктрины подвергают критике одну из базовых норм Конституции РФ, согласно которой никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (п. 2 ст. 13). Однако А. Амосов предлагает в качестве таковой идеологию «неоиндустриализации», поскольку убежден, что «... большинство граждан России поддержат курс на реализацию сформулированных общенациональных идей борьбы за экономическую политику подъема на основе новой индустриализации» [1, с. 40].

Принцип «вождизма», включенный авторами в доктрину «неоиндустриализации», наиболее наглядно демонстрирует ее недемократичность. В учебном пособии для студентов экономических вузов группа авторов развивает теорию «планового человека» с доминирующей «государственной мотивацией», выделяя два его типа — лидер и аутсайдер, причем «... аутсайдер подчиняется руководству со стороны лидера лишь в том случае, если лидер выступает как вождь всего государства». При этом подчеркивается тесная связь «вождя» и «бюрократии»: поскольку у бюрократии «... гораздо больше ресурсов для совершенствования производства, чем у отдельного бизнесмена, поэтому она (и особенно вождь) ощущает себя более могущественной и цельной» [7, с. 185, 297].

В контексте проблемы влияния института демократии на экономическое развитие нами выделен вопрос взаимосвязи демократии и экономической модернизации.

Термин «модернизация» появился в экономической науке относительно недавно, его введению в научный оборот способствовала теория Зигмунда Баумана, который выделил в истории человечества два основных периода: «твердого модерна» и «жидкого модерна» [3]. «Твердый модерн» отвечает индустриальной стадии развития общества, когда наивысшей ценностью капитальных благ служит их способность сохранять свои производственные качества на протяжении длительного времени. Прочность моста, долговечность станка, физическая сила человека — таковы ценности «твердого модерна». На стадии «мягкого модерна» наивысшей ценностью становится способность капитальных средств постоянно меняться, обновляться, совершенствоваться. Все большую роль в экономике играют перенастраиваемые станки, гибкость ассортимента товарного выпуска, способности работника к обучению, со-

вершенствованию, творчеству. Иными словами, общество «жидкого модерна» характеризуется постоянным обновлением общественных институтов, технологий, знаний, властных органов. Отсюда следует, что сущностным содержанием категории «модернизация» является не разовая реформа общества, а механизм постоянного прогрессивного изменения, обновления его базовых элементов. Вместе с тем в большинстве работ по модернизации под этим термином понимается именно реализация некоторой программы изменений, т. е. предлагается «программный подход» к модернизации.

Программный подход к экономическим реформам сформировался в советский период, когда в условиях неизменности, предопределенности, жесткости условий общественной жизни требовалось провести некоторые изменения в хозяйственном механизме. Создавались программы электрификации, индустриализации, мелиорации, продовольственная, жилищная и многие другие, которые реализовывались в режиме «ручного управления». И хотя советские принципы регулирования экономики показали неэффективность программного подхода, они все еще оказывают заметное влияние на работы экономистов различных направлений, а понимание модернизации как механизма постоянного саморегулирования хозяйства, противостоящего методам ручного управления, еще прочно не утвердилось в российской экономической среде. Отсюда нечеткость трактовки модернизации у разных авторов. Так, А. Аузан рассматривает модернизацию как противоположность застою, а это не исключает ручного, недемократичного регулирования экономического развития по китайской модели. Для разработки некой уникальной национальной формулы модернизации автор предлагает найти «... неповторимое сочетание формальных институтов, которые мы можем вводить более или менее сознательно, с институтами неформальными, которые свойственны ровно этой стране, связаны с ценностями этой страны» [2, с. 129–131]. В данной формулировке не выделена определяющая роль универсальных ценностей демократии, а акцент на национальных особенностях делает ее совместимой с некоторыми одиозными концепциями «особого русского пути». По нашему убеждению, отсутствие в концепции модернизации прямого указания на определяющую роль демократических ценностей и механизмов делает эту категорию аморфной, малосодержательной, не отвечающей ее изначальному смыслу, заложенному в концепции Баумана.

Черты программного подхода заметны в книге В. Мау, который видит главную задачу постиндустриальной модернизации в проведении глубокой структурной трансформации, причем прилагательное «глубокий» явно указывает на разовый характер предлагаемой модернизации. Но дальше автор говорит уже о важности стратегии постоянной структурной модернизации, при которой «... власть готова защищать политическими (в том числе внешнеполитическими методами) всех, кто добивается успеха в мировой конкуренции». Тем самым он признает центральную роль государства в процессе модернизации и, даже говоря о важности гибкости и адаптивности системы, способности агентов быстро и адекватно реагировать на вызовы времени, не упоминает демократию [6, с. 443–448]. А разве каким-либо иным способом можно обеспечить эту адаптивность? Предлагаемые различными экономистами концепции модернизации обычно «завязаны» на доминирующую роль государства, что, на наш взгляд, демонстрирует живучесть советских традиций взаимодействия экономической науки и власти.

Последователи марксизма понимают модернизацию прежде всего как масштабную национализацию и переход к директивной экономике, что означает возврат к ручным методам управления и исключает развитие институтов демократии. Так, один из создателей доктрины «новой индустриализации» С. Губанов пишет: «Чтобы наверстать упущенное в социально-экономическом развитии, России нужно форсировать межотраслевую консолидацию собственности. Целесообразнее всего перейти на поступь плановых пятилеток...» [4, с. 13]. Таким образом, трактовка модернизации современными марксистами противоположна первоначальному ее определению как базового принципа «жидкого модерна», обеспечивающего постоянное

и бесконфликтное обновление институтов на основе механизмов демократии, поэтому такая «модернизация» является по сути антимодернизацией. Особенностью марксистских концепций модернизации является их изоляционистский характер, предопределенный базовым тезисом Маркса о диктатуре пролетариата. Поскольку пролетариат берет власть навечно, он вынужден создавать идеологические, административные и экономические барьеры, препятствующие проникновению в общество идей демократии, что неизбежно приводит к целенаправленной международной изоляции страны. Примером изоляционистской направленности реформ служит предложение отдельных российских экономистов отказаться от доллара, что поставит под угрозу валютные вклады населения, которые в марте 2014 г. превышали 90 млрд долларов. Фактически речь идет о политике «валютного раскулачивания», которая может привести к таким же серьезным социальным конфликтам, как сталинская коллективизация. Понятно, что при развитой демократии ни одна политическая партия не получила бы поддержки избирателей на проведение конфискационной «модернизации».

Теоретические основы проблемы «демократия и экономика» лежат в современной теории постиндустриального общества, которое также характеризуют как информационное (М. Кастельс), индивидуализированное (З. Бауман), постэкономическое (В. Иноземцев), общество риска (У. Бек), общество третьей волны (Э. Тоффлер). Во всех концепциях «нового общества» во главу угла поставлен переход от экономики простого, исполнительского труда к экономике личностного творчества, что коренным образом преобразует все общественные институты, в том числе политические. В индустриальной экономике характер общественной жизни предполагал существование немногочисленных центров власти: царь, министры, губернаторы, дворяне и т. д. В постиндустриальной экономике деятельность человека в различных сферах общественной жизни требует принятия творческих самостоятельных решений, т. е. человек объективно становится субъектом экономической, общественной и политической власти.

Таким образом, властные полномочия в современном обществе все в большей степени децентрализуются, усиливая потенциальное влияние каждого человека на экономическое развитие страны. Это влияние не может быть реализовано иначе как посредством выборов, на которых избиратели теперь выступают, скорее, как квалифицированные эксперты предлагаемых политиками экономических программ, а после выборов — и как их творческие исполнители. В этой ситуации принципиально важно, чтобы реализуемая властью экономическая программа была поддержана большинством избирателей, которые своими творческими (а потому неподконтрольными) действиями могут либо ей содействовать, либо затормозить, сделать невыполнимой. С точки зрения институциональной теории демократия есть механизм, который в условиях ускоряющегося развития постиндустриального общества позволяет оперативно приводить в соответствие более динамичные неформальные институты и консервативные формальные (оформленные в законы и другие обязательные нормы), тем самым предупреждая возникновение глубоких социальных конфликтов и опасных экономических диспропорций.

Проблема коррупции, тесно связанная с проблемой «демократия и развитие», требует отдельного исследования. Здесь мы лишь заметим, что уровень коррупции служит объективным и наглядным критерием зрелости института демократии. В условиях развитой демократии высока вероятность разоблачения, увольнения и общественного порицания чиновников-взяточников, что обеспечивается наличием достаточных организационных, финансовых и медийных ресурсов у оппозиционных политических сил. Отсутствие же сильной оппозиции существенно снижает риск разоблачения для взяточников и ведет к росту коррупции. Высокий уровень коррупции в России служит дополнительным аргументом в пользу проведения широких исследований проблемы взаимосвязи демократии и экономического развития.

Список литературы

1. *Амосов, А.* Новая индустриализация: связь политики и идеологии / А. Амосов // *Экономист*. — 2013. — № 8. — С. 33–40.
2. *Аузан, А.* Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь / А. Аузан. — М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2014.
3. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман. — М.: Логос, 2002.
4. *Губанов, С.* Системный выбор России и уровень жизни / С. Губанов // *Экономист*. — 2011. — № 11. — С. 3–55.
5. *Гэлбрейт, Д.* Новое индустриальное общество / Д. Гэлбрейт. — М.: Изд-во АСТ, Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004.
6. *Мау, В.* Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929) / В. Мау. — М.: Дело, 2013.
7. Основы теоретической экономики / под ред. Д. Миропольского. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008.
8. *Рязанов, В.* Время для новой индустриализации: перспективы России / В. Рязанов // *Экономист*. — 2013. — № 8. — С. 3–40.
9. *Фромм, Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. — Минск: Харвест, 2003.

И. В. Югова¹

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ НА РЫНКЕ ЖИЛИЩНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

С переходом российской экономики в посткризисный период изменились институциональные условия функционирования отраслевых рынков. Во время кризиса мелкие организации ушли с рынка, выжили сильнейшие, имеющие развитую материальную базу и значительные конкурентные преимущества. Особое внимание привлекают организации, имеющие большую долю на рынке, деятельность которых тесно сопряжена с функционированием смежных рынков. Эти организации блокируют развитие конкуренции и конкурентной среды, что ведет к повышению концентрации и изменению типа рыночной структуры рынка: конкурентные рынки переходят в состояние олигополии, а олигополистические — в состояние монополии. Наиболее остро проблемы формирования конкурентной среды проявились на рынке жилищных инвестиций. *Конкурентная среда* представляет собой условия, в которых производители товаров и услуг ведут борьбу за потребителя, поставщиков, партнеров и положение на рынке. Конкурентная среда определяет характер взаимоотношений продавцов (производителей) и степень их соперничества за долю на рынке. Она отражает состояние рынка в определенный период времени. В современной России проблема развития конкурентной среды стоит довольно остро, особенно на локальных рынках, вхождение на которые новых игроков затруднено в силу сложной институциональной структуры рынка.

Рынок жилищных инвестиций — это специфический товарный рынок, объектом экономических отношений на котором являются инвестиции в производство, распределение, обмен и реновацию, т. е. в процесс обновления жилых зданий, восстановления их потребительских свойств путем замещения выбывших в результате износа. Рынок жилищных инвестиций (РЖИ) можно условно разделить на рынки реновационного (1) и обменного (2) типа (рис. 1). Инвестиции реновационного типа представляют собой инвестиции в новое жилье и в улучшение потребительских качеств жилья. Инвестиции в новое строительство, модернизацию, реконструкцию, капитальный ремонт и реставрацию жилых зданий обеспечивают производство и восстановление жилищного фонда. Жилищные инвестиции обменного типа — это инвестиции в покупку существующего жилья, составляющие основу обменных процессов на вторичном рынке жилья [1].

На рынке жилищных инвестиций реализуются взаимоотношения субъектов различных региональных рынков, прежде всего рынков капитала, земли, строительного и рынка жилой недвижимости. Движение инвестиционных ресурсов (капитала) составляет содержание инвестиционной деятельности в жилищной сфере как совокупности практических действий субъектов по осуществлению различных форм инвестиций.

Мониторинг уровня конкуренции, выполненный автором на основе расчета коэффициентов концентрации на различных сегментах рынка жилищных инвестиций г. Томска (Сибирский федеральный округ), показал, что наихудшие условия для развития конкуренции сложились на первичном рынке жилой недвижимости. В докризисный период уровень концентрации снижался. Это в значительной степени обусловлено высоким уровнем доходности и инвестиционной

¹ Ирина Владимировна Югова, соискатель степени канд. экон. наук Томского государственного архитектурно-строительного университета.

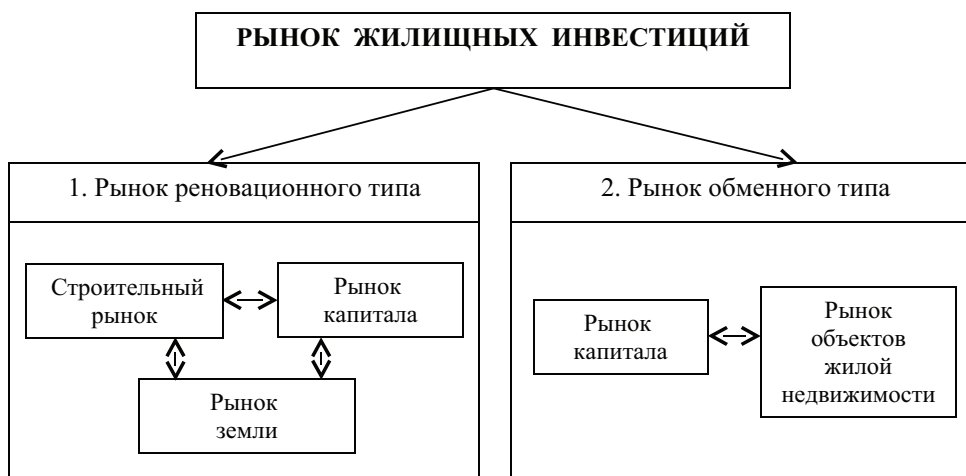

Рис. 1. Место рынка жилищных инвестиций в структуре региональных рынков

привлекательностью рынка жилой недвижимости, о чем свидетельствуют индекс Херфиндаля — Хиршмана и другие показатели концентрации (рис. 2). В период кризиса индекс концентрации повышался, некоторые компании, испытывающие финансовые затруднения, значительно сократили объемы строительства, другие объявили себя банкротами. По результатам расчета показателей концентрации и анализа данных по вводу жилья² можно сделать вывод, что сегменты рынка жилищных инвестиций имеют различные типы рыночной структуры. Первичный рынок жилья является олигополистическим: количество продавцов здесь ограничено, доминируют две-три крупные компании, которые определяют всю ценовую и техническую политику на рынке. Вторичный рынок — это конкурентный рынок, на котором функционирует много продавцов и покупателей. Более того, для отдельных сегментов рынка жилищных инвестиций характерны разные типы рыночной структуры — от монополии и монополии до конкуренции.

Собственно конкуренция и оценка рыночной концентрации на товарных рынках достаточно хорошо изучены, а институциональные условия развития конкурентной среды, нормы и правила

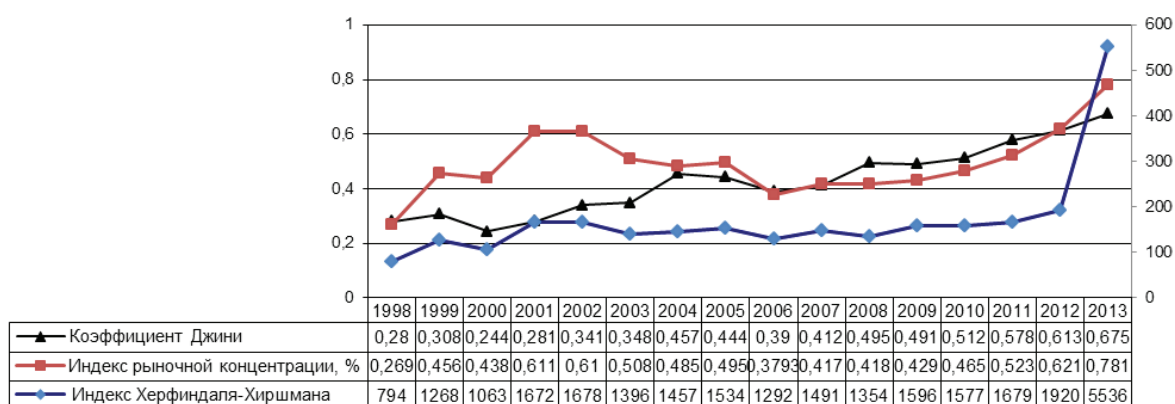

Рис. 2. Динамика показателей концентрации рынка.

² Данные предоставлены Департаментом строительства и архитектуры г. Томска.

поведения, лежащие в основе рыночного взаимодействия субъектов олигополистического рынка, на наш взгляд, исследованы слабо.

Проблема создания адекватной конкурентной среды на РЖИ связана с институциональными ограничениями конкуренции, которые рассматриваются в рамках институциональной экономики и экономики отраслевых рынков. Развитие конкурентной среды регионального рынка жилищных инвестиций во многом зависит от деятельности институтов, функционирующих в экономике региона. Исследования институциональной среды отраслевых рынков осуществляли Р. Коуз, О. Уильямсон, Ж. Тироль, Дж. Стиглер и Р. Шмалензи. Среди российских ученых этой проблемой занимаются А. А. Аузан, С. Б. Авдашева, Н. М. Розанова и др.

О. Уильямсон под институтом понимал «механизмы управления контрактными отношениями» [2]. Основоположник институциональной экономики Д. Норт считал, что институты — это «... совокупность следующих наборов: а) ограничений в виде правил и предписаний; б) процедур для обнаружения отклонений от правил и предписаний; в) моральных, этических норм поведения, в пределах которых должны определяться как механизмы формирования правил и предписаний, так и механизм по осуществлению принуждения» [3].

Опираясь на классическое определение, можно сказать, что институциональная структура рынка жилищных инвестиций — это совокупность специфических институтов, позволяющих основным рыночным субъектам эффективно взаимодействовать в процессе инвестиционной деятельности как между собой, так и с субъектами смежных рынков, при этом снижаются риски и неопределенность экономической ситуации. На данном рынке, как и на большинстве товарных рынков, имеются формальные (внешние), неформальные (внутренние) институты и специфические, возникшие на данном рынке в силу его особенностей и отличий от других рынков. На РЖИ государство выступает как участник инвестиционных отношений и как вышестоящий орган, регулирующий движение инвестиционных ресурсов (капитала) субъектов рынка (рис. 3).

Особое место в институциональной структуре рынка жилищных инвестиций занимают институты, обеспечивающие развитие и поддержку конкурентной среды. Конкуренция как институт рынка определяет эффективность функционирования других негосударственных институтов рынка и помогает хозяйствующим субъектам правильно и своевременно реагировать на вызовы рынка.

Государство может эффективно регулировать процессы формирования конкурентной среды на РЖИ с помощью институтов государственного управления и регулирования, а также институтов саморегулирования [4]. Административные барьеры являются важнейшими институциональными механизмами, устанавливающими правила входа на рынок [5]. Они включают ограничения, защищающие потребителей от приобретения некачественной продукции, снижают возможности недобросовестного поведения участников рынка и обеспечивают адекватную конкуренцию. Однако ужесточение и превышение этих барьеров ведет к ухудшению конкурентной среды и способствует развитию неформальных институтов экономики, например коррупции.

Рынок жилищных инвестиций (в отличие от других товарных рынков) характеризуется высокими входными барьерами для производителей. Это объясняется высокой капиталоемкостью производственного процесса в строительстве. Длительный технологический цикл производства строительной продукции увеличивает срок окупаемости инвестиций, что могут позволить себе не все компании.

С 1 января 2010 г. для работы в сфере строительства, проектирования и инженерных изысканий необходимо вступить в саморегулируемую организацию (СРО) и получить допуск к определенным видам деятельности. Для некоторых мелких организаций приобретение такого допуска затруднительно. Необходимо установить различные размеры вступительного взноса в СРО для крупных и мелких компаний. Помимо общеизвестных барьеров существуют индивидуальные барьеры, связанные со строительством каждого конкретного объекта. Федеральный закон № 214-ФЗ [6] предоставляет застройщику право на привлечение денежных средств дольщиков только при на-

Рис. 3. Схема взаимодействия институтов РЖИ

личии документа о государственной регистрации застройщиком (инвестором) права собственности на застраиваемый участок или договора аренды такого участка, разрешения на строительство и проектной декларации.

Существует множество других барьеров: непрозрачность контрактной системы; неформальные требования административных органов к строительным компаниям в виде социальных обязательств (строительство детских садов, школ, больниц и т. д.). Сдерживает развитие конкурентной среды размер лотов при продаже земельных участков под жилую застройку, поскольку, выставляя на аукцион крупные земельные участки (в несколько гектаров), органы власти лишают малый и средний бизнес возможности приобретать участки под строительство. По нашему мнению, необходимо дробить земельные лоты на аукционах, чтобы право аренды могли приобретать разные компании.

Для функционирования жилых домов необходимо их подключение к источникам коммунальных ресурсов. Высокий уровень монополизации рынка энергетических, водных и других ресурсов ограничивает доступ к ним застройщиков.

Выводы

Создание благоприятных институциональных условий для развития конкурентной среды на рынке жилищных инвестиций необходимо для снижения рыночной концентрации. Адекватная институциональная среда будет способствовать развитию смежных рынков (строительных материалов, капитала и др.), а также формированию современной инфраструктуры. Наличие

развитой конкурентной среды экономически выгодно не только обществу, но и государству. Однако сложная институциональная структура и высокие административные барьеры входа на рынок ведут к недобросовестной конкуренции, появлению неформальных институтов, образованию олигополий и монополий.

Список литературы

1. *Овсянникова, Т. Ю.* Инвестиции в жилище / Т. Ю. Овсянникова. — Томск: Изд-во Томск. гос. архит.-строит. ун-та, 2005. — 379 с.
2. *Уильямсон, О. И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношения контрактации» / О. И. Уильямсон. — СПб.: Лениздат; CEVPress, 1996. — 702 с.
3. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М., 1997.
4. *Медовый, А. Е.* Институциональные основы системы предоставления услуг на рынке недвижимости / А. Е. Медовый // СИСП. — 2010. — № 3. — С. 123–127.
5. *Темякова, Т. В.* Влияние институциональной структуры экономики России на развитие ценовой конкуренции / Т. В. Темякова. Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/sr_econ/2011/2/8_2011_2.pdf
6. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156776

Н. А. Мамедова¹

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Законодательство России предусматривает механизм закрепления и реализации права осуществлять общественный контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок². Правом реализовать функцию общественного контроля наделены граждане, общественные объединения и объединения юридических лиц. Возникает ряд вопросов:

1. Какой из указанных видов субъектов обладает наибольшей текущей результативностью по реализации функции общественного контроля?
2. Какой из указанных субъектов имеет наибольший потенциал для решения задач общественного контроля — отдельная гражданская инициатива, общественное объединение или объединение юридических лиц?
3. Какова степень активности субъектов общественного контроля и факторы, ее обуславливающие?

Для ответа на первый вопрос выполним анализ активности деятельности указанных субъектов по всем направлениям общественного контроля: общественная экспертиза, общественное обсуждение, общественный контроль за размещением закупок. По последнему направлению есть наибольшее число формализованных данных, по которым можно судить об активности каждого субъекта. Это данные отчетности ФАС России и статистика Общероссийского официального сайта (ООС).

Таким образом, на данный момент для проведения анализа единственным перспективным направлением является общественный контроль за размещением закупок. Подача жалобы на действия заказчика (оператора электронной площадки) является наиболее развитым и перспективным инструментом общественного контроля в сфере размещения закупок. Процесс подачи жалобы представляет собой взаимодействие общественных контролеров (участников закупки) с уполномоченными контрольными органами в сфере закупок. ФАС России рассматривает жалобы и организует внеплановые проверки деятельности заказчика. По итогам 2013 г. подано 49723 жалобы, из них 72 % рассмотрены по существу и 29 % признаны обоснованными [1].

Высокий процент рассмотрения жалоб по существу говорит о качественном уровне претензий общественных контролеров (участников закупки) по пресечению нарушений, допущенных государственными заказчиками и операторами электронных площадок. По каждой из рассмотренных 35801 жалобы была проведена проверка. Это существенный результат, если учесть, что всего в 2013 г. ФАС провела 9048 проверок деятельности заказчика (не считая внеплановые проверки при рассмотрении жалоб) [1].

Согласно данным Реестра результатов контроля на ООС, было проведено 37130 внеплановых проверок (основание — рассмотрение жалоб). В сравнении с более скромными результатами

¹ Наталья Александровна Мамедова, доцент кафедры государственного и муниципального управления ВПО МЭСИ, канд. экон. наук, доцент, e-mail: nmamedova@mesi.ru

² Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

плановых (3116) и внеплановых (2312) проверок подача жалобы является самым результативным инструментом ведомственного контроля. При этом в 96 % случаев жалобы подавались в органы ФАС (всего 35801 жалоба), что в первую очередь обусловлено рекордными сроками их рассмотрения. Органы ФАС рассматривают жалобу по существу в течение пяти рабочих дней со дня, следующего за днем ее поступления, в отличие от общего порядка рассмотрения обращений граждан (в соответствии с п. 1. ст. 12 Федерального закона № 59-ФЗ срок рассмотрения письменного обращения составляет 30 дней со дня его регистрации).

В 2013 г. ФАС проверила 94851 закупку, выявив 15 % нарушений законодательства [1]. Проверки проводились в рамках подведомственности ФАС и не были инициированы ни субъектами общественного контроля, ни участниками закупок. По данным ООС, за 2013 г. было размещено 2457902 закупки (в статусе завершено и отменено), а ФАС проверила всего 94851 закупку, т. е. контроль охватил примерно 4 %. Если распространить показатель выявленных нарушений (15 %) на общую величину завершенных за 2013 г. закупок (2425229), то число закупок с невыявленными нарушениями законодательства составляет 363784. По сути, это — нереализованный потенциал общественного контроля за размещением закупок.

Согласно Реестру жалоб на ООС, за 2013 г. по 41957 жалобам, рассмотренным по существу³, было выдано предписание об устранении нарушений или отмене закупки в 42 % случаев (17541 жалоба). Это говорит о высокой обоснованности претензий. Но даже если предположить, что 100 % отмененных по предписанию контролирующих органов закупок были отменены в результате проверки, проведенной по основанию поданной жалобы, то в сравнении с общим числом размещенных закупок результат общественного контроля весьма незначителен. Даже если прибавить к этому значению закупки, по которым выдавалось предписание о ликвидации нарушений с последующей возможностью для заказчика завершить закупку, результативность общественного контроля в общем объеме закупок существенно не изменится. Этот показатель можно рассчитать примерно, поскольку по отдельной закупке может быть подано несколько жалоб. Но даже если принять, что одна жалоба соответствует одной закупке, то в общем числе закупок, размещенных за 2013 г. (2457902), доля закупок, по которым была подана жалоба (41957), составляет всего 1,7 %. Этот показатель также демонстрирует нереализованный потенциал общественного контроля за размещением закупок.

Таким образом, результаты реализации права обжаловать положения документации о закупке и действия (бездействие) заказчика или оператора электронной площадки весьма скромны в общем объеме размещенных закупок. При этом правом подавать жалобу на положения документации о закупке наделены участники закупки, общественные объединения и объединения юридических лиц, а правом обжаловать действие (бездействие) заказчика и иных субъектов жалобы — только участники закупки (п. п. 2, 3 ст. 105 44-ФЗ). Для целей настоящего исследования учитываются только жалобы на положения документации о закупке, поданные в контролирующие органы. Обжалование в судебном порядке не является областью интересов настоящего исследования. Итак, лицом, подающим жалобу, может быть как участник закупки, так и субъект общественного контроля. Для нашего исследования это имеет значение, поскольку важно, чей интерес представляет лицо, подающее жалобу: личный, ограничиваясь представлением жалобы как участник размещения закупки, права которого нарушены, или общественный, заключающийся в повышении профессионализма заказчиков и предотвращении коррупционных рисков в закупочной деятельности. Поэтому из дальнейшего анализа исключены жалобы, поданные участниками закупок, защищающи-

³ В расчете показателя не учитывались жалобы, которые были отозваны, возвращены (оформлены с нарушениями) или не относятся к компетенции контролирующего органа в сфере закупок.

ми исключительно собственные интересы. Граждане, не являющиеся участниками закупки, не указаны среди лиц, имеющих право подавать жалобы (п. 1 ст. 105 44-ФЗ), и тоже исключаются из дальнейшего анализа.

В выборку лиц, подававших жалобы, включены общественные объединения и объединения юридических лиц, деятельность которых характеризуется следующими признаками:

1. Лицо, подавшее жалобу, не является участником закупки, в отношении которой он подает жалобу (функциональное ограничение).

2. Жалоба подается не по территориальному признаку. Масштаб деятельности лица, подавшего жалобу, распространяется на всю территорию государства; отсутствует концентрация (присутствует незначительная концентрация) по признаку «подача жалобы по месту нахождения (регистрации)» (территориальное ограничение).

3. Жалоба подается не в прямом соответствии с характером деятельности лица, ее подавшего. Учитывается некоммерческий характер основных целей деятельности при соотношении предмета обжалуемой закупки и характера деятельности лица, подавшего жалобу (ограничение по характеру деятельности).

Источником информации для выборки являются данные Реестра жалоб ООС за 2013 г., параметры выборки следующие:

1. Параметры закупки — наименование, субъект жалобы, наименование органа, рассматривающего жалобу, — значения не имеют.

2. Дата поступления жалобы — с 01.01.2013 по 31.12.2013.

3. Учитываются только принятые к рассмотрению и рассмотренные жалобы.

4. Учитываются следующие типы решений по жалобе: признана обоснованной; признана обоснованной частично; признана необоснованной; не относится к компетенции контрольного органа в сфере закупок; отозвана.

Учитывались только жалобы, поданные общественными объединениями и объединениями юридических лиц. Правильность определения принадлежности проверялась в соответствии с данными Единого государственного реестра юридических лиц на портале egrul.nalog.ru по сведениям об основных и дополнительных видах деятельности. Также по сведениям о юридическом лице проверялись данные о наличии (отсутствии) признаков по территориальному ограничению и ограничению по характеру деятельности. Наличие (отсутствие) признаков функционального ограничения проверялось путем соотнесения сведений о лице, подавшем жалобу, и сведений об участниках закупки в соответствии с протоколом проведения закупки. Минимальное количество учитываемых для анализа жалоб — две (для возможности проверки результатов выборки на наличие (отсутствие) принятых ограничений).

Выборка показала, что из общего числа рассмотренных жалоб (45418) 1,1 % был подан общественными объединениями, 0,02 % — общественными объединениями юридических лиц. Эти данные свидетельствуют о низком показателе вовлеченности субъектов общественного контроля в процесс размещения государственных закупок. Отсюда следует, что на данном этапе общественный контроль не является системообразующим фактором развития контрактной системы в России. Практика реализации функции общественного контроля не выходит за пределы индивидуальных обращений по защите нарушенных прав и интересов отдельных участников закупки.

Наибольшую активность среди субъектов общественного контроля проявляют общественные организации. Это вполне закономерно, поскольку объединение граждан в добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование способно консолидировать их инициативу для реализации общих целей. Именно общность интересов инициативных граждан формирует базовые условия для учреждения юридического лица. Однако наиболее результативный субъект

вовсе необязательно демонстрирует наличие достаточного потенциала для решения задач общественного контроля. Какой же из указанных видов субъектов имеет наибольший потенциал?

В России существуют объединения юридических лиц. Таких объединений немного, и возможности их GR-менеджмента в первую очередь обусловлены прямой заинтересованностью государства во взаимодействии, тем не менее они оказывают влияние на развитие государственной политики в сфере закупочной деятельности. Примером успешного взаимодействия является разработка и апробация действующего федерального закона 44-ФЗ, в рамках которого реализуются механизмы проведения общественных обсуждений, мониторинг общественного мнения, а также включение членов объединения юридических лиц в состав комитетов Государственной Думы РФ и экспертного совета при Правительстве РФ. Однако нельзя утверждать, что общественные организации в форме объединения юридических лиц являются оптимальным субъектом общественного контроля в сфере закупок в силу ряда причин. Во-первых, общественный контроль — это только одно из направлений их деятельности, поэтому оперативное проведение мероприятий общественного контроля осложняется необходимостью санкционирования этих действий руководством объединения юридических лиц. Во-вторых, в процессе создания и функционирования объединений юридических лиц участвуют органы государственной власти и управления. Фактически нельзя утверждать, что эти объединения представляют общественную оппозицию действующей системе государственного управления, наоборот, деятельность объединения юридических лиц направлена на тесное взаимодействие, лоббирование своих интересов при реализации государственной политики. В этом случае не возникает иллюзий относительно того, чей (общественный или государственный) административный ресурс является более действенным и приоритетным. Взаимодействие таких неравных партнеров неизбежно вызывает риск утраты более слабым партнером независимости в выражении своей позиции.

Инициатива отдельных граждан направлена на решение индивидуальных запросов и гораздо реже — запросов группы граждан. Источником инициативы является осознанная необходимость восстановления нарушенных прав (свобод) посредством обращения в органы власти и управления. Следовательно, пределы такой инициативы ограничены сложностью и длительностью решения индивидуального или коллективного запроса на восстановление нарушенных прав (свобод).

Получается, что *общественное объединение* как форма изъясления воли, мнения, позиции группы граждан *является самой жизнеспособной формой* проявления и демонстрации гражданской позиции. Граждане объединены общей идеей — для общественного контроля в сфере закупок такой идеей является борьба с коррупцией. Объективно общественное объединение имеет более гибкую структуру, чем объединение юридических лиц, и способно эффективно выполнять оперативные задачи даже в рамках масштабных проектов. Безусловно, возможности их GR-менеджмента не столь широки, но и риски потери независимости незначительны, что делает их оптимальным субъектом общественного контроля в сфере закупочной деятельности. Таким образом, второй вопрос также решен.

Как показал анализ, степень вовлеченности субъектов общественного контроля в процесс планирования и размещения государственных закупок катастрофически низка. Причинами могут быть отсутствие законодательной и нормативно-правовой базы, регулирующей осуществление общественного контроля, и действующих механизмов его реализации, а также недостаток доверия общественности к политике государства в области регулирования контрактной системы.

Правовая база в этой сфере включает:

1. Гражданское законодательство, регулирующее порядок организации и функционирования общественных организаций.
2. Законодательство, регулирующее контрактную систему (порядок функционирования системы информационного сопровождения закупок, порядок общественного обсуждения закупок).

3. Законодательство, регулирующее порядок рассмотрения обращений граждан (юридических лиц).

Эта база несовершенна, поскольку механизмы, с помощью которых реализуются правовые нормы, недостаточно эффективны. Например, законодательно определен порядок проведения очного этапа общественного обсуждения крупных закупок, однако отсутствует механизм, не позволяющий государственному заказчику прямо или косвенно ограничить общественным контролерам доступ к месту проведения этого этапа. Еще пример: законодательно определен порядок работы электронной торговой площадки, однако информация о статистике ограничений площадкой доступа участников закупки к процедуре торгов недоступна для субъектов общественного контроля, т. е. область коррупционного риска выведена из внимания общественного контроля и т. д. Правовые механизмы нельзя апробировать виртуально. Апробацию проводят в пилотном режиме для отдельных регионов или в меньшем масштабе. Сейчас существует механизм общественного обсуждения крупных закупок. Сходную практику можно наблюдать при апробации отдельных институтов контрактной системы для семи пилотных проектов⁴ «Открытые закупки» в рамках программы Открытого правительства РФ.

Наиболее оптимистичным прогнозируемым результатом государственной политики должна стать активизация вовлечения граждан в сферу общественного контроля, что позволит нивелировать коррупционные риски деятельности государственных заказчиков. Это требует развития правовой базы и совершенствования механизмов регулирования государственных закупок. Безусловно, важным фактором является доверие общественности к политике государства в области регулирования контрактной системы. Гражданам необходима уверенность в последовательном выполнении государством программных действий по борьбе с коррупцией.

Оценить степень доверия общественности к государственной политике с помощью прямых методов невозможно из-за отсутствия методики такой оценки. Однако, интерпретируя косвенные показатели активности общественности, можно сделать некоторые выводы о готовности, заинтересованности и способности общественности осуществлять функцию контроля в сфере закупок. К таким показателям относятся степень активности участия в общественных обсуждениях крупных закупок, в выборных мероприятиях, а также активность подачи обращений в органы государственного управления.

Нормы об обязательном общественном обсуждении закупок вступят в силу с 1 января 2016 г. В 2014 и 2015 гг. общественному обсуждению подлежат закупки, если начальная (максимальная) цена контракта либо цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), превышает 1 млрд рублей. Каковы же результаты на данный момент? Анализ проводился по данным раздела ООС «Обсуждение крупных закупок» с учетом следующих параметров: стадия обсуждения — обсуждение завершено; цена контракта — от 1 млрд рублей; дата публикации извещения — с 01.01.2014 по 30.06.2014. Результат поиска по данным параметрам — 45 общественных обсуждений.

Анализ показал, что в 31 случае обсуждение проводилось по реальному предмету закупки, в 10 — в тестовом режиме, в 3 случаях информация о предмете закупки и ее позиции в плане-графике отсутствовала. Протокол проведения первого этапа обсуждения размещен на сайте в 100 % случаев. В 62 % случаев в протоколах присутствуют комментарии участников обсуждения, в 38 % случаев ни одного комментария не поступило. Количество комментариев по каждой отдельной закупке практически во всех случаях не превышало одного. В 40 случаях комиссией принято решение «продолжить подготовку к проведению закупки без учета результатов общественного

⁴ Перечень пилотных проектов: Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Красноярский край, Новосибирская область, Калужская область, Вологодская область, ГК Росатом. <http://xn-80afmfjaylox.xn-80abeamcuufxbhgound0h9cl.xn-plai/>

обсуждения». Таким образом, процент участия в первом этапе обсуждения достаточно высок, но количество участников в каждой отдельной процедуре весьма низкое. Уровень результативности участия неудовлетворительный, поскольку комментарии или не содержат критических замечаний (предложений) по закупке, или содержат юридически необоснованные замечания либо не учитывающие особенности закупочной деятельности заказчика.

По второму этапу следует отметить следующее. Надлежащее описание места, времени проведения публичных слушаний с указанием порядка регистрации и доступа к месту проведения указано только в 47 % случаев. В 80 % случаев на сайте размещен протокол проведения публичных слушаний. Анализ протоколов показал, что в 100 % случаев заявок на участие не поступало. В 6 случаях из 45 в протоколе зафиксированы комментарии участников, приглашенных на публичные слушания. В 33 случаях комиссия приняла решение «продолжить проведение закупки без внесения изменений в извещение об осуществлении закупки, документацию о закупке»; в трех случаях комиссия решила внести соответствующие изменения и лишь в одном — отменила определение поставщика (подрядчика, исполнителя). Таким образом, субъекты общественного контроля не принимали участия ни в одном публичном слушании (это следует из содержания протоколов второго этапа). Подчеркнем, что не во всех случаях заказчики надлежащим образом предоставляли сведения о порядке проведения публичных слушаний, что могло быть отмечено в обращениях субъектов общественного контроля в органы ФАС и иные контролирующие органы.

Активность субъектов общественного контроля могла быть выше, если бы не явные недостатки организации, выявленные в процессе анализа. Кроме того, для повышения активности участия в первом этапе обсуждения необходима предварительная регистрация пользователя на портале государственных услуг РФ. Отметим также недостаточный профессионализм субъектов общественного контроля и отсутствие механизма оплаты их участия в общественном обсуждении. Обобщение, анализ и разработка корректирующих механизмов — следующий шаг в развитии общественного обсуждения закупок.

Приведенные данные указывают на низкий уровень активности обращений (подачи жалоб) гражданами и юридическими лицами в контрольные органы на действия (бездействие) государственных заказчиков и операторов электронных площадок. Результативность общественной инициативы этого рода также является низкой [2]. Так, например, общее количество обращений, поступивших в устной, письменной форме и в форме электронного документа за май 2014 г. по тематическому блоку «экономика», составило 12176, из них 5479 — по предметам ведения РФ. По тематическому блоку «финансы» — 2423 обращения, часть из них — обращения по вопросам, связанным с общественным контролем в сфере закупок. Указать более точные данные невозможно, поскольку содержание обращений не подлежит опубликованию.

При этом данные статистики не учитывают степень удовлетворенности обратившихся по результатам рассмотрения обращений. Поэтому низкая активность может объясняться и недостаточной правовой грамотностью населения (граждане не могут самостоятельно подать обращение), и отсутствием уверенности в том, что инициатива действительно «запускает» механизм обеспечения (восстановления) гражданских прав и свобод.

Выбор следующего показателя — активности участия граждан в выборных мероприятиях — обоснован тем, что субъектами общественного контроля являются и граждане, и общественные объединения, и объединения юридических лиц, в то время как указанные некоммерческие организации также состоят из граждан (ст. 30 Конституции РФ). Право гражданина избирать и участвовать в референдуме также гарантировано Конституцией РФ (ст. 32), и этим правом гражданин пользуется один раз в несколько лет. Участие в мероприятиях общественного контроля предполагает вовлечение граждан, если не на постоянной, то на регулярной основе, что обусловлено объемом размещаемых закупок. Проявление обоих видов активности осущест-

вляется на безвозмездной основе и указывает на активную гражданскую позицию, на желание влиять на проводимую государством политику. Поэтому степень активности граждан в выборных мероприятиях можно сравнить с активностью субъектов общественного контроля.

Активность участия в выборных мероприятиях может быть интерпретирована с помощью оценки результатов выборов и опросов населения, проводимых независимыми центрами. В открытом доступе находятся только данные по выборам федерального уровня, которые и были использованы в нашем анализе. Оказывается граждане с большей активностью характеризуются повышенной агрессивностью и готовы активно проявлять свою гражданскую позицию. Каким же образом активные граждане с повышенным протестным потенциалом проявляют свою гражданскую позицию, и на что направлена их инициатива?

Исходя из представленных выше выводов, общественный контроль — удел равнодушных граждан, для которых характерны не только активная гражданская позиция, но и высокий уровень пассионарности. Именно поэтому они самостоятельно или через своих представителей осуществляют функцию общественного контроля, выражая свою гражданскую позицию. При этом должностные лица — государственные заказчики отождествляются с чиновниками, а государственные служащие и чиновники устойчиво ассоциируются с темой коррупции в обществе [4]. А если учесть, что согласно проведенному опросу [3], чиновники выведены из-под власти закона, функция общественного контроля рискует стать частью «крестового похода» против коррупции власти. В этом случае право выразить свою гражданскую позицию субъектами общественного контроля в сфере закупок будет реализовываться не для того, чтобы ликвидировать коррупционный риск и выявить преступный характер действия (бездействия) отдельных должностных лиц, а для того, чтобы выразить свой протест против политического режима в целом.

С другой стороны, активное осуществление функции общественного контроля может стать позитивной мобилизующей идеей, способной задействовать пассионарный потенциал граждан и привести к рациональному диалогу между обществом и государством. По мнению экспертов и по результатам опросов, на современном этапе у общества существует запрос на национальную идею (это связано с запросами на патриотизм и миссию русского государства в мире) [3]. Однако первичным следует считать запрос на эффективное государство и недовольство коррупцией.

К основным факторам, провоцирующим развитие негативных процессов, относятся: неразвитость практик борьбы с коррупцией (нет открытых системных сведений о результатах борьбы с коррупцией в сфере государственных закупок); недостатки судебного процесса и контроля за соблюдением законодательства в сфере государственных закупок (отсутствие уверенности в объективности и независимости судей и контролеров); недостатки механизма по работе с обращениями граждан и юридических лиц. Устранение этих факторов будет способствовать укреплению гражданского общества, единству политических приоритетов населения и государства и активизации общественного контроля как реального антикоррупционного механизма.

Выводы

1. В условиях становления и развития контрактной системы в сфере госзакупок общественный контроль пока не является системообразующим явлением. Это связано в том числе с рядом проблем, решение которых зависит не только от последовательности проводимой государством политики, но и от осознания обществом своих возможностей и потребности участвовать в управлении делами государства.

2. С учетом низкой степени вовлеченности субъектов общественного контроля в процессы реализации функции общественного контроля в сфере закупок возможно развитие ситуации по двум основным направлениям:

- реализация функции в контексте идеи борьбы с коррупцией через борьбу с чиновниками. Нам это направление представляется тупиковым, поскольку его прямым следствием является нарушение связи общество — государство;

- реализация функции общественного контроля в контексте идеи создания общественного регулятора для построения сильного государства.

Для выбора правильного направления государство должно принять во внимание происходящие процессы и учесть факторы активизации общественного контроля в проводимой политике для повышения значимости его роли в контрактной системе в сфере закупок.

Список литературы

1. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации. Подготовлен Федеральной антимонопольной службой. 2014 год. — http://fas.gov.ru/about/list-of-reports/list-of-reports_30086.html (дата обращения 01.08.2014).

2. Управление по работе с обращениями граждан и организаций Администрации Президента РФ: информационно-статистический обзор рассмотренных в мае 2014 года обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации./ <http://news.kremlin.ru/media/letters/digests/41d4e7fdc37ac28bfa67.pdf> (дата обращения 30.06.2014).

3. Комитет гражданских инициатив: докл. экспертов Фонда «Центр стратегических разработок» «Новое электоральное равновесие: среднесрочный тренд или «временное затишье»/ <http://komitetgi.ru/upload/iblock/1b6/1b6c5d0db28b00a5a32beb066957cd10.pdf> (дата обращения 08.08.2014).

4. Коноваленко, И. В. «Служащий/чиновник/депутат» в наивной картине мира российского гражданина/И. В. Коноваленко//Политическая лингвистика. — Екатеринбург. — 2011. — Вып. 2 (36). — С. 121–124.

*Н. А. Шленов*¹

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Строительная отрасль современной России характеризуется экономической и организационной обособленностью строительных предприятий от государственных управленческих структур, общественных объединений и друг от друга, а также отсутствием достаточной, систематизированной и объективной информации о фактическом состоянии дел в отрасли в целом и в разных группах предприятий (крупных, средних, малых). Экономические школы России не предложили научно обоснованных подходов к решению проблем организационного объединения, увеличения мощностей и управления развитием строительных предприятий. Отчасти поэтому правительство России и власти регионов занимаются созданием и реализацией программ развития без учета реального состояния различных групп строительных предприятий и их возможностей. Введение в конце 2008 г. института саморегулирования привело к тому, что руководящие позиции в СРО и НОСТРОЙ заняли представители крупного строительного бизнеса и чиновники. СРО сосредоточили свою деятельность на выдаче свидетельств о допуске к строительным работам и контроле за квалификацией своих членов, т. е. на бюрократической работе, и не приступили к важной практической деятельности по объединению, защите и реализации интересов своих основных членов. Информация о деятельности строительных предприятий доводится до строителей и населения в обобщенном виде, что не позволяет понять реалии происходящего в строительной отрасли и создает иллюзию некоторого благополучия. Наиболее наглядно низкая эффективность подхода к управлению строительной отраслью как к управлению только развитием территорий без организационного объединения и управления развитием самих строительных предприятий, а также ошибки системы саморегулирования и их последствия видны на региональном уровне.

Нижегородская область по эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации за 2013 г. вошла в число 20 регионов-лидеров (15-е место) и находится в пятерке лидеров по уровню и динамике развития экономики за трехлетний период [4]. По данным Минрегиона России, инвестиционный потенциал области постоянно растет [3].

Организационная структура строительной отрасли Нижегородского региона (как и любого другого) представлена четырьмя самодостаточными и условно независимыми на данном этапе группами организаций. Это органы управления регионом, которые оказывают или могут оказывать воздействие на предприятия и отрасль в целом для решения инвестиционно-строительных задач; СРО строителей, осуществляющие допуск предприятий на строительный рынок; общественные организации строителей и строительные предприятия, которым необходимо понимание общих целей, возможностей развития своих организаций и управление взаимодействием.

¹ *Николай Александрович Шленов*, председатель совета директоров, директор по развитию ООО «Гидроэнергострой», аспирант Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, e-mail: nikolay.akh76@yandex.ru

К органам управления относится правительство региона, в составе которого министерство строительства должно управлять строительной отраслью и решать следующие задачи:

1. Формирование и реализация государственной политики, государственное управление, определение приоритетных направлений развития строительного комплекса и промышленности строительных материалов на территории области.

2. Создание правовых и экономических основ эффективного и устойчивого функционирования и развития организаций строительного комплекса и промышленности строительных материалов.

3. Повышение эффективности деятельности организаций строительного комплекса и промышленности строительных материалов путем содействия внедрению инноваций, прогрессивных технологий (в том числе ресурсосберегающих), современных методов управления и повышения профессионального уровня кадров.

На территории области работают 10 СРО строителей, 4 из которых имеют нижегородскую регистрацию, а 6 являются представительствами СРО других регионов (Москвы, Саратова, Омска, Санкт-Петербурга). По неофициальным данным Союза нижегородских строителей и СРО НП «Объединение Волго-Вятских строителей», в 2013 г. в нижегородских СРО находилось 967 строительных предприятий, в представительствах СРО других регионов — 926.

В соответствии с уставами СРО к своим основным целям, кроме предупреждения причинения вреда жизни и здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц и т. д., относят объединение усилий и координацию предпринимательской деятельности членов организации для укрепления и развития строительной отрасли и Российской Федерации в целом за счет укрепления и экономического развития каждого члена организации.

В Нижегородской области также работают три общественные организации: Объединение работодателей «Союз Нижегородских строителей» — ОР «СНС» (создано в 2005 г.), Нижегородское региональное отделение Международной академии инвестиций и экономики строительства — НРО МАИЭС (организовано в 1993 г.) и созданный в 2011 г. Координационный совет по развитию саморегулирования в строительной отрасли Нижегородской области.

«Союз Нижегородских строителей» своей первой задачей определяет содействие совершенствованию рыночной инфраструктуры на территории области, созданию преимущественных условий для деятельности нижегородских работодателей — членов ОР «ОНС», защите нижегородского инвестиционного рынка от внешних конкурентов.

НРО МАИЭС — это региональное отделение так называемой общественной академии, членами которой являются представители строительной науки и руководители строительных предприятий и организаций региона, которые стремятся наладить взаимодействие науки с практикой по широкому спектру инвестиционно-строительной деятельности.

Координационный совет является коллегиальным совещательным органом, образованным для координации государственной политики в строительной отрасли области и оказания методической помощи саморегулируемым организациям. Он взаимодействует с федеральными органами исполнительной власти, саморегулируемыми организациями и другими некоммерческими организациями строительной отрасли, а также с научными и образовательными учреждениями.

Строительные предприятия Нижегородского региона можно разделить на три группы: крупные — численностью свыше 250 человек; средние — от 101 до 250 человек; малые предприятия без микропредприятий — от 16 до 100 человек и микропредприятия с численностью до 15 человек. Информация по ним [5] без учета работ, выполненных предприятиями других регионов, представлена в таблице.

Структура и объемы работ, выполненных предприятиями области за 2008–2012 гг.

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
<i>Предприятия, всего</i>					
Количество, ед.	5678	3843	3577	4713	3259
Среднегодовая численность, чел.	116603	93213	90834	89325	86558
Объемы работ, млн р.	79316	84484	79569	87583	Нет данных
<i>Крупные</i>					
Количество, ед.	32	38	24	27	24
Численность сотрудников, чел.	20880	19043	15559	14133	12536
Объемы работ, млн р.	9767	6028	5506	10707	Нет данных
<i>Средние</i>					
Количество, ед.	55	31	39	38	38
Численность сотрудников, чел.	7322	6118	6055	6069	6084
Объемы работ, млн р.	12183	14200	11752	7774	Нет данных
<i>Малые (от 16 до 100 чел.)</i>					
Количество, ед.	1055	1049	834	769	845
Объемы работ, млн р.	9811	6111	17586	19503	22381
<i>Малые (до 15 чел.)</i>					
Количество, ед.	4503	2678	2629	3845	2352
Объемы работ, млн р.	47555	58145	44725	49599	59898
<i>Малые предприятия, общая численность, чел.</i>	88401	68052	69220	69123	67938

Анализ таблицы показывает, что в Нижегородском регионе наиболее проблемной является группа крупных предприятий. Объемы выполненных ими работ в общем объеме работ за 2011 г. составляют только 12,2%, объемы работ на одно предприятие — 397 млн р. в год, а выработка на одного сотрудника в 2011 г. — 76% от выработки на одного рабочего на малом предприятии. Это очень низкие показатели, и выглядят они странно, так как владельцы и руководители таких компаний работают в тесном контакте с представителями власти, а некоторые из них являются депутатами разных уровней и имеют возможность использовать административный ресурс. По мнению экспертов, в российских условиях именно крупный строительный бизнес формирует основной тренд развития отрасли [2]. Объемы инвестиций в экономику региона растут, а потенциал и конкурентоспособность строительной отрасли снижаются из-за отсутствия и недостаточного развития крупных предприятий. Это означает, что в строительной отрасли Нижегородского региона имеются серьезные скрытые от общественности и строительного сообщества проблемы. Для понимания происходящего рассмотрим следующие вопросы:

1. За какие показатели отчитывается и чем управляет министерство строительства Нижегородского региона?

В качестве отчетных используются в основном два показателя: объемы работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство» на территории области за год, и общая площадь введенного в действие жилья. При этом никогда не расшифровывается, кем выполнены строительные работы: нижегородцами или строителями из других регионов России? Какими группами строительных предприятий: крупными, средними, малыми? Какие дома относятся к жилью, построенному населением за счет собственных и заемных средств? Отсутствие в открытой прессе и официальных отчетах такой информации говорит об искус-

ственным формировании положительного имиджа отрасли в области и не позволяет понять суть проблемы. Возьмем для примера вводимое жилье. Статистика ежегодно фиксирует рост общих объемов — от 1 % и более. При этом до 65 % вводимого жилья построено населением, и в нем, по данным Нижегородстата, присутствуют площади без оборудования системами отопления и водоснабжения [6]. В привычном для России понимании это, вероятно, садовые домики, но в отчетности и статистике — это жилье. Отсюда возникают сомнения в достоверности ежегодной общей информации по строительной отрасли.

Наличие программ развития региона («Стратегия развития Нижегородской области до 2020 года», «Строительство жилых домов для молодых специалистов», «Строительство физкультурно-оздоровительных комплексов», «Развитие транспортной инфраструктуры» и др.) позволяет предполагать, что министерство строительства управляет реализацией этих нужных региону программ. Но в программах нет связи целевых задач с исполнителями. Вероятно, предполагается, что исполнителей достаточно и о них можно не беспокоиться. Тем самым министерство строительства и правительство Нижегородской области не принимают на себя управление функционированием и развитием организаций строительного комплекса региона, не руководствуются задачами, определенными Положением о Министерстве строительства региона. В результате отрасль, в том числе из-за недостатка внимания со стороны власти, теряет свои мощности и конкурентоспособность на строительном рынке даже внутри региона. Это показывает изучение нижегородских журналов «Строительный эксперт», «Столица Нижний», газеты правительства области «Нижегородская ПРАВДА» и др. В них нет статей об участии нижегородских строителей в реализации инвестиционных проектов, одобренных и принятых на инвестиционном совете при губернаторе области. Правительство понимает, что в регионе не осталось строительных предприятий для реализации серьезных проектов, но не обращает на это внимания и никаких мер для исправления положения не принимает.

2. Какова роль СРО строителей в деятельности строительных предприятий региона?

Она в основном сводится к выдаче «Свидетельств о допуске ...» и ежегодному контролю за соответствием членов СРО «Требованиям к выдаче свидетельств ...». Эту функцию в свое время успешно выполнял лицензионный центр региона, но стоило это примерно в 10 раз дешевле. Сказать, что со строительного рынка региона удалены фирмы, не имеющие требуемого кадрового состава по основному месту работы, нельзя, так как «... по самым скромным подсчетам, свыше 30 % обращающихся в сфере стройиндустрии допусков на выполнение строительных работ, оказывающих влияние на безопасность объектов капитального строительства, выданы незаконно» [1]. Проблемы коммерциализации СРО государством не решаются. На этом фоне даже добросовестные СРО усвоили, что, «получив» на волне перехода строительной отрасли на саморегулирование необходимое количество членов, они обеспечили руководителям и аппарату СРО стабильное финансирование и довольно комфортное существование. Государство их, в принципе, больше ни к чему не обязывает, а задача — помогать своим членам в продвижении производственных тем законодательством даже не упоминается. Внутренняя мотивация СРО на объединение интересов строителей региона, формулирование совместных предложений и реализация их через правительство не просматриваются.

3. Какова роль общественных организаций строителей в регионе?

Союз нижегородских строителей пытается занять активную позицию в вопросах объединения строительных организаций, но с вводом системы саморегулирования он работает на общественных началах, без финансовых средств. В апреле 2010 г. руководители СНС и министерства строительства области сделали попытку объединить на своей общественной площадке СРО региона для координации совместной деятельности, но теоретически поддержанное предложение реализовано не было. Интерес к совместной деятельности у СРО был только на словах.

НРО МАИЭС — самая представительная на сегодня общественная организация строителей региона, насчитывающая более 100 представителей строительной науки и бизнеса. Она регулярно, 3–4 раза в год, собирается на заседания, рассматривает различные вопросы инвестиционно-строительной деятельности и доводит свои предложения до правительственных организаций региона.

Координационный совет по развитию саморегулирования в строительной отрасли является коллегиальным совещательным органом, рассматривает проблемные вопросы отрасли, но, являясь структурой чиновников, вырабатывает удобные для них решения.

4. Что происходит со строительными предприятиями региона?

В результате либерального рыночного регулирования экономических отношений в инвестиционно-строительной сфере в условиях несовершенного законодательства и пассивной позиции правительства региона утрачены крупные строительные предприятия, а малые, как и во всех регионах России, ведут ежедневную борьбу за выживание и, по данным статистической информации (см. таблицу), в целом работают стабильнее, и показатели их деятельности значительно весомее, чем у крупных. Основная часть крупных предприятий работает в нефтегазовой отрасли и дорожном строительстве, и лишь небольшая часть строит жилые дома.

Отметим, что в организационной структуре строительной отрасли Нижегородской области присутствуют все организации, нужные для совместной эффективной и целенаправленной работы строительных предприятий. Но на практике эта организационная структура работает неэффективно и реально структурные организации не объединяет. В результате организационно-экономический механизм управления деятельностью и развитием строительных предприятий региона функционирует в стихийном режиме. Для решения системных проблем необходимы реформирование саморегулирования и кардинальное изменение политики правительства региона в вопросах управления строительной отраслью.

С этой целью, на наш взгляд, следует:

1. Изменить п. 4 ст. 55⁷ Градостроительного кодекса РФ (ГК РФ) и разрешить строительным предприятиям при переходе в другие СРО переводить в их компенсационный фонд взносы, уплаченные в прежний СРО. Тем самым будет устранено нарушение ст. 30 Конституции России и закончится крепостное закрепление строительных предприятий за СРО, в которые они вступили первоначально и откуда выйти без финансовых потерь не могут. Появится элемент конкуренции между СРО. До настоящего времени никто из руководителей СРО и НОСТРОЙ не осмелился поставить такой вопрос перед строительным сообществом и законодательной властью России.

2. Ввести в ГК РФ норму о членстве строительных предприятий в СРО по субъектно-территориальному принципу, который используется практически всеми массовыми общественными организациями России. Это ослабит влияние коммерческих СРО на строительный комплекс и позволит поставить все строительные предприятия на учет и контроль в регионах. Основная масса строителей работает в своих регионах — субъектах Федерации, поэтому учитывать, контролировать, объединять и развивать их нужно через региональное объединение и управление.

3. Поскольку в Нижегородском регионе 98 % предприятий относятся к группе малых, а в целом по России малых предприятий более 90 %, считаем справедливым законодательно закрепить пропорциональное представительство групп строительных предприятий в коллегиальных руководящих органах СРО и НОСТРОЙ. Прошедший пятилетний период показал, что под руководством крупного бизнеса и чиновников саморегулирование не работает на основную массу своих членов, а просто используется как источник финансирования, без ответственности за израсходованные средства.

4. В соответствии с региональным принципом построения системы саморегулирования строительной отрасли создать орган для координации деятельности СРО региона и взаимодействия с региональными организациями для представительства интересов членов СРО во властных

структурах. В настоящее время НОСТРОЙ назначил в федеральных округах своих руководителей, которые оторваны от реальной жизни строителей и тратят их деньги на бесполезные совещания. Строительная отрасль имеет конкретную региональную привязку и попытка ее координации с уровня федеральных округов не имеет смысла.

Правительство Нижегородской области, в частности министерство строительства, в соответствии с положением о министерстве, по мнению автора, должно решать вопросы эффективного функционирования и развития строительных предприятий региона. Для этого необходимо:

1. Дополнить программу «Стратегия развития строительного комплекса Нижегородской области до 2020 года» разделом, обозначающим стратегию укрупнения строительных предприятий и политику поддержки нижегородских строителей на всех объектах региона: местных, федеральных и пр.

2. Наладить учет работ, выполненных разными группами нижегородских строительных предприятий, в общих объемах работ, в строительстве жилья, в программах развития региона, на федеральных объектах на территории области, в инвестпроектах, прошедших через инвестиционный совет при губернаторе. Принять данные показатели в качестве основных при оценке работы министерства строительства региона и регулярно доводить такую информацию до строителей и населения области.

3. Совместно с СНС и СРО региона содействовать созданию нескольких крупных объединений строителей и оказывать им поддержку в получении крупных строительных заказов.

4. Совместно с министерством инвестиционной политики разработать программу поддержки нижегородских строителей на новых инвестиционных объектах с материальной заинтересованностью инвесторов. Потери бюджета от налоговых и прочих льгот окупятся поступлениями от строителей.

5. Ежегодно публиковать в СМИ информацию о 250 строительных предприятиях региона (топ-250), имеющих наибольшие объемы выполненных работ за год, а также о предприятиях, имеющих наибольшие объемы работ по строительству жилья на территории региона (топ-25, к примеру).

Список литературы

1. Мозолевский, В. Саморегулирование состоялось пока лишь для коммерческих СРО/В. Мозолевский // Вестник Российского Союза строителей. — 2013. — № 6. — С. 96–97.
2. Деловой климат в строительстве России во 2-м квартале 2014 года: аналит. обзор // Строительная газета. — 2014. — № 29. — С. 12.
3. В Минрегионе России проанализирован инвестиционный потенциал Нижегородской области. — Режим доступа: http://www.minregion.ru/news_items/4719
4. О рейтинге регионов по результатам оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации с учетом динамики показателей за трехлетний период. — Режим доступа: <http://www.government.ru/orders/12290>
5. Строительный комплекс Нижегородской области в 2008–2012 гг.: стат. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Нижегород. обл. — Н. Новгород, 2013.
6. Жилищное строительство Нижегородской области в 2008–2012 гг.: стат. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Нижегород. обл. — Н. Новгород, 2013.

Н. Н. Минаев¹, К. Э. Филюшина², Ю. А. Колыхаева³, О. И. Добрынина⁴

РАЗРАБОТКА ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ИНДИКАТОРОВ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНОВ⁵

В советский период и в первые годы реформ жилищно-коммунальный комплекс (ЖКК) выполнял преимущественно функции социальной защиты населения, однако в 2000-х гг., был взят курс на рыночные трансформации, что сделало ЖКК источником социально-экономической и политической напряженности в регионах [1]. Катастрофическое состояние основных средств; высокий уровень энергозатрат и отсутствие последовательной технической политики энергоресурсосбережения; рост тарифов за ЖКУ, превышающий темпы увеличения реальных доходов населения; отсутствие цивилизованных форм договорных отношений на рынке жилищных и коммунальных услуг и механизмов государственно-частного партнерства; неразвитость институтов жилищного самоуправления и многие другие негативные явления [2] обуславливают необходимость выработки единой политики в рамках обоснованных приоритетных направлений развития ЖКК регионов.

При выработке приоритетов необходимо исходить из стратегической цели функционирования ЖКК в регионе. В обобщенном виде *стратегической целью является устойчивое развитие ЖКК, обеспечивающее формирование комфортных условий проживания и повышения качества жизни населения региона.*

Вариативность декомпозиции стратегической цели приводят к формированию базовых моделей уровней задач и системы индикаторов [3] достижения цели и задач. Необходимость вариативной разработки обосновывается оценкой уровня стартовых условий развития ЖКК региона с учетом факторов, воздействующих на состояние отраслевого комплекса. В основу группировки факторов (рис. 1) положены несколько признаков [1]:

- способ и сфера воздействия факторов на объект управления (ЖКК). Согласно этому признаку, факторы разделены на внутренние (прямого действия) и внешние (косвенного воздействия);
- природа факторов. По данному признаку они делятся на технико-технологические, институциональные, социальные, экономические и др.;
- воздействие факторов на инфраструктуру города, в частности на ЖКК. Выделены факторы, подконтрольные субъектам управления, и факторы, влияние на которые субъектов управления минимально. В первом случае речь идет о социальных, экономических, технических факторах и т. п.; во втором — о природно-климатических.

¹ Николай Николаевич Минаев, профессор кафедры экономики и управления городским хозяйством Томского государственного архитектурно-строительного университета, д-р экон. наук.

² Кристина Эдуардовна Филюшина, доцент кафедры экономики и управления городским хозяйством Томского государственного архитектурно-строительного университета, канд. экон. наук.

³ Юлия Александровна Колыхаева, доцент кафедры экономики и управления городским хозяйством Томского государственного архитектурно-строительного университета, канд. экон. наук.

⁴ Ольга Игоревна Добрынина, студентка 4-го курса факультета экономики и менеджмента Томского государственного архитектурно-строительного университета.

⁵ Статья выполнена в рамках гранта РГНФ на тему: «Вариантно-сценарные подходы при разработке муниципальных программ реформирования и модернизации жилищно-коммунального комплекса Томской области»

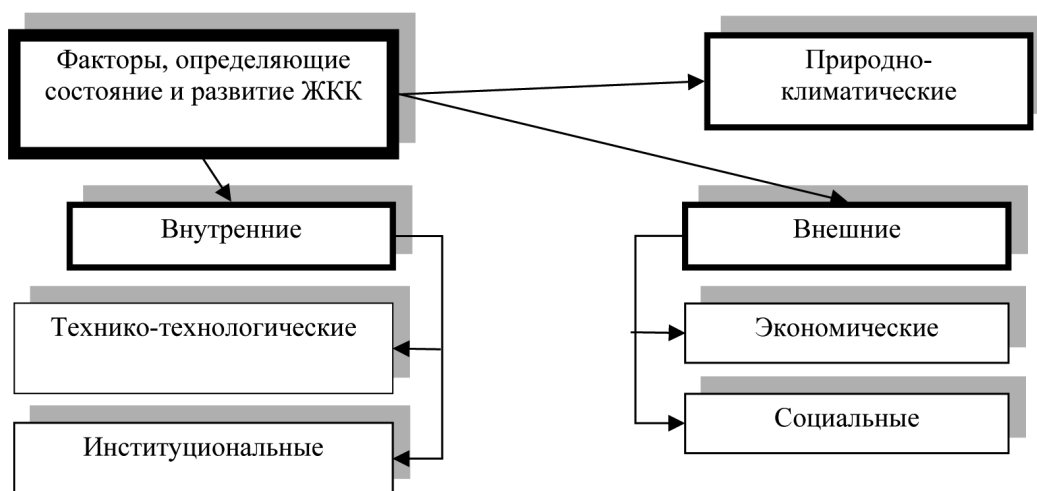

Рис. 1. Группировка факторов, воздействующих на ЖКК региона

К факторам внутренней среды по отношению к объекту управления (ЖКК) отнесены:

1. *Технико-технологические* факторы, которые определяют техническое состояние объектов жилищно-коммунальной инфраструктуры, сложившийся уровень технологических процессов, степень внедрения энергосберегающих технологий и т. д. При оценке влияния этих факторов использованы индикаторы технического состояния объектов ЖКК и др.

2. *Институциональные* факторы, включающие управленческие, которые обуславливают уровень развития системы управления ЖКК, процедуры, механизмы реализации жилищной и коммунальной политики, соответствие сложившихся моделей управления вектору развития ЖКК. Эти факторы оцениваются с помощью индикаторов внутренней среды: доли товариществ собственников жилья (и домов с непосредственной формой управления), доли жилищного фонда, обслуживаемого на конкурсной основе (управляющими компаниями) и муниципальными ЖЭУ, и т. д. К этой группе относятся нормативно-правовые факторы, показывающие достаточность законодательной базы для осуществления планируемых преобразований; они оцениваются экспертным путем.

К факторам внешней среды отнесены:

1. *Социальные факторы (косвенного воздействия)*, связанные с социальной защищенностью граждан в условиях реформирования ЖКК (переход к новым ценам и тарифам ЖКУ, соответствие уровня доходов объему платежей и т. д.) и влияющие на уровень социальной напряженности в обществе и готовности к развитию институтов местного самоуправления. Влияние этих факторов оценивается исходя из показателей уровня и качества жизни, социальной защиты населения и обеспеченности жильем.

2. *Экономические факторы*, которые также относятся к косвенным. Они определяют экономическое состояние отраслей ГМХ, бизнес-структур, функционирующих в этой сфере. К ним относятся наличие бюджетных ресурсов для структурных реформ, уровень инвестиционной активности, налоговый потенциал региона и т. д. Для оценки используются показатели консолидированного бюджета региона и др.

К природно-климатическим факторам отнесено разграничение по температурному режиму территорий, объединенных в 4 группы.

В зависимости от влияния каждой группы факторов выбирается та или иная модель. Например, для регионов с относительно высоким уровнем развития ЖКК, социально-экономиче-

ского развития региона в целом и большой численностью населения предпочтительна модель, которая охватывает по 4 задачи первого и второго уровней (рис. 2) [4], в других случаях выбор падает на модель, представленную на рис. 3.

Рис. 2. Декомпозиция стратегической цели развития ЖКК региона (1-й вариант)

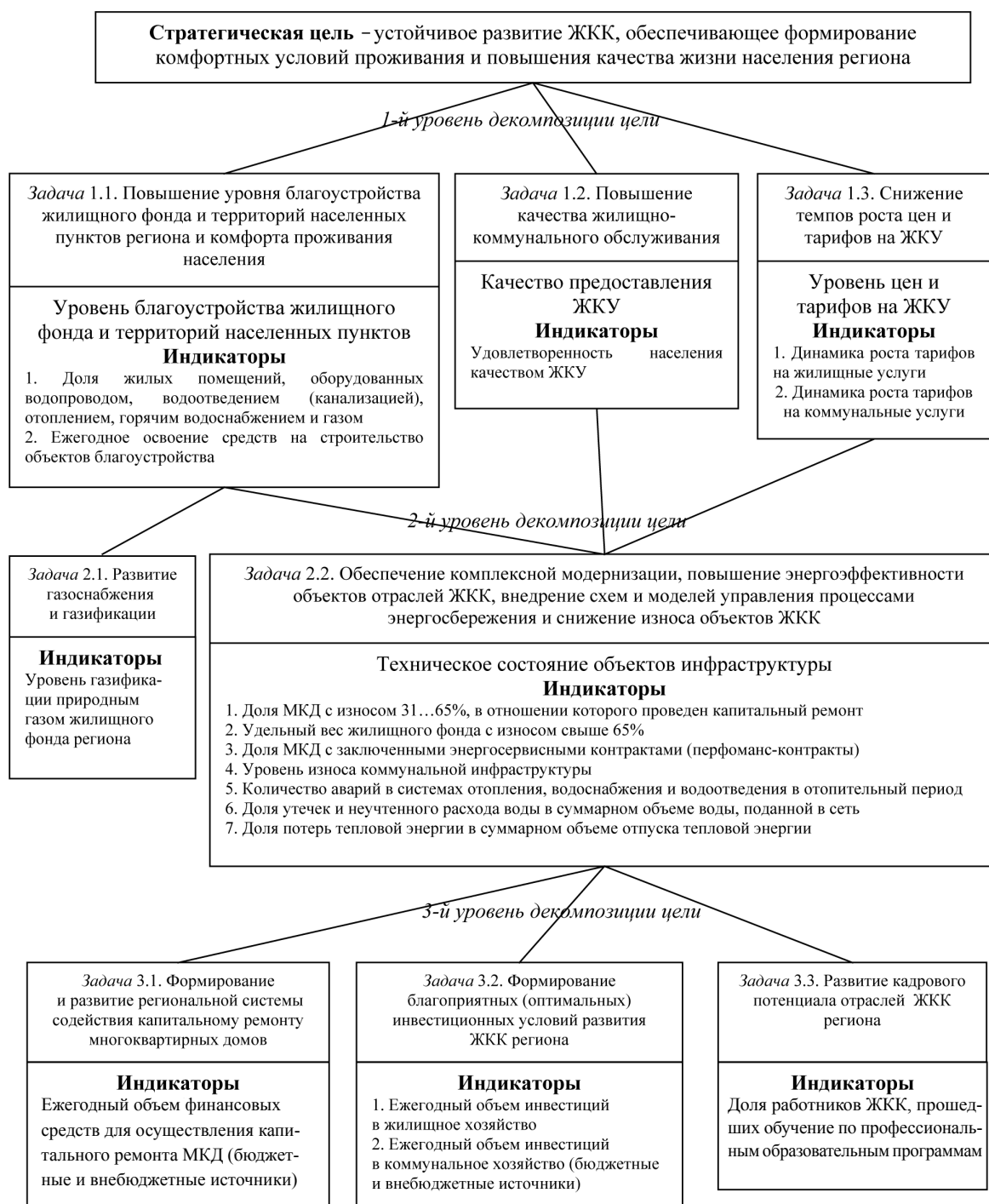

Рис. 3. Декомпозиция стратегической цели развития ЖKK региона (второй вариант)

Соответственно должны учитываться и риски, связанные с изменениями внешней и внутренней среды.

Риски внутренней среды [5]:

1. Институциональные риски, связанные с недостаточно быстрым формированием институтов и внедрением механизмов (например, развитие коммунальной инфраструктуры в рамках проектов государственно-частного партнерства, финансирование капитального ремонта многоквартирных домов, внедрение энергосервисных контрактов, механизмов кредитования и др.).

2. Операционные риски, связанные с неэффективным управлением реализацией приоритетных направлений в рамках документов территориально-отраслевого планирования, неготовностью организационной инфраструктуры к решению задач, что может привести к нецелевому и/или неэффективному использованию бюджетных средств, неполной реализации ряда приоритетных направлений или срыву сроков их выполнения.

3. Риск недостаточного финансового обеспечения как за счет бюджетных, так и внебюджетных источников. Данный риск возникает из-за высокой зависимости от привлечения внебюджетных источников.

Риски внешней среды [5]:

1. Риск ухудшения общего состояния экономики, что может привести к снижению бюджетных доходов, ухудшению динамики основных макроэкономических показателей, в том числе повышению инфляции, снижению темпов экономического роста и доходов населения. Например, кризис 2008–2010 гг. оказал сильное негативное влияние на динамику развития ЖКК.

2. Риски возникновения обстоятельств непреодолимой силы (природных и техногенных катастроф, катаклизмов и др.), что может привести к существенному ухудшению состояния

Рис. 4. Декомпозиция стратегической цели развития ЖКК региона (на примере стратегии развития ЖКК Томской области)

жилищного фонда, коммунальной инфраструктуры и потребовать концентрации средств бюджетов всех уровней для преодоления последствий таких катастроф.

Приведенные модели (назовем их базовыми) могут трансформироваться в зависимости от специфики региона, выступая в роли промежуточных форм. В качестве примера на рис. 4 показана декомпозиция стратегической цели развития ЖКК региона для стратегии развития ЖКК Томской области до 2025 г. (без приведения соответствующих индикаторов).

Декомпозиция стратегической цели позволяет сформулировать задачи развития ЖКК на вариантной основе и обосновать состав и структуру приоритетных направлений с учетом факторов, воздействующих на технико-экономическое состояние отраслевого комплекса.

В качестве приоритетных направлений развития ЖКК региона предлагается рассматривать:

1. Формирование и развитие региональной системы капитального ремонта многоквартирных домов и повышение энергетической эффективности жилищного фонда

Практика реализации Федерального закона № 185-ФЗ показала эффективность централизации финансирования и организации проведения капитального ремонта многоквартирных домов. Изменения, внесенные в жилищное законодательство Федеральными законами от 25.12.2012 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» и от 25.12.2012 № 271-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», направлены на существенное возрастание роли субъектов Федерации в решении вопроса капитального ремонта многоквартирных домов и, соответственно, на формирование и развитие региональной системы капитального ремонта, в том числе создание регионального оператора, осуществляющего организацию и финансирование работ. Это позволит не только повысить качество жилищного фонда, но и обеспечить реализацию мероприятий по энергосбережению и повышению энергоэффективности жилищного фонда, что является одним из приоритетов государственной политики в сфере ЖКК [6].

2. Повышение уровня газификации природным газом жилищного фонда

Повышение уровня газификации жилищного фонда позволит стабилизировать тарифы в сфере теплоснабжения, снизить затраты населения на ЖКУ, создать условия для обеспечения энергоэффективности и энергосбережения на территории области (за счет применения высокоэффективного оборудования на объектах теплоснабжения) и в конечном итоге — повысить комфортность жилищного фонда.

3. Комплексная модернизация и повышение энергетической эффективности объектов коммунальной инфраструктуры

Комплексная модернизация и снижение износа объектов ЖКК являются одним из ключевых приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечивают эффективность функционирования инженерно-коммунальной инфраструктуры региона.

Необходимо привести объекты коммунальной инфраструктуры в муниципальных образованиях региона в соответствие с современными требованиями к надежности, качеству работы и энергетической эффективности; обеспечить котельные резервными источниками энергоснабжения; снизить количество аварий в системах коммунальной инфраструктуры в отопительный период; провести инвентаризацию объектов коммунального назначения, находящихся в хозяйственном ведении государственных и муниципальных предприятий, и регистрацию прав государственной, муниципальной собственности на объекты коммунальной инфраструктуры; увеличить темпы ввода коммунальных мощностей (генерирующих производств и сетевого хозяйства) в соответствии с темпами роста жилищного фонда [7].

Отрасли ЖКК относятся к числу наиболее энергоемких в системе региональной экономики, поэтому энергосбережение, повышение энергоэффективности и снижение энергопотребления

являются ключевыми направлениями развития коммунального комплекса региона. Это возможно за счет оптимизации системы обеспечения поселений региона энергоресурсами и питьевой водой, развития малой энергетики, использования альтернативных источников энергоснабжения, внедрения ресурсосберегающих инновационных технологий на объектах коммунального хозяйства, повышения эффективности генерирующих коммунальных производств и сетевого хозяйства, снижения потерь при генерации и транспортировании коммунальных ресурсов. Реализация данных мероприятий должна обеспечить снижение темпов роста тарифов на коммунальные услуги на территории региона.

4. Развитие системы управления жилищным фондом и коммунальной инфраструктурой

Развитие процессов жилищного самоуправления и формирование конкурентной среды на рынке ЖКУ должно обеспечить модернизацию управления ЖKK и формирование новой институциональной среды, которая опирается на законодательство Российской Федерации и позволяет создавать благоприятные условия для привлечения инвестиций в отрасли ЖKK.

Одной из гарантий повышения качества жилищно-коммунального обслуживания является появление ответственного и компетентного собственника жилья как заказчика (потребителя) ЖКУ. Необходимо просвещение населения и формирование механизмов общественного контроля в сфере ЖКХ (с помощью общественных организаций и советов многоквартирных домов).

5. Повышение кадрового потенциала работников жилищно-коммунального комплекса

Модернизация ЖKK подразумевает переход на новый (инновационный) технико-технологический уровень развития, где центральное место занимают повышение энергоэффективности и энергосбережения, снижение аварийности и т. д. Это неизбежно приведет к переходу на новые модели управления ЖKK. Потребуется построение системы взаимодействия органов региональной и муниципальной власти, организаций ЖKK с высшими и средними специальными учебными заведениями, направленной на подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов ЖKK, и разработка соответствующих образовательных программ.

Реализацию приоритетных направлений развития ЖKK региона в долгосрочной перспективе необходимо рассматривать по двум сценарным вариантам: приоритетному и инерционному [8].

Приоритетный сценарий базируется на оптимистическом прогнозе развития региона и процессах интенсивного развития ЖKK за счет:

- экономического роста в России (в том числе в регионе), обеспечивающего стабильное увеличение доходной части регионального и муниципальных бюджетов, а также доходов домохозяйств;
- увеличения инвестиционных возможностей предприятий и организаций ЖKK, а также инвестиционной привлекательности ЖKK для иных субъектов;
- эффективного применения инновационных технологий энергосбережения и повышения энергоэффективности, в том числе при активном внедрении современных информационных технологий;
- создания эффективных методов управления системами коммунальной инфраструктуры, в том числе устойчивого планирования и развития таких систем;
- формирования базы данных о реальных объемах производства, потребления и потерь коммунальных ресурсов как основы для принятия взвешенных, объективных и приближенных к реальности решений в области эффективного управления системами коммунальной инфраструктуры за счет установки, обеспечения надлежащей эксплуатации, сохранности и своевременной замены индивидуальных приборов учета воды, электроэнергии и общедомовых (коллективных) приборов учета воды, электроэнергии, теплоэнергии, природного газа, а также внедрения автоматизированных систем сбора данных, полученных по показаниям приборов учета;
- совершенствования системы государственного управления в сфере регулирования жилищно-коммунальных услуг.

Инерционный сценарий предусматривает сохранение текущих темпов социально-экономического развития региона либо некоторое их снижение и не предполагает существенных положительных сдвигов в развитии ЖКК.

Оба сценария можно оценить с помощью «универсальной системы показателей оценки эффективности функционирования ЖКК региона» [9].

Условием успешной реализации приоритетных направлений является эффективное взаимодействие органов власти, бизнеса и населения на принципах государственно-частного и социального партнерства [10].

Список литературы

1. Минаев, Н. Н. Управление жилищно-коммунальным комплексом города: территориально-отраслевой аспект: дис. ... д-ра экон. наук/Н. Н. Минаев; Южно-Уральский гос. ун-т. — Томск, 2010.
2. Минаев, Н. Н. Управление жилищно-коммунальным комплексом города: территориально-отраслевой аспект: автореф. дис. ... д-ра экон. наук/Н. Н. Минаев; Южно-Уральский гос. ун-т. — Челябинск, 2010.
3. Минаев, Н. Н. Индикативное планирование развития жилищно-коммунального комплекса города / Н. Н. Минаев // Вестник Чувашияского университета. — 2008. — № 3. — С. 429–434.
4. Елисеев, А. М. Комплексное развитие экономики сельских территорий как фактор повышения эффективности производства/А. М. Елисеев, И. В. Волчкова, Ю. В. Подопригора // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. — 2009. — № 7. — С. 47–53.
5. Филюшина, К. Э. Управление рисками в жилищно-коммунальном комплексе / К. Э. Филюшина, Н. Н. Минаев // Экономика и предпринимательство. — 2013. — № 12–1 (41). — С. 509–512.
6. Минаев, Н. Н. Подходы к разработке программ энергосбережения жилищно-коммунального комплекса в городах Сибири / Н. Н. Минаев, Ю. Ю. Галямо, А. А. Селиверстов, Н. Р. Шадейко // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 44. — С. 31–35.
7. Колыхаева, Ю. А. Обоснование управленческих решений по организации теплоснабжения в жилищно-коммунальном комплексе / Ю. Ф. Колыхаева // Городское управление. — 2013. — № 6 (203). — С. 31–44.
8. Минаев, Н. Н. Сценарные варианты управления жилищно-коммунальным комплексом города / Н. Н. Минаев, А. А. Селиверстов, Н. Р. Шадейко // Региональная экономика: теория и практика. — 2007. — № 5. — С. 178–181.
9. Уфимцева, Е. В. Универсальная система показателей как инструмент управления оценки эффективности деятельности жилищно-коммунального комплекса / Е. В. Уфимцева // Экономика и предпринимательство. — 2013. — № 12–1 (41). — С. 602–609.
10. Филюшина, К. Э. Формирование модели государственно-частного партнерства в строительном комплексе региона / К. Э. Филюшина // Региональная экономика: теория и практика. — 2012. — № 16. — С. 41–44.

И. Н. Полушкина¹, Т. П. Логинова²

**ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ И НЕПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СФЕРЫ:
АНАЛИЗ ОПЫТА РАЗВИТЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ
НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В РОССИИ**

На пути повышения конкурентоспособности экономики России нам представляется важным учет опыта отраслевого развития экономики и улучшения качества труда в развитых странах мира. На территории развитых стран сегодня проживает 15...16% мирового населения, при этом производят они 3/4 мирового ВВП и создают 90% всей наукоемкой продукции. Эти страны отличаются высоким уровнем жизни, большими запасами капитала, равномерным распределением доходов и социально ориентированной экономикой. Исходя из динамики и тенденций развития обрабатывающей промышленности и сферы услуг в индустриально развитых странах можно дать предложения по совершенствованию и модернизации экономики России с учетом национальных особенностей.

В последние десятилетия одной из важнейших особенностей развития в развитых странах стало значительное расширение сферы услуг — так называемая сервисизация экономики. В середине 1990-х гг. здесь было сосредоточено более 60% всех занятых. Согласно нашим расчетам, в 2009 г. в сфере услуг работало более 70% всех занятых (табл. 1).

При абсолютном преобладании занятости в сфере услуг наблюдался и ее относительно быстрый рост. В Италии за 16 лет рост количества занятых в сфере услуг составил 6,1 процентных пункта (далее — п. п.) (с 62,2 до 68,3%); в Корее — 16,4 п. п. (с 52,4 до 68,8%); во Франции — 6,4 п. п. (с 71,1 до 77,5%); в Швеции — 4 п. п. (с 71,8 до 75,8%); в Германии — 10,2 п. п. (с 62,8 до 73%); в США — 5,4 п. п. (с 78 до 83,4%). В промышленной сфере этих стран преобладает обрабатывающее производство при относительно малой доле «первичных отраслей» — сельского хозяйства и добывающей промышленности.

Согласно полученным данным, абсолютно во всех рассмотренных странах наблюдалось снижение удельного веса отраслей сельского хозяйства, добычи и обрабатывающей промышленности. Уровень занятости в сельском хозяйстве в 1993 г. в среднем составлял 5,6%, в 2009 г. — 3,3%. Снижалась занятость в добывающей промышленности, при том что она составляла во всех странах в 1993 и в 2009 гг. менее 1%. Занятость в энергетике в 1993 г. также колебалась на уровне до 1% от всех занятых и к 2009 г. в основном снижалась. Уровень занятости в обрабатывающей промышленности во всех странах снижался. Если в 1993 г. он колебался от 14% в США до 24,6% в Корее, то в 2009 г. — от 8,9% в США до 19,3% в Италии. Занятость в строительстве в основном незначительно росла, достигнув в 2009 г. 6...7% в среднем по странам [1].

Таким образом, снижению количества занятых в производственной сфере сопутствует тенденция увеличения занятых в непроизводственной сфере. Рост занятости в непроизводственной деятельности в этих странах связан с высвобождением труда из обрабатывающих производств. Комплексная автоматизация и разработка «безлюдных» технологий как ведущие направления научно-технического прогресса вытесняют человеческий труд из сферы обрабатывающего про-

¹ *Ирина Николаевна Полушкина*, доцент кафедры Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, e-mail: poirinic@mail.ru

² *Татьяна Павловна Логинова*, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

изводства. Это выражается, с одной стороны, в снижении занятости и фонда затрат производительного труда в часах, с другой — в увеличении объемов выпуска и росте производительности.

Таблица 1

Динамика занятости в отраслевой структуре в отдельных экономически развитых странах мира с 1993 по 2009 г., %

Страна	Годы	Всего промышленность и услуги	Сельское хозяйство	Добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Электричество, газо- и водоснабжение	Строительство	Все услуги	Из них образование	Здравоохранение
Италия	1993	100	6,5	0,2	23,2	0,8	7,0	62,2	7,1	5,6
	2009	100	3,9	0,2	19,3	0,5	7,7	68,3	6,4	6,7
Корея	1993	100	13,5	0,3	24,6	0,3	8,9	52,4	5,0	1,5
	2009	100	7,0	0,1	16,3	0,4	7,3	68,8	7,8	4,2
Франция	1993	100	4,9	0,2	16,3	1,0	6,6	71,1	7,4	11,2
	2009	100	3,0	0,1	11,4	1,1	7,0	77,5	6,7	13,1
Швеция	1993	100	3,8	0,2	18,0	0,8	5,4	71,8	9,8	16,0
	2009	100	2,1	0,2	14,6	0,8	6,5	75,8	9,8	16,4
Германия	1993	100	3,2	0,6	24,3	1,0	8,1	62,8	5,2	8,0
	2009	100	2,1	0,2	18,5	0,7	5,5	73,0	6,1	10,8
США	1993	100	1,8	0,5	14,0	0,6	5,1	78,0	8,1	9,3
	2009	100	1,4	0,4	8,9	0,4	5,4	83,4	9,3	11,7

Рассчитано по статистическим данным [1].

Динамика продолжительности труда и занятости в обрабатывающих производствах экономик развитых стран мира во многом определяет динамику продолжительности труда и занятости в непроеизводственной сфере. Сфера услуг непосредственно обслуживает производство, выполняет функции обмена и распределения. Развитие услуг тесно связано с материальным производством, где главной и ведущей отраслью является промышленность.

В развитых странах при снижении занятости, общих затрат времени и продолжительности отработанного времени на одного занятого в промышленности объем производимых и потребляемых обществом благ не снижается, а растет, что обусловлено повышением производительности труда вследствие НТП.

К примеру, в США отработанное время на одного работника за год в обрабатывающей промышленности в 1960 г. составляло 1948 часов, в 2010 г. — 1778 часов. Количество автомобилей на 1000 человек за эти же годы увеличилось с 72 до 797, а потребление мяса — с 89 до 119 кг на человека в год. Площадь жилья на одного жителя в 1990 г. составляла 51 м², в 2010 г. — 70 м². В 1980 г. на 100 человек приходился один персональный компьютер, в 2005 г. — 78. Аналогичная динамика наблюдалась во Франции, Германии, Италии, Корее, Швеции [1, 7].

Изучение опыта индустриально развитых стран особенно важно для сравнительного анализа и учета этого опыта в целях развития и повышения конкурентоспособности экономики России. При переходе к рыночным формам хозяйствования изменилась структура отраслевой занятости в России. За период 1990—2013 гг. произошли заметные перемены в численности занятого населения по отраслям. Как и во всех развитых странах мира, в России значительно сократился удельный вес занятости в промышленности и увеличился в сфере услуг.

Сильное сокращение числа занятых наблюдалось в промышленности, сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, строительстве. Снижение количества работающих в этих отраслях составило: более чем в два раза в промышленности — на 15,3 п. п. (с 30,3 % в 1990 г. до 15,0 % в 2012 г.); в 1,4 раза в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве — на 3,7 п. п. (с 13,2 % в 1990 г. до 9,5 % в 2012 г.); в 1,5 раза в строительстве — на 3,7 п. п. (с 12 % в 1990 г. до 8,3 % в 2012 г.) (табл. 2).

На фоне этого сокращения росла занятость в сфере услуг. В 2012 г. в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования было занято 18,1 % всех российских работников, в то время как в 1990 г. их доля составляла 7,8 % (прирост — 10,3 п. п. или 2,3 раза). За рассматриваемый период рост занятости в финансовой сфере в абсолютном отношении составил 3,6 раза при относительном увеличении на 1,3 п. п. (с 0,5 % в 1990 г. до 1,8 % в 2012 г.). Росла занятость в гостиничном и ресторанном бизнесе, а также в сфере недвижимости. Незначительно выросла доля занятых в образовании — на 0,5 п. п. (с 7,9 % в 1990 г. до 8,4 % в 2012 г.), в здравоохранении — на 1,1 п. п. (с 5,6 % в 1990 г. до 6,7 % в 2012 г.).

При сокращении занятости в реальном производстве и ее росте в сфере услуг доля занятых в науке и научном обслуживании снизилась почти в три раза (с 3,7 % в 1990 г. до 1,3 % в 2012 г.), а в управлении, наоборот, увеличилась более чем в два раза — на 2,7 п. п. (с 2,1 % в 1990 г. до 5,5 % в 2012 г.). В остальных отраслях занятость практически не изменилась или изменилась незначительно.

Советскую экономику, в которой во вторичном секторе было сконцентрировано свыше 40 % всех занятых, можно было по праву считать сверхиндустриализированной. Сегодня в России доля занятых в сфере услуг выросла с 37,1 % в 1990 г. до 63,7 % в 2012 г. (см. рисунок).

Таким образом, Россия по масштабам занятости в сфере услуг вплотную приблизилась к экономически развитым странам мира (отставание от Италии, Кореи менее 5 п. п.). В то же время снижение занятости в промышленности и перетекание кадров в сферу услуг создали мнимую, не обусловленную повышением результативности, экономию производительного труда.

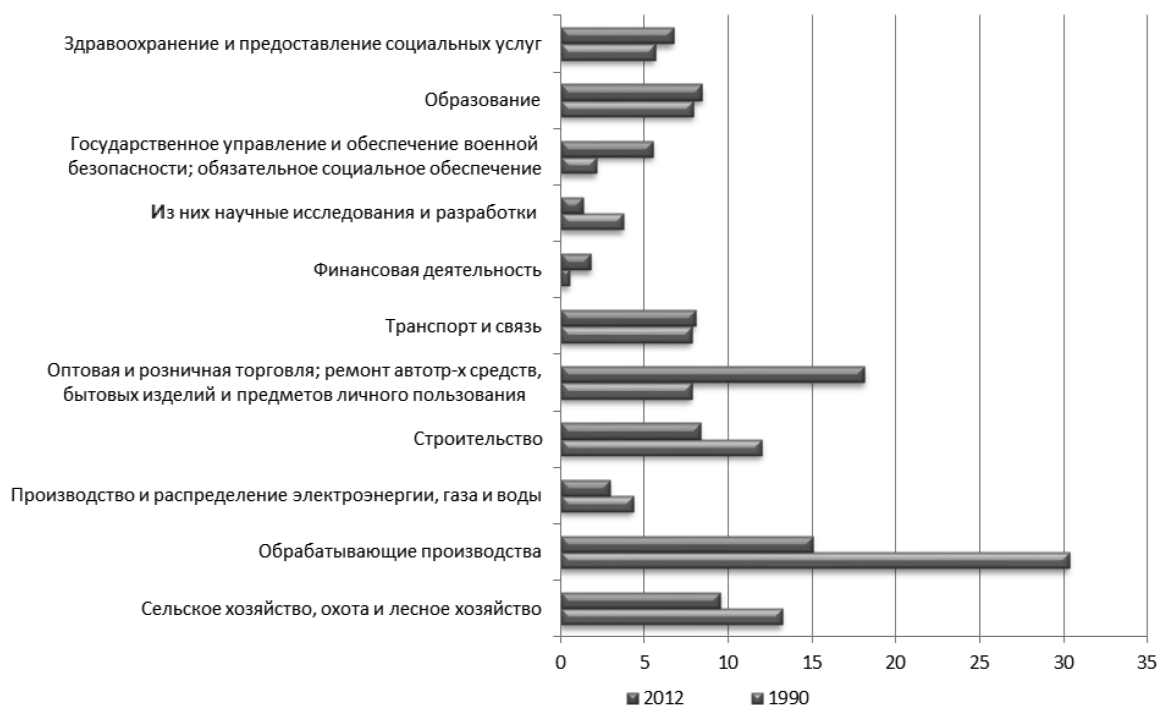
За период реформ и перехода России на рыночный путь развития происходило серьезное падение объемов промышленного производства. Как показывает анализ, объем выпуска в промышленности только за два года (с 1992 по 1994) снизился на 70 %, выпуск продукции в машиностроении и металлообработке — на 60 %. Наиболее сильный спад произошел в легкой промышленности, где объем выпуска снизился на 42 %. В электроэнергетике выпуск продукции в 1994 г. составил 87 % по отношению к 1990 г. [2]. В 1992—1994 гг. в российской промышленности произошли масштабные структурные сдвиги, которые привели к резкому усилению сырьевой ориентации производства.

**Среднегодовая численность занятых в России по видам
экономической деятельности (отраслям*), %**

Численность занятых	1980*	1990*	1995*	2000	2005	2009	2010	2011	2012
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	15,0	13,2	15,1	13,9	11,1	10,0	9,8	9,7	9,5
Рыболовство, рыбоводство				0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Добыча полезных ископаемых				1,7	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6
Обрабатывающие производства	32,5	30,3	25,8	19,1	17,2	15,4	15,2	15,2	15,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,9	4,3	4,5	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9
Строительство	9,6	12	9,3	6,7	7,4	7,9	8,0	8,1	8,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8,3	7,8	10,1	13,7	16,6	17,7	17,8	18,0	18,1
Гостиницы и рестораны				1,5	1,7	1,7	1,8	1,8	1,8
Транспорт и связь	9,6	7,8	7,9	7,8	8,0	7,9	7,9	7,9	8,0
Финансовая деятельность	0,5	0,5	1,2	1,0	1,3	1,6	1,7	1,7	1,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг				7,0	7,3	7,9	8,0	8,1	8,4
Из них научные исследования и разработки	4,1	3,7	2,5	1,9		1,4	1,3	1,3	1,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	1,6	2,1	2,9	4,8	5,2	5,7	5,8	5,6	5,5
Образование	6,7	7,9	9,3	9,3	9,0	8,9	8,7	8,6	8,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,8	5,6	6,7	6,8	6,8	6,9	6,8	6,8	6,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг				3,6	3,7	3,7	3,7	3,7	3,7
Культура и искусство	1,5	1,7	1,7						
Другие виды экономической деятельности (отрасли)	1,9	3,1	3						

Составлено автором по [9–11].

*По данным ОКОНХ. ОКВЭД введен в действие с 1.01.2003 г. взамен Общесоюзного классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) и Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, продукции и услуг (ОКДП) на основе МСОК-3, ISIC-3. Поскольку границы видов деятельности (отраслей) в ОКВЭД и ОКОНХ иногда не совпадают, установление однозначного соответствия между данными невозможно, мы получаем приближенное сравнение.

Динамика среднегодовой численности занятых в России по отраслям экономики за период 1990–2012 гг., %

Сегодня в структуре внешней торговли более 70 % экспорта составляют нефть, газ и другое минеральное сырье. Доля товаров с высокой добавленной стоимостью (оборудования, наукоемкой продукции, машин) не только мала, но и стабильно снижается. В импорте, напротив, преобладают товары с высокой добавленной стоимостью: более 50 % занимает импорт машин, оборудования и транспортных средств, среди них 30...40 % готовые автомобили и запчасти к ним [2].

Индустриальный сектор России является низкопроизводительным. Производство товаров для внутреннего потребления в стране сократилось. И это при том, что все развитые страны борются за увеличение добавленной стоимости продукции, производимой национальными экономиками.

С 1980 по 1990 г. среднегодовое количество отработанных часов на одного работника снижалось; в период реформ с 1985 г. оно резко упало, но в последующие годы фонд отработанного времени наращивался и к 2012 г. составил 1982 ч/год, что больше, чем в США, в 1960 г. *:

1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012
2101	2099	2025	1891	1982	1989	1976	1979	1982

*Составлено автором по статистическим данным Международной организации труда (МОТ) и [1].

В 2012 г. средняя продолжительность рабочей недели в России составляла 40 часов (1982 часа в год), среднегодовая заработная плата — 15 286 долларов. Для сравнения: в США среднегодовое количество рабочих часов в 2012 г. — 1798, среднегодовая заработная плата — 54 450 долларов; в Южной Корее соответственно — 2092 часа и 35 406 долларов, в Японии — 1765 часов и 35 143 долларов [3]. Таким образом, средний гражданин нашей страны работает

на 200 часов в год больше, а получает, как минимум, в два раза меньше, чем рабочий в Америке или Японии. Дешевый труд не может быть высокопроизводительным, обеспечивать экономию и рациональное использование материальных и других производственных ресурсов.

Сегодня в производственной сфере нашей страны нет объективных показателей для повышения продолжительности рабочего времени или пенсионного возраста. Эти показатели необходимо снижать, что и делают страны — лидеры экономического развития. Соотношение рабочего и свободного времени должно соответствовать объективным требованиям развития производительных сил на основе закона экономии рабочего времени. Мы согласны с известным исследователем этой проблемы А. В. Золотовым в том, что: «В реальной жизни доминирует прямая зависимость, так как и рост оплаты труда, и увеличение свободного времени имеют одну экономическую основу — повышение общественной производительности труда. Показательно, что лидерству стран в области заработной платы и свободного времени соответствует лидерство в производительности труда в экономике» [4, с. 63].

В России за период 2005—2012 гг. объем выпуска обрабатывающих производств увеличился на 19%, производительность труда — на 31,3%. Численность занятых в обрабатывающих производствах снизилась на 19,9% при сокращении общих затрат труда всего на 9,1% [2]. Годовая часовая нагрузка на одного занятого выросла.

Положение рабочих в российской обрабатывающей промышленности сильно отличается от ситуации в развитых странах. Величина располагаемого свободного времени за последние 27 лет не увеличилась. Среди рабочих преобладают люди старшего поколения, и адекватной замены выбывающим на пенсию рабочим нет из-за отсутствия молодых хорошо обученных кадров.

Средний возраст оборудования в промышленном секторе увеличился с 8,4 до 21,2 лет, более 40% от общего объема основных производственных фондов требуют замены (табл. 3).

Таблица 3

Возрастная структура производственного оборудования в промышленности, %

Показатель	1970	1980	1990	2000	2010
Все оборудование (на конец года)	100	100	100	100	100
В возрасте до 5 лет	40,8	35,5	29,4	4,1	8,6
« 6...10 лет	30,0	28,7	28,3	15,2	5,1
« 11...15 лет	14,0	15,6	16,5	25,7	12,3
« 16...20 лет	6,9	9,5	10,8	20,1	22,5
« более 20 лет	8,3	10,7	15,0	34,8	51,5
Средний возраст оборудования, лет	8,4	9,5	10,8	17,9	21,2

Составлено автором по [2].

В этих обстоятельствах динамика прироста производительности труда в обрабатывающем производстве России в последние годы носит затухающий характер: 2005 г. — 6,0%, 2006 — 8,5%, 2007 — 8,4%, 2008 — 2,6%, 2009 — 4,1%, 2010 — 5,2%, 2011 — 4,7%, 2012 — 3,6% [2].

Развитию конкурентоспособности российских предприятий мешает рудимент советской экономики: жесткая регламентация условий труда работников, негибкость и строгое регулирование рабочего времени. Лишь около 5% трудоустроенных россиян работают по совместительству. Доля работающих более 48 часов в неделю не превышает 3%, что намного ниже уровней в развивающихся и даже в развитых странах. Лишь некоторые государства с переходной экономикой, например Болгария, имеют сравнимые показатели (в пределах 5%). Наряду с этим, в России низок процент работающих менее 35 часов — 5,5% против 10...20% в развивающихся

и 20...30% в развитых странах [5]. Из-за постоянного изменения объемов и структуры спроса на товары и услуги меняются потребности предприятий в количестве и качестве рабочей силы, поэтому необходимо внедрение нестандартных и гибких форм занятости.

По результатам анализа можно сделать конкретные выводы для нашей страны. Итак, рост производительности труда является основным источником развития обрабатывающего производства, ведет к замещению живого труда овеществленным при одновременном повышении уровня жизни населения. Эффективное функционирование индустриального сектора на основе закона экономии рабочего времени обуславливает рост занятости и сокращение продолжительности рабочего времени в сфере услуг.

Чтобы отмеченные закономерности адекватно работали в России, необходимы масштабные изменения в обрабатывающем производстве, характеризуемые рядом авторов как «неоиндустриализация» [6].

Ускорению научно-технического прогресса, устранению устаревших производственных структур и формированию наукоемкого и высокопроизводительного типа производства будет способствовать адекватная промышленная политика. Возможности индустриального сектора, созданного в СССР, практически исчерпаны. Необходимо создавать новые производства, кластеры, которые могут найти свои ниши не только в России, но и на мировом рынке, предложить конкурентоспособную продукцию, изготовленную с использованием высоких технологий. Становление и развитие инновационного промышленного потенциала будет способствовать созданию новых эффективных рабочих мест, интенсификации и повышению производительности труда.

Сегодня в Россию импортируется уже готовая продукция, подавляющую часть которой составляют товары потребительского спроса с высокой добавленной стоимостью. В этих обстоятельствах в ближайшее время необходимы разработка и производство нового технологического оборудования для модернизации промышленности или его импорт, как это было в период индустриализации СССР.

Экономическая система передовых индустриальных держав приведена в соответствие с ключевыми требованиями закона вертикальной интеграции и имеет развитый государственно-корпоративный сектор. Это позволяет нацеливать индустрию на выпуск готового продукта с высокой долей добавленной стоимости. По этому примеру в рамках четко продуманного плана в России возможно объединение добывающих и обрабатывающих производств, научно-технологических и инжиниринговых центров, фирменных сетей оптовой и розничной торговли с соответствующим закреплением посредством государственно-корпоративной собственности. Это сведет к нулю возможность извлечения прибыли на стадии промежуточных переделов технологического цикла, а также инфраструктурными монополиями и будет стимулировать индустриальную модернизацию экономики России.

Оплата труда — важнейшее средство материального стимулирования непрерывного роста производства, повышения его эффективности. Зарплата российских рабочих находится на уровне 20...30% от ее реальной стоимости. Правильная организация оплаты труда, основанная на принципе опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом заработной платы, будет содействовать вовлечению людей в производство, сокращению затрат заработной платы на производство единицы продукции, снижению ее себестоимости, а следовательно, повышению эффективности производства.

Роль увеличения свободного времени очень важна в инновационном процессе. Человеческие ресурсы должны развиваться в соответствии с динамикой развития производительных сил, поэтому необходимо увеличить свободное время за счет сокращения рабочего времени с 8 до 6...7 часов без снижения зарплаты. Исходя из посыла увеличения свободного времени работника как времени для восстановления и развития способностей человека необходимо адекватное развитие систем здравоохранения и образования. Грамотное медицинское обслуживание рабочей силы,

профилактика профессиональных заболеваний ведут к увеличению фактически отработанного времени в производстве и объема выпускаемой продукции.

Вторая система, образование, должна быть модернизирована в целях повышения конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда и ориентирована на спрос инновационной экономики и потребности современного рынка труда. В рамках неоиндустриализации особенно важно поднять престиж работы в обрабатывающих производствах. Рабочие кадры должны быть высококвалифицированными и получать соответствующую зарплату. Важно довести мероприятия, изложенные в «Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в РФ на период до 2020 года», до логического продолжения с соответствующим развитием законодательства и формированием новой образовательной инфраструктуры подготовки рабочих кадров.

Помимо снижения рабочего времени подъему обрабатывающих производств будут способствовать изменение условий труда, возможность выбора режима рабочего времени и развитие гибких форм занятости. На протяжении трудовой жизни меняются требования работников к условиям труда; необходимы периодическое обновление знаний, расширение профессионального профиля, возможность выбора подходящего режима работы. Значение этих факторов в нашей экономике недооценено, хотя многочисленными исследованиями доказана их практическая польза. В связи с этим следует законодательно изменить систему трудовых отношений в России.

Практика развитых стран мира показывает, что уровень развития обрабатывающих производств остается ключевой характеристикой экономического прогресса. Этот факт упускается из вида на фоне глобальной «сервисизации» экономик.

Необходимость модернизации российской экономики не вызывает сомнений. Сегодня требуется выполнить оценку инновационных возможностей и развивать наукоемкие и высокотехнологичные сектора обрабатывающей промышленности страны в рамках разработанной новой индустриальной политики.

Список литературы

1. Статистические данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЕСР). — Режим доступа: <http://stats.oecd.org>
2. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.
3. ТОП-10 самых трудолюбивых стран мира//Take-profit.org. Новостной портал. — Режим доступа: <http://take-profit.org/bloomberg-news/19272>.
4. Золотов, А. В. Время, отработанное за трудовую жизнь: динамика и перспективы/А. В. Золотов // Экономист. — 2014. — № 3. — С. 59–67.
5. Working time in the twenty-first century: Discussion report for the Tripartite Meeting of Experts on Working-time Arrangements 2011. 17–21 october 2011/International Labour Office. — Geneva, ILO, 2011. — P. 31–32.
6. Губанов, С. С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики/С. С. Губанов // Экономист. — 2014. — № 4. — С. 3–32.
7. Статистический портал. — Режим доступа: <http://stats.wikiprogress.org/>
8. Российский статистический ежегодник. 2013: стат. сб. / Росстат. Р76. — М., 2013. — 717 с.
9. Труд и занятость в России. 2003: стат. сб. / Госкомстат. Т78. — М., 2003. — 638 с.
10. Труд и занятость в России. 2007: стат. сб./ Росстат. Т78. — М., 2007. — 611 с.
11. Труд и занятость в России. 2013: стат. сб./ Росстат. Т78. — М., 2013. — 661с.

Г. Ф. Балакина¹, Г. И. Поподько²

ЦЕЛЕВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ³

Изменение условий развития регионов требует формирования новой модели взаимодействия федерального центра и субъектов Федерации, экономические интересы которых не должны противоречить государственным интересам [1, с. 260]. Ограничения в этой сфере связаны с вступлением в силу Федерального закона об общих принципах местного самоуправления, существенно изменяющего механизм управления пространственным развитием региона, а также федеральных законов «Об особых экономических зонах»⁴ и «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵. Трансформация системы социальных приоритетов (рост пенсий до уровня прожиточного минимума, меры по поддержке семьи и детей, инвалидов, повышение качества и доступности образования и др.) ведет к росту расходов региональных бюджетов на обеспечение социальных обязательств и финансирование социальной инфраструктуры, определяющей качество жизни населения региона. В связи с этим вопросы формирования и развития новых зон или территорий экономического роста приобрели особую актуальность. Разновидностью таких зон являются целевые экономические зоны (ЦЭЗ), которые рассматриваются как инструмент регулирования развития территории и диверсификации экономики для депрессивных регионов страны [2–5]. Главная цель создания зон экономического роста — реализация стратегии развития государства или отдельной территории на основе решения внешнеторговых, общеэкономических, социальных, региональных и научно-технических задач.

Низкий уровень развития депрессивных регионов не позволяет им преодолеть отставание в социально-экономическом развитии. В ряде регионов нет условий для повышения уровня и качества жизни населения, формирования высокопрофессиональных трудовых ресурсов, необходимых для создания современных производств, использующих инновационные технологии.

Модель развития ЦЭЗ (см. рисунок) основана на использовании конкурентных преимуществ региона, выявленных при системном анализе социально-экономических процессов. При вводе

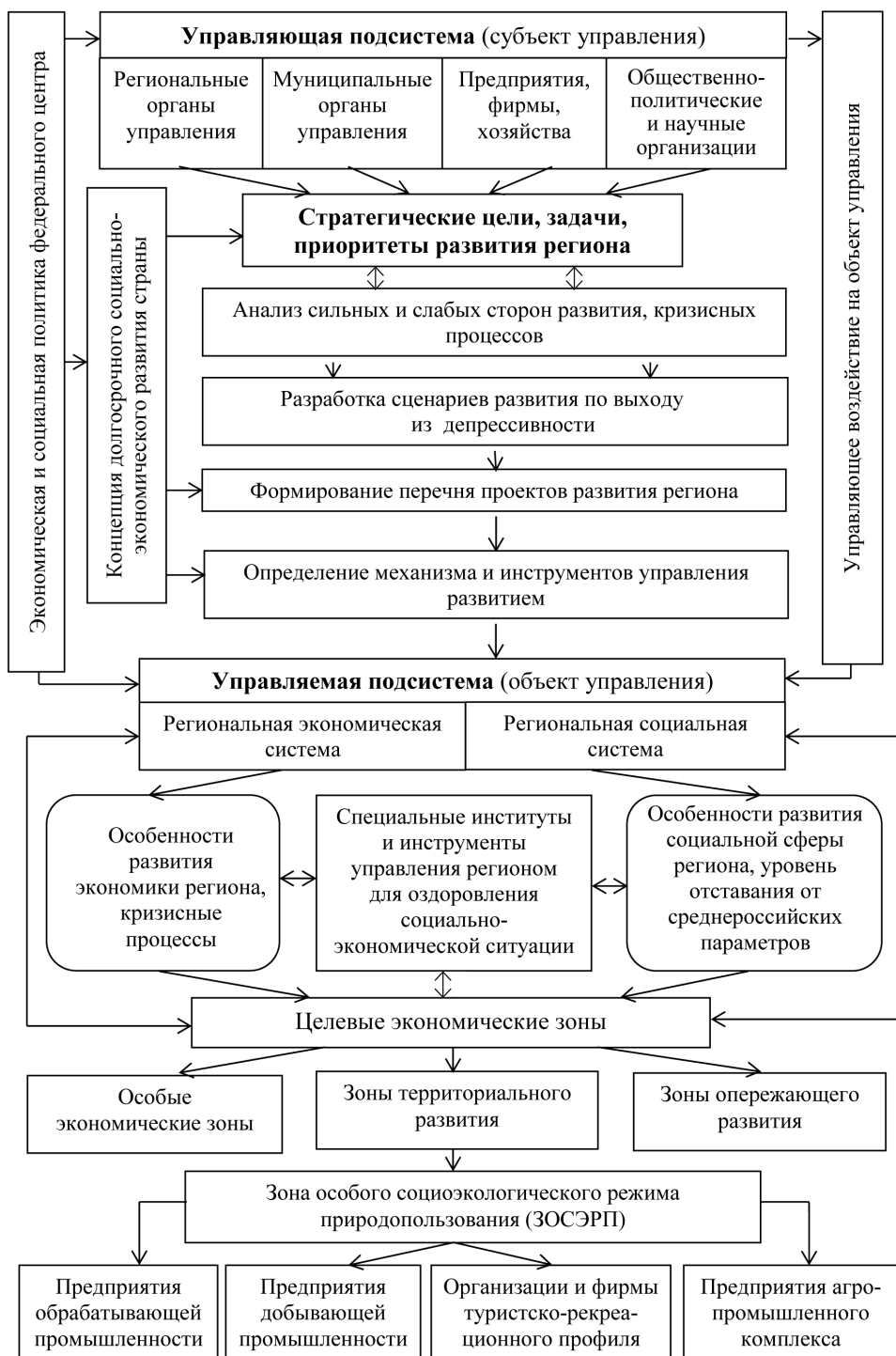
¹ Галина Федоровна Балакина, заместитель директора по научной работе Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, канд. экон. наук, e-mail: balakina.gal@yandex.ru

² Галина Ивановна Поподько, ведущий научный сотрудник Красноярского отдела Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, д-р экон. наук, e-mail: pgi90@bk.ru

³ Статья подготовлена в рамках исследований по гранту РГНФ №13-12-17002 «Разработка организационного механизма формирования целевой экономической зоны на территории Республики Тыва».

⁴ Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» // Собр. законодательства РФ. Ст. 3127. М.: Юр. лит., 2005. № 30. С. 8238–8264.

⁵ Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. Ст. 7070. М.: Юр. лит., 2011. №49. С. 18022–18033; Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития. Пост. Правительства РФ от 10.04.2013 г. № 326. // Собр. законодательства РФ. Ст. 1955. М.: Юр. лит., 2013. № 16. С. 3819.

Принципиальная модель развития целевой экономической зоны депрессивного региона

на территории такой зоны особого режима государство в лице республиканских и местных властей сможет контролировать хозяйственную деятельность резидентов, гарантируя реализацию заявленных целей социально-экономического развития территории.

В работе [6, с. 72] в качестве одного из вариантов воплощения социоэкологической концепции развития предлагается введение на территории региона особого эколого-экономического режима природопользования (ОЭЭРП) для обеспечения благоприятного инвестиционного климата. Целью данного предложения было решение социально-экономических проблем одного из депрессивных регионов России — Республики Тыва, привлечение инвесторов для широкомасштабного промышленного освоения минерально-сырьевых ресурсов региона. Однако механизм реализации ОЭЭРП предусматривал технологическое обновление только в минерально-сырьевом комплексе и не вписывался в нормативно-правовое поле РФ [7, с. 135]. При этом не рассматривались вопросы экологической безопасности, развитие традиционных видов деятельности местного населения, решение социальных проблем.

На основе идеи ОЭЭРП нами предлагается формирование на территории ряда депрессивных регионов зоны особого социоэкологического режима природопользования (ЗОСЭРП), представляющей принципиально новую экономическую модель их развития. Созданию данной формы регионального развития способствуют:

- нормативно-правовая база (принятие ряда федеральных нормативно-правовых актов, в частности федерального закона от 03.12.2011 г. № 392–ФЗ);
- значительные запасы природного сырья, слабо вовлеченные в экономический оборот;
- свободная рабочая сила;
- привлекательные для развития туризма природные ландшафты, наличие уникальных природных объектов;
- благоприятные условия для развития сельского хозяйства;
- условия для развития народных промыслов.

На территории зоны особого социоэкологического режима природопользования вводится порядок организации и ведения хозяйственной деятельности, гарантирующий сохранение ее экологического, исторического, культурного потенциала и рост экономического и социального развития.

Основными целями создания ЗОСЭРП являются:

- научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов рационального природопользования при создании комплекса новых производств на инновационной основе;
- обеспечение роста благосостояния населения на основе современных социальных стандартов (гарантированность и доступность общественных благ мирового уровня) за счет динамичного экономического роста;
- охрана жизни и здоровья человека;
- решение проблем экономической, энергетической и продовольственной безопасности, сохранение природного, исторического и культурного наследия;
- сохранение, а также восстановление и воспроизводство природных ресурсов за счет внедрения безотходных и ресурсосберегающих технологий и выпуска экологически чистой продукции [5, с. 31].

Особый социоэкологический режим, на наш взгляд, следует вводить в зонах территориального развития. Согласно ФЗ от 03.12.2011 г. № 392–ФЗ, к ним относится часть территории субъекта РФ, на которой в целях ускорения социально-экономического развития субъекта РФ путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику резидентам зоны предоставляются меры государственной поддержки⁶.

⁶ Роль субъектов РФ в реализации задач социально-экономического развития страны и реализации государственной национальной политики//Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2012. № 3 (446). Режим доступа: budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2012/VSF_NEW201202011100/VSF_NEW_201202011100_000.htm (дата обращения 03.04.2014 г.).

Введение ЗОСЭРП позволит сделать процесс формирования зон территориального развития экономически и экологически устойчивым, повысит его социальную адаптивность. При этом ЗОСЭРП целесообразно разделить на производственно-экономическую, социальную и экологическую подсистемы. В производственно-экономическую подсистему входят добывающие и обрабатывающие виды экономической деятельности, а также агропромышленный сектор; в социальную — объекты социальной инфраструктуры, формирующей благоприятные условия для жизни населения; в экологическую — организации, осуществляющие туристическую и рекреационную деятельность, а также промыслы коренных народов региона.

Производственно-экономическая подсистема Республики Тыва характеризуется выраженной сырьевой направленностью. Основными задачами экономического развития региона являются создание производств по глубокой переработке местного сырья на базе новых технологий; расширение смежных и обслуживающих производств, обеспечивающих потребности внутреннего и внешнего рынков. Развитие социальной подсистемы направлено на повышение уровня жизни населения, ликвидацию бедности, изменение характера потребления, защиту здоровья населения, предотвращение эпидемий и развитие «экологичной» экономики. Для развития экологической подсистемы необходимы внедрение экологически чистых видов производства и ориентация структуры хозяйственного комплекса республики на экономическую культуру этносов.

На территории одного муниципального образования, включенного в зону территориального развития, могут успешно развиваться организации добывающего комплекса и туристско-рекреационного профиля, а также агропромышленный комплекс.

Актуальность применения экологически ориентированных инструментов развития региона, каковым является реализация проекта ЗОСЭРП, обусловлена тем, что республика остается одним из самых экологически благополучных регионов России. Однако в настоящее время в ней началась реализация стратегических инвестиционных проектов по вовлечению в хозяйственный оборот месторождений минерального сырья, что может привести к деградации экосистемы.

Основными конкурентными преимуществами Тывы в сфере развития туристско-рекреационной деятельности являются разнообразие природных условий, наличие на ее территории практически всех географических зон северного полушария, уникальных природных объектов и сохранившийся только в Тыве феномен «аржаанного лечения». Целесообразно привлекать ученых для разработки уникальных оздоровительных технологий, основанных на тувинских народных традициях, восточных практиках (йога, ци гун и др.), использовании в косметологии природных лечебных средств, сопутствующих аржаанным комплексам, соленым и грязевым озерам (осадочных веществ, тины, грязи и т. д.).

Для снабжения республики продовольствием целесообразно создание комплекса производств на основе хозяйств Западной и Южной зон Тывы, отличающихся ярко выраженной сельскохозяйственной специализацией. Здесь можно сосредоточить производство по переработке сельскохозяйственной продукции; учебные заведения по подготовке специалистов для отраслей АПК; научно-исследовательские организации. Аграрные хозяйства перечисленных зон могут специализироваться на производстве экологически чистых продуктов, в первую очередь продукции животноводства. Формирование на основе хозяйств Южной и Восточной зон территориального комплекса по производству и переработке сельскохозяйственной продукции включает в себя организацию вертикально интегрированного агрохолдинга по производству и переработке экологически чистой продовольственной продукции; развитие потребительской и сбытовой кооперации сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Предлагаемая нами модель устойчивого развития депрессивного региона на основе создания ООСЭРП отвечает современным требованиям долгосрочного развития страны по критериям экономической эффективности, экологической безопасности и социальной ориентированности.

Список литературы

1. Асаул, А. Н. Специфика особой экономической зоны для слаборазвитого региона/А. Н. Асаул, Г. Ф. Балакина, М. К. Соян//Успехи современного естествознания. — 2014. — № 1. — С. 74–77.
2. Севек, В. К. Стратегические задачи реализации инновационного сценария развития Тывы при создании территории опережающего развития/В. К. Севек//Вестник гражданских инженеров. — 2014. — № 2 (34).
3. Асаул, А. Н. Специальные правовые и экономические режимы как формы государственного регулирования развития слаборазвитого региона/А. Н. Асаул, Г. Ф. Балакина, М. К. Соян//Научные труды Вольного экономического общества России. — 2013. — № 4. — Т. 171. — С. 196–207.
4. Асаул, А. Н. Современные парадигмы региональной экономики/А. Н. Асаул, Г. Ф. Балакина, М. К. Соян//Проблемы современной экономики. — 2013. — № 4 (48). — С. 257–260.
5. Балакина, Г. Ф. Особенности формирования системы устойчивого развития региона/Г. Ф. Балакина, Т. М. Ойдуп//Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2012. — № 19 (160). — С. 31–36.
6. Лебедев, В. И. Минерально-сырьевой потенциал Республики Тыва и перспективы его освоения/В. И. Лебедев, М. Ф. Лебедева, Н. И. Лебедев//Экономическое возрождение России. — 2009. — № 3 (21). — С. 66–72.
7. Соян, М. К. Концепция развития «особого» региона путем формирования целевой экономической зоны/М. К. Соян//Экономическое возрождение России. — 2011. — № 2 (28). — С. 132–138.

РЕФЕРАТЫ

УДК 330.354 С. Д. Бодрунов. Реиндустриализация экономики: начнем с импортозамещения? Острая необходимость импортозамещения обусловлена сложившейся ситуацией в экономике, которая усугубляется падением цен на энергоресурсы и введением санкций против России. Однако импортозамещение не должно быть тотальным. Оно заключается не в минимизации импорта как такового, а в минимизации рисков в сфере экономической и оборонной безопасности, продовольственной и товарной зависимости, доступности передовых технологий. Формулируются основные направления импортозамещения: диверсификация импорта и экспорта, а также создание новых производств на новой технологической основе, т. е. реиндустриализация экономики. Выделены приоритетные отрасли, требующие модернизации. Подчеркиваются важность политики протекционизма по отношению к отечественному производителю, необходимость изменения финансовой политики и административной практики в отношении промышленности и предпринимательства.

Ключевые слова: импортозамещение, реиндустриализация, экономические санкции, политика протекционизма.

УДК 330.354 С. Д. Бодрунов. О международном конгрессе «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» (22–23 ноября 2014 г.). Приводится информация о международном конгрессе, посвященном проблемам возрождения отечественного высокотехнологичного производства, науки, образования и культуры; подчеркивается важность и своевременность его проведения; представлены организаторы и инициаторы Конгресса. В качестве доминанты экономической доктрины будущего определена модернизация России. Кратко обозначены приоритеты, цели, средства и ресурсы

ABSTRACTS

S. D. Bodrunov. Reindustrialization of economy: begin with import substitution? Urgent necessity of import substitution is caused by the current situation in the economy. It is compounded by the fall in energy resource prices and the imposition of sanctions against Russia. However, import substitution should not be total. It doesn't mean minimization of the import as such; it implies the risk mitigation in the economic and defense security, food and commodity dependence, the availability of advanced technologies. The main directions of import substitution are formulated. They are: diversification of import and export as well as the creation of new production units based on new technology, i.e. reindustrialization of economy. Priority sectors requiring modernization are pointed out. There is an emphasis of the importance of the protectionism policy to domestic producers, the necessity for financial policy and administrative practice change to industry and entrepreneurship.

Keywords: import substitution, reindustrialization, economic sanctions, the policy of protectionism.

S. D. Bodrunov. About international congress "Revival of production, science, and education in Russia: challenges and solutions" (22–23 November 2014). There is information about the international congress on issues of domestic high-tech production revival as well as science, education, and culture. Importance and timeliness of the congress is emphasized. The organizers and initiators of congress are presented. Modernization of Russia is defined as the dominant economic doctrine of the future. Article contains brief outline of the priorities, goals, means, and resources for implementation of the stated reindustrialization strategy.

сы, необходимые для реализации заявленной стратегии реиндустриализации.

Ключевые слова: международный конгресс, реиндустриализация, модернизация России, возрождение высокотехнологического производства, науки, образования, культуры.

УДК 330.354 Р. С. Гринберг. Обновление экономической системы: большие проекты как ключ к выходу из стагфляционной ловушки (полемические заметки в связи с публикацией трех статей по проблемам реиндустриализации). В статье дается критический анализ монетарной политики, проводящийся в России. Доказывается, что в отечественной экономике причины стагфляции существенно отличаются от «классических», а для их преодоления необходимы активные реформы экономической системы, которые позволят, в частности, реализовывать крупные проекты на транспорте, в промышленности (железнодорожный коридор Европа — Азия) и др.

Автор анализирует статьи С. Д. Бодрунова, а также А. И. Колганова и А. В. Бузгалина, инициировавшие дискуссию по проблемам обновления экономической системы России и реиндустриализации.

Ключевые слова: экономическая система России, реиндустриализация, стагфляция, кейнсианство, монетаризм, железнодорожный коридор Европа — Азия.

УДК 338.121 М. И. Воейков. Стратегии модернизации российской экономической системы. Рассматриваются два варианта модернизации российской экономики: эволюционный и мобилизационный. На основе анализа теоретических исследований и опыта развития разных стран (в том числе СССР и России) выявлены слабые и сильные стороны плановой и рыночной экономики. Сформулирована суть понятия «инновационное развитие» в современных условиях, включающего развитие человеческого потенциала. Показано, что переход к «обществу знаний» требует новой экономической теории, способной (в отличие от мейнстрима) объяснить

Keywords: international congress, reindustrialization, modernization of Russia, the revival of high-tech production, science, education, and culture.

R.S. Grinberg. Economic system renovation: enterprises as the key to withdrawal from the stagflation trap (the polemic notes on the back of the release of 3 papers for the reindustrialization problems). The paper gives the stocktaking of the monetary policy which is still being pursued in Russia, and proves that the stagflation causes in the domestic economy differs essentially from the “classic” ones and their negotiation expects the dynamic reforms of economic system which will let realize, particularly, enterprises in transport, in industry (the railway corridor «Europe — Asia») and other.

Author dissects creatively S. D. Bodrunov's writings along with A. I. Kolganov's and A. V. Buzgalin's ones triggered the discussion on the questions of the Russian economic system renovation and the reindustrialization.

Keywords: russian economic system, reindustrialization, stagflation, keynesianism, monetarism, railway corridor Europe — Asia.

M. I. Voeikov. Strategies of Russian economic system modernization. The article concerns the modernization of the Russian economy, the possibility of becoming at the same level with economically developed countries and taking the rightful place in the global market. It requires a scenario where the country will be mobilized and it will make a sharp turn in its economic policy, but it retains sufficient incentives for the development and welfare of the people majority. There is a question: “Is the country's transition to the innovative development possible as a peaceful, evolutionary development, or does it require overall mobilization for the

новые процессы и обосновать переход нашей экономики на путь инновационного развития. Сформулированы 3 принципа инновационной модернизации: народнохозяйственное планирование, рыночное саморегулирование и политическая демократия.

Ключевые слова: экономическая система, стратегия модернизации, «структурный поворот», инновационная модернизация, рыночные механизмы, государственная политика.

УДК 330.342. В. М. Кульков. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России. В статье рассматриваются теоретические и методологические аспекты исследования национальной экономической системы. Выявляется роль неэкономических факторов и целей развития применительно к национальной экономике. Анализируются основные контуры экономической системы России, раскрываются особенности ее формирования. Особое внимание уделяется содержанию мобилизационной экономики. Показывается роль материального производства и его индустриальной сферы в современной экономике. Сопоставляются содержание неоиндустриализации, реиндустриализации и постиндустриализации экономики.

Ключевые слова: системный подход, национальная экономическая система, российская экономика, материальное производство, неэкономические факторы, неоиндустриализация, реиндустриализация, постиндустриализация.

УДК 334.723. М. Н. Мысин. Перспективы регионального развития государственно-частного партнерства в России. Выполнен обзор текущего состояния проектов государственно-частного партнерства (ГЧП) в российских регионах на примере Ленинградской, Московской и Волгоградской областей с построением их рейтинга по уровню развитости ГЧП. Результаты исследования опираются на анализ наиболее показательных региональных ГЧП-проектов. Формулируются базовые принципы развития ГЧП, соблюдение которых позволит активизи-

“structural turn”? Material production sector, primarily mechanic engineering, is of substantial, if not decisive, importance in this mobilization strategy.

Keywords: economic modernization, mobilization scenario of development, economic planning, innovative type of development, the market model.

V. M. Kulkov. Parameters of research and formation of the national economic system in Russia. In this article, the focus is on the national economic system as a concrete expression of the implementation of the system approach in relation to the country's economy. Theoretical and methodological aspects of its research are considered. The role of non-economic factors and development objectives in relation to the national economy is revealed. Basic outlines of Russia's economic system are analyzed. Features of its formation are disclosed. Attention is drawn to the content of the mobilization economy. The role of material production and its industrial sphere in the modern economy is shown. Neoindustrialization content is reviewed and its comparison with the reindustrialization and post-industrialization of the economy is performed.

Keywords: systemic approach, the national economic system, the Russian economy, material production, non-economic factors, neoindustrialization, reindustrialization, post-industrialization.

M. N. Mysyn. The prospects of regional development of public-private partnership in Russia. The thesis is a scoping study of the status of the projects of public-private partnership (PPP) in Russian regions by the example of Leningrad, Moscow and Volgograd regions with building their rating with the level of development of PPP. The results of the research are based on the analysis of the most significant regional PPP projects. In conclusion of the article the author formulates the basic principles of PPP development, the implementation of which will

зировать механизмы государственно-частного партнерства в региональных экономиках.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, региональная экономика, рейтинг регионов, социально значимые проекты, правовое регулирование ГЧП.

УДК 338.45 А. И. Балашов, О. В. Триголос. Анализ элементов государственной политики в сфере стратегического развития биотехнологической отрасли России. В статье рассматриваются элементы государственной политики в сфере стратегического развития биотехнологической отрасли России в контексте перехода страны к шестому технологическому укладу. Прослеживаются цели, задачи и состав участников формирующихся технологических платформ, а также инструменты поддержки развития биотехнологий, направленные на стимулирование спроса и повышение конкурентоспособности отрасли.

Ключевые слова: биотехнология, стратегия развития, технологические платформы, биоэкономика.

УДК 338.22. М. А. Каменских. Исследование конкурентоспособности России в рамках глобальной экономики. Рассмотрены аспекты глобальной конкурентоспособности России в условиях продолжающегося спада мировой экономики. Описаны показатели индекса глобальной конкурентоспособности, проанализированы основные подходы к особенностям российской экономики, выделены ее слабые и сильные стороны. Проведен анализ показателей конкурентоспособности России в соответствии с индексом глобальной конкурентоспособности. Выполнено сравнение показателей российской экономики с показателями «эталонной» переходной экономики. Даны общие рекомендации по повышению конкурентоспособности российской экономики.

Ключевые слова: экономика России, индекс глобальной конкурентоспособности, показатели, переходная экономика.

allow considerably to activate the mechanisms of public-private partnership in the regional economies.

Keywords: public-private partnership, regional economy, region ratings, socially-desirable projects, the legal base of PPP.

A. I. Balashov, O. V. Trigolos. The analysis of the elements of state industrial policy for strategic development of biotechnology industry in Russia. This article is devoted to the analyses of the elements of state industrial policy for strategic development of biotechnology industry in Russia in the context of transition to the new (sixth) technological order. We discuss the goals, objectives and participants of emerging technology platforms, as well as the tools supporting the development of biotechnology, aimed at stimulating demand and increasing competitiveness of the industry.

Keys word: biotechnology, development strategy, technology platforms, bioeconomy.

M.A. Kamenskih. Research of Russian competitiveness within the framework global economy. In this article aspects global competitiveness of Russia in the conditions of proceeding recession of world economy are considered. Indicators of the global competitiveness index are described, the main approaches to features for Russian economy are analysed, Russian economy weaks and strengths are allocated, the analysis indicators of Russia competitiveness according to the global competitiveness index is carried out. Comparison of Russian economy indicators and indicators of the «standard» transitional economy is carried out. Conclusions are drawn, the general recommendations about strengthening of Russian economy competitiveness are described.

Keywords: Russia, economy, global competitiveness index, factors, transition economy.

УДК 330.34. С. Н. Костромина, С. Д. Гуриева, И. А. Самуйлова, А. Г. Конфисахор. Социально-психологические парадоксы экономического развития региона России. Обсуждаются парадоксы, выявленные в ходе социально-психологического анализа эффективности реализации стратегии социально-экономического развития одного из регионов России. Основу анализа составили годовые отчеты, концепции программ и другие документы, позволяющие определить динамику модернизации жизненно важных сфер, а также результаты проведения фокус-групп с использованием полустандартизированного интервью и анкетирования. Рассматриваются особенности реализации стратегически ориентированных программ в социально значимых сферах (образование, здравоохранение, досуговая активность), выделены зоны риска и потенциального развития. Сопоставляются внешние и внутренние характеристики социально-экономического развития региона. Анализируются индикаторы психологического благополучия человека (активность, доступность, мотивированность, инициативность, адаптивность, готовность к изменениям, напряженность, социальная стабильность, представления людей о социально-экономических изменениях, происходящих в области, и пр.). Особое внимание уделено разбору факторов и условий проживания, влияющих на привлекательность региона. Даны рекомендации по актуализации и совершенствованию инновационных процессов в регионах, повышению качества жизни населения на основе модернизации приоритетных отраслей экономики.

Ключевые слова: экономическое развитие, стратегия, эффективность, человеческий капитал, стабильность, благополучие, миграция, образование, здравоохранение, социально-психологические парадоксы, регион России.

УДК 332.354. И. А. Ситнова, Д. У. Ишназаров, З. М. Салихова. Сущность и структура институциональной среды экономики современной России: возможность перехода

S. N. Kostromina, S. D. Gurieva, I. A. Samuilova, A. G. Konfisahor. Social-psychological paradoxes of economic development the russian's region. This article presents and discusses the paradoxes that revealed during carrying out of the socially-psychological analysis of efficiency realization the strategy of social and economic development of one of regions of Russia. On a base of presented work are the annual reports, concepts of programs and other documents, allowing to define a dynamic of modernization in the vital spheres for the Russian population; also the results of focus-groups using the semi-standardized interview and questionnaire of participants. There are study the features of key, socially-significant spheres of realization the strategically focused programs (education, public health services, recreational activity), and zones of risk and a zone of potential development are allocated. The external and internal characteristics of social and economic development of region are compared. In the article analyzes the indicators of physiological happiness such as activity, availability, validity, initiative, adaptability, readiness for changes, intensity, and social stability, representations of people about the social and economic changes occurring in the region, and so on. The special emphasis is given to analysis of factors and the conditions of residing influencing increase of appeal of region. As a result of research article the correcting recommendations are suggested that directed on actualization and perfection the innovative processes in Russian's region, and also on improvement the quality life of the population on the base of development and modernization the priority branches of economy.

Keywords: economic development, strategy, effectiveness, human capital, stability, prosperity, migration, education, public health, social-psychological paradoxes, the Russian's region.

I. A. Sitnova, D. U. Ishnazarov, Z. M. Salikhova. Nature and structure of the economy the institutional environment of modern Russia: switching to intellectual development. The

на интеллектуальное развитие. Определены сущность и структура институциональной среды экономики современной России, представляющей собой совокупность институциональных составляющих как форм организации деятельности субъектов экономики, а также норм и механизмов регулирования отношений, возникающих в процессе их взаимодействия. Показано, что социально-экономические, политико-правовые, природно-географические и историко-культурные предпосылки сформировали институциональную среду российской экономики, содействующую извлечению рентного дохода. К отрицательным эффектам функционирования данной модели относятся минимизация интеллектуально-инновационной и творческой деятельности, недостаточное использование новых знаний в хозяйственно-экономических процессах, низкие темпы модернизации производства, отставание страны от развитых государств по большинству показателей качества жизни населения. Выделены уровни управления рентоориентированной экономикой; систематизированы формализованные и неформализованные интересы ее субъектов; выявлены положительные и отрицательные эффекты существования данной модели развития экономики; сгруппированы институты формирования интеллектуального капитала (сферы образования и науки) и его использования (производственно-промышленная сфера, сферы предпринимательства и здравоохранения).

Ключевые слова: экономика, основанная на знаниях, интеллектуальный капитал, рентоориентированность, региональный уровень управления.

УДК 330.354. М. Е. Анохина. Экономический рост отраслевых комплексов: теория и практика. В статье раскрывается сущностная характеристика экономического роста отраслевых комплексов. Обосновываются три составляющих экономической динамики: количественная, качественная и воспроизводственная. Анализируется современная экономическая ситуация в России,

essence and structure of the institutional environment of the modern Russian economy, which is a set of components as institutional forms of organization of activity of economic entities, as well as the rules and mechanisms of regulation of relations arising in the process of their interaction. Argued that the socio-economic, political, legal, natural and geographical, historical and cultural background shaped the institutional environment of the Russian economy, promote recovery of rental income. Among the negative manifestations of the functioning of this model the minimization of intellectual innovation and creativity, little use of new knowledge in the economic and economic processes, the slow pace of modernization, backwardness of the country from developed countries on most indicators of the level and quality of life. Highlighted the rent-control levels economies systematized and formalized formalized interests of its subjects, revealed positive and negative effects of the existence of this model of economic development, the formation of institutions grouped intellectual capital — sphere of education and science, and institutions use the intellectual capital — production and industrial sphere, the sphere of entrepreneurship and health sector.

Keywords: economy based on knowledge, intellectual capital, rentoorientirovannost, regional management level.

M. Anokhina. Economic growth industrial complex: theory and practice. The article reveals the essential characteristic economic growth of industry. Presents the rationale by the three components of economic dynamics: quantitative, qualitative and reproductive. We analyze the current economic situation in Russia, which indicate the absence of the conditions for the action of reproductive component of eco-

свидетельствующая об отсутствии условий для действия воспроизводственной составляющей экономического роста. Определяется значение экономического роста АПК для решения задач продовольственной независимости и национальной безопасности. Исследуются процессы количественной, качественной и воспроизводственной динамики в агропромышленном производстве. С учетом глобальной народнохозяйственной ситуации определены приоритетные направления в управлении экономическим ростом АПК.

Ключевые слова: экономический рост, отраслевой комплекс, управление экономическим ростом АПК.

УДК 338.22.01. Б. В. Корнейчук. Демократизация как основа экономической модернизации. Исследованы теории экономической модернизации либерального и марксистского направлений. Модернизация определена как постоянный процесс согласования неформальных и формальных институтов посредством механизма демократических выборов. Доказана базовая роль демократии в развитии постиндустриального общества; выполнен анализ теории неизменного направления экономического развития, или теории «колеи». Подвергнута критике марксистская доктрина «новой индустриализации», которая предполагает масштабную национализацию и переход к централизованной плановой экономике. Показано, что коррупция в России является следствием слабого развития института демократии.

Ключевые слова: модернизация, экономическое развитие, демократия, институты, постиндустриальная экономика.

УДК 330.322.214. И. В. Югова. Институциональные условия развития конкурентной среды на рынке жилищных инвестиций. В статье рассматривается конкурентная среда рынка жилищных инвестиций и институциональные условия ее развития. Выявлены структурные особенности этого рынка. На основе расчета коэффициентов концентрации сделаны выводы о типе рыночной структуры

economic growth. Food security and national independence depend on the growth of agricultural production. We present a study of quantitative, qualitative and reproductive dynamics of agricultural production. Taking into account the global situation identify priority areas in the management of economic growth in agriculture.

Keywords: economic growth, industry, management of economic growth in the agro-industrial complex.

B. V. Korneychuk. Democratization as the Basis of Economic Modernization. Modernization theories of liberal and Marxist origin are discussed. Modernization is defined as a permanent process of bringing formal institutes into accordance with informal ones. Basic role of democracy in postindustrial society development is shown. Institutional theory of fixed development vector, or “rut” theory, is analyzed. The modern Marxist “new industrialization” doctrine including wide nationalization and centralized planned economy is criticized. Corruption in Russia is interpreted as a result of democracy institute weakness.

Key words: modernization, economic development, democracy, institutes, postindustrial economy.

I. V. Yugova. Institutional conditions of competitive environment market housing investments. The article examines the competitive environment of the market of housing investment and institutional conditions for its development. The structural features of this market and its constituent segments. On the basis of the calculation of concentration factors conclusions about the type of market structure of the real estate mar-

рынка жилой недвижимости и других сегментов рынка жилищных инвестиций. Выявлены проблемы, мешающие развитию конкурентной среды: институциональные ограничения, административные барьеры, сложная институциональная структура рынка. Обоснована необходимость создания адекватных институциональных условий для развития благоприятной конкурентной среды.

Ключевые слова: рынок жилищных инвестиций, конкурентная среда, институциональные условия, административные барьеры, конкуренция, рыночная концентрация.

УДК 338.246.2. Н. А. Мамедова. Общественный контроль в сфере государственных закупок. Исследуются подходы к организации общественного контроля в сфере государственных закупок. В статье определено, какой субъект общественного контроля имеет наибольшую текущую результативность и потенциал для эффективного решения задач общественного контроля в сфере государственных закупок. Обобщены данные об уровне гражданской активности как фактора, обеспечивающего эффективность общественного контроля в сфере государственных закупок.

Ключевые слова: общественный контроль, государственные закупки, гражданская активность, общественные объединения.

УДК 69.003. Н. А. Шленов. Проблемы развития регионального управления строительными предприятиями. На примере Нижегородской области показано, что правительство и министерство строительства региона практически не управляют развитием строительных предприятий. Обозначена системная ошибка законодательства о саморегулировании в строительстве, которая препятствует объективному объединению строительных предприятий по субъектному принципу и развитию строительной отрасли. Дана информация о структуре и результатах работы основных групп строительных предприятий региона: крупных, средних, малых. Выявлено, что наиболее слабой группой яв-

ket and other segments of housing investment. The problems hindering the development of a competitive environment, consisting of the institutional constraints, administrative barriers, as well as in complex institutional structure of the market. The necessity of providing adequate institutional conditions for the development of a favorable competitive environment.

Keywords: housing investment market, the competitive environment, institutional environment, and administrative barriers, competition, market concentration.

N. A. Mamedova. Social control in public procurement. Article aims to study the approaches to the organization and direction of one of the forms of social control in Russia — public control of public procurement. The article addressed the question of what kinds of subjects of public scrutiny has the highest current efficiency and the capacity to effectively meet the challenges of public control of public procurement. The article summarizes the data on the state of civic engagement as a factor that ensures the consistency and effectiveness of social control in the field of public procurement.

Key words: public control, public procurement, civil activity of a public Association.

N. A. Shlenov. Problems of development of regional management of construction enterprises. The article on the example of the Nizhny Novgorod region shows the lack of development management of construction enterprises by the Government and the Ministry of construction of the region. System error is indicated by the legislation on self-regulation in the construction, which prevents of objective unification of construction companies on subject principle and thus the development of the construction industry. The article contains information about the structure and results of construction companies of the region: large, medium, small. The large enterprises identify as the weakest group of companies. All public organizations build-

ляются крупные предприятия. Представлены все общественные организации строителей на территории региона и декларируемые ими цели и задачи. Предложены мероприятия по реформированию системы саморегулирования и совершенствованию работы министерства строительства региона.

Ключевые слова: строительная отрасль региона, строительные предприятия, управление развитием, реформирование института СРО, организационная структура, развитие строительных предприятий.

УДК 332.871. Н. Н. Минаев, К. Э. Филюшина, Ю. А. Колыхаева, О. И. Добрынина. Разработка приоритетных направлений и индикаторов развития жилищно-коммунального комплекса регионов. На жилищно-коммунальный комплекс (ЖКК) проецируются тенденции и закономерности наиболее острых социально-экономических проблем развития регионов России, комплексное решение которых позволит создать благоприятные условия для эффективных структурных преобразований отраслей региональной экономики. На протяжении последних 20 лет предпринимались попытки по преодолению системного кризиса в отраслях ЖКК, однако ситуация только усугубилась. В условиях ограниченных региональных ресурсов и несовершенной системы управления ЖКК первоочередной задачей представляется выделение приоритетных направлений развития, обеспечивающих эффективность реализуемых мероприятий в региональном масштабе через адресное предоставление финансовых ресурсов.

Ключевые слова: жилищно-коммунальный комплекс, управление, модернизация, энергетическая эффективность, энергосбережение.

УДК 330.1. И. Н. Полушкина, Т. П. Логинова. Производственная и непроизводственная сферы: анализ опыта развитых стран и перспективы неоиндустриализации в России. В статье анализируются динамика и тенденции развития производственной

сферы региона и их цели и задачи. Автор предлагает меры по реформе системы саморегулирования и улучшить работу Министерства строительства региона.

Keywords: the construction industry of the region, construction enterprises, development management, reform of the SRO Institute, organizational structure, development of construction enterprises.

N. N. Minaev, K. E. Filushina, J. A. Kolihaeva, O. I. Dobrynina. Developing priority guidelines and working indicators of housing and utility complex regions. Housing and utility complex projects tendencies and principles of acute social and economic issues of Russian regions development, a package solution allows to make conducive conditions for effective structural reforms of sector region economy. Fully formed systemic crisis in a sector of housing and utility complex has been forced to attempt of its negotiation for the last 20 years, however the situation in a sector of housing and utility complex in the context of volatile economic environment purely increased.

The scantiness of regional resources and irregularity of housing and utility complex forms as a matter of priority the selection of tasks and explanations of developing priority guidelines that would be provide the effectiveness of realizable action in regional scale via targeting of financial resources.

Keywords: housing and utility complex, management, modernization, energy efficiency, energy saving.

I. N. Polushkina, T. P. Loginova. Production and nonproduction sphere: analysis of the experience of developed countries and prospects neoindustrialization in Russia. This article analyzes the dynamics and trends of production and non-production areas and developed

и непроизводственной сфер развитых стран мира и России; рассматриваются проблемы занятости, производительности труда и продолжительности рабочего времени. Показано, что развитие обрабатывающих производств и индустрии в целом остается ключевой характеристикой экономического прогресса развитых стран. Обосновывается необходимость неоиндустриализации экономики России.

Ключевые слова: занятость, продолжительность рабочего времени, производительность труда, производственная сфера, непроизводственная сфера, неоиндустриализация.

УДК 338.2. Г. Ф. Балакина, Г. И. Поподько. Целевые экономические зоны как инструмент развития депрессивных регионов. Анализируются условия развития регионов в современной России и тенденции совершенствования инструментов управления территориальным развитием. Рассмотрены основы формирования особой формы регионального развития – зоны особого социоэкологического режима природопользования. Обосновано применение данного инструмента для развития депрессивных регионов России, предложена модель формирования такой зоны для Республики Тыва. Разработана структура зоны социоэкологического режима природопользования в республике, включающая развитие добывающей промышленности, организацию туристско-рекреационной деятельности и создание перерабатывающих производств агропромышленного сектора.

Ключевые слова: регион, целевая экономическая зона, инструменты регулирования, социоэкологический режим природопользования, Республика Тыва.

countries and Russia, the issue of employment, productivity and working hours. The author shows that the development of the manufacturing sector and the industry as a whole remains a key feature of the economic progress of the developed world and justifies the need neoindustrialization Russian economy.

Keywords: employment, working hours, labor productivity, production sphere, non-productive sphere, neoindustrialization.

G. F. Balakina, G. I. Popod'ko. Special economic zones as a measure of the depressed regions development. Development conditions of the regions in the present-day Russia and improving tendencies of the territorial development control measures are analyzed in the paper. The formation basis of a special form of the regional development – zones of a special socio-ecological condition of natural resources use are considered. The application of the mentioned measure for the development of the depressed regions of Russia is substantiated. A formation model of the special economic zone for the depressed region is proposed as Tyva Republic case study. The structure of the zone of socio-ecological condition of natural resources use zone is carried out in the republic, including the development of the mining industry, organization of tourist and recreational activities and creation of agro-processing industrial sector.

Keywords: region, special economic zone, regulation measures, socio-ecological condition of natural resources use, Tyva Republic.